
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

Ответственный редактор
ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (Париж)

Секретарь редакции
НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА (Москва)

Редакционная коллегия
Д. СТРУВЕ, Т. ВИКТОРОВА;
О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США);
В. АЛЕКСАНДРОВ (Венгрия);
прот. Владимир Зелинский (Италия);
Жорж Нива (Швейцария);
Е. БАРАБАНОВ, Ю. КУБЛАНОВСКИЙ,
Н. ЛИКВИНЦЕВА, Е. МАЙДАНОВИЧ,
А. МЕДВЕДЕВ, О. СЕДАКОВА (Россия);
К. СИГОВ (Украина)

От редакции

В 2021 году Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе будет отмечать столетие своего создания по указу от 8 апреля 1921 года ныне прославленного в лике святых патриарха Тихона, передавшего в ведение митрополита Евлогия зарубежные приходы, прежде подчинявшиеся Петроградской митрополии. В письме от 21 июня 1921 года митрополит Петроградский Вениамин, также причисленный сегодня к лику святых, дал свое согласие на эту передачу. Так среди разрухи революции и массовой эмиграции русских людей начала свое существование первая епархиальная структура православной церкви в пределах Западной Европы. Движению на Запад выходцев стран Восточной Европы, разрывающему границы между Западом и Востоком, суждено было продолжаться в течение всего XX века, не останавливаясь оно и сегодня. Факт православного присутствия в Западной Европе и Америке имел огромное значение как для самого православия, так и для западных конфессий. Движение к христианскому единству, зародившееся в XIX веке, нашло продолжение в непосредственных контактах, установленных деятелями зарубежного православия с христианами стран, в которых они обрели убежище. Вызовы, с которыми встретилась церковь эмиграции, способствовали выходу православия из того состояния забвения истории, о котором говорит в «Дневниках» отец Александр Шмеман. Эмигрантская церковь жила в тяжелом, но творческом напряжении между памятью об утраченном прошлом и необходимостью устраивать заново церковную жизнь на месте изгнания, свидетельствуя о вселенскости православия. Перед православием, жившим до того в симбиозе с традиционными культурами, возникает задача укоренения в странах, где оно не является «культурообразующей религией», тесно связанной с жизнью общества и государства. Эта работа велась с особенной интенсивностью в Сурожской епархии митрополита Антония, в Православной церкви в Америке вокруг Свято-Владимирской семинарии или в Парижской Архиепископии, где сохранялось наследие митрополита Евлогия и созданного отцом Сергием Булгаковым Богословского

института преподобного Сергия в Париже. Устройство церковной жизни православной диаспоры является по сей день камнем преткновения в православном мире, что свидетельствует о глубоком кризисе церковного сознания и церковного единства в современном православии. В то же время церковная жизнь православной диаспоры, позволившая ей не только сокращаться, но и развиваться и приносить плоды в течение всего столетия ее существования, требует особого осмысления. Хочется надеяться, что юбилей Архиепископии станет поводом для размышлений над пройденным путем, но и над требованиями настоящего и задачами будущего в том духе церковной «Христовой свободы», которую завещал нам митрополит Евлогий.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Протоиерей Сергей Булгаков

Prolegomena к богословию жертвы*

III

Углубляясь в онтологический смысл жертвы, мы упираемся в самые основные проблемы христианской метафизики. Тайна жертвы охватывает край земли и неба, начало и конец всего. Предельный и высший смысл и значение идеи жертвы есть *встреча* творения со своим Творцом, *возвращение* к Творцу, создавшему его для участия в Божественной Жизни. Творению надлежит найти себя в Творце, осуществить в Нем свое назначение, преобразиться и прославиться.

«Verum sacrificium est omne opus quod agitur, ut sancta societate inhaereamus Deo, relatum scilicet ad illum finem boni, quo veraciter beati esse possumus»** — так формулирует идею жертвы св. Августин¹.

Жертва есть движение или действие, в котором совершается и осуществляется назначение тварного существа, в ней

* Мы продолжаем публикацию книги прот. Сергея Булгакова «Prolegomena к богословию жертвы» (1939) по машинописи, хранящейся в архиве Свято-Сергиевского православного богословского института (Париж). Первые две главы см.: Вестник РХД. 2020. № 211. С. 5–23. Заключительные главы будут опубликованы в следующем номере. Здесь и далее постранично даются примечания автора, в конце текста примечания публикаторов. Текст публикуется впервые.

** De Civitate Dei. Lib. X. Cap. 6.

исполняется то, для чего оно было вызвано из небытия к бытию. Принести жертву означает принести дар и принести себя к своему «концу», осуществить цель, исполнить назначение.

Сотворение мира представляет собой некий единый божественный акт, который, однако, осуществляется и разворачивается во времени. Но и в пределах самого творения мы не обладаем нашей тварностью вполне и, будучи включены в конкретное временное бытие с его чередованием и последованием, самоосуществляемся в нем. Человек постоянно находится в движении к последнему пределу своего назначения, в котором он находит исполнение своего бытия; и вместе с тем оно уже дано ему в предвосхищении, в чаянии и надежде. В этом вся напряженность и глубина человеческого существования, его проникнутость духом «странничества», духом взыскания Града Грядущего, полноты и исполнения всяческого.

Жертва есть как бы предельный момент этой напряженности, точка, в которой сосредотачивается вся ее онтологическая сила. Жертва есть свободный, но вместе с тем и осуществленный нашим тварным естеством ответ на зов Божий, обращенный к человеку, ответ на предустановленное Творцом назначение и цель мироздания, обожение и возвращение твари к Творцу, в Котором оно открывает свою собственную природу, начинает сиять красотой того образа, по которому и ради которого она создана. Творение мира было тем движением Божественной любви, в котором рождающаяся и возникающая тварь внутренне определена и предопределена к жертве своему Творцу, и все мироздание совершает этот жертвенный акт, проходит вечный цикл своего в жертве осуществляемого возврата и возвращения к Богу. В этом прославляется Сам Творец, явлена бывает Слава Божия как исполнение Его жертвы, творческой жертвы Его самоотвергающейся любви, которой мир сотворен...

Итак, принести какое-нибудь существо в жертву Богу означает возвратить его Богу, то есть исполнить его назначение как творения. Но возвращение предполагает приятие его Богом: приятие есть действие и участие Божие в жертве, без которых жертвенный акт бессмыслен.

Жертва есть поистине *приношение*, дароприношение, но лишь как путь, как устремление; оно не есть самоцель, нечто

в себе утверждающееся, в себе замкнутое, самодостаточное. Цель — осуществление и самоосуществление тварного бытия. Жертва есть приношение, однако нельзя сказать, что приношение есть жертва. То и другое не может быть отождествлено без различия. Известно, что одинаково в еврейских и христианских литургиях приношение является некоторым предваряющим заклание действием, подготовляющим и, так сказать, направляющим его. Это предварительное приношение или предложение не есть еще последняя бытийственная встреча с Богом и возвращение к Нему принесенной, воспринятой и освященной жертвы, которая следует закланию и завершается причащением, — та, о которой свидетельствует Послание к Евреям, о Христе, вошедшем *не в рукотворенное святилище, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие* (Евр 9: 24).

Во встрече с Богом как бы свидетельствуется метафизически, утверждается подлинное собственное бытие и ценность твари. Она самоутверждается в меру тварной самобытности своей. Она обретает в этой онтологической точке всю полноту своей богозданной тварности и, завершая назначенный ей путь, соединяясь с изначальным источником своего бытия, как бы исчерпывает, жертвенно выявляет все свои имманентные, присущие ей силы. Она ничего не прибавляет к своей природе, но лишь в полноте реализует ее, выявляет свою данность, раскрывает свое существо. В жертве таким образом происходит соединение и взаимное проникновение двух полюсов бого-человеческого (и бого-мирного) бытия: творческое действие собственной силы, вызывающей к бытию небытную тварь, и жертвенный отзыв, ответ твари, узнающей свою тварность и в Боге жертвенно-творчески обретающей свое подлинное бытие, которое, однако, для нее есть уже жизнь Божественной Жизнью, Божественной Плеромой. Так Бог уступает, дарует Свою жизнь тварному бытию, человеку, молит его стать богом с Богом. Как отозваться, как ответить на эту любовь? Ответ есть жертва, жертва любви и любовь жертвы. Путь человека идет от его кеномы (κένωμα) к его плероме (πλήρωμα)² и от тварной плеромы к Плероме нетварной, Божественной.

Исполнение и осуществление цели ничего не прибавляет к твари, что бы ни было уже вложено в нее при ее сотворении,

как тема и данность. И человек, а через него и в нем весь мир, в исполненной и совершенной жертве, обретает лишь то богатство, которое было ему присуще при его возникновении. Но в жертве он становится активным творческим участником осуществления своей полноты, исполнителем своей темы. Он является соучастником и сотрудником в Божием творении, ничего не прибавляя к нему, но все исполняя творческой силой данных ему даров. Вот почему жертва есть *действие*, акт, совершающийся в известном усилии тварного бытия, в устремлении к своему конечному назначению. В этом движении жертва приобретает существенный характер напряженного динамизма. В ней человек ищет Бога и вместе с тем ищет самого себя, своей человечности, своей тварности. И в той мере, в какой это искание входит в первоначальный замысел Божий о нем, в той мере, в какой в нем в этом искании светится и отображается слава Божия, человек является свободным творцом и самотворцом, поистине богом с Богом. Бог в Своей абсолютной самодовлеемости и самодостаточности ждет ответа на Свой Божественный зов, ибо любовь двуедина, она не может существовать без любящего и любимого. Жертва есть как бы точка пересечения любви Божественной и любви человеческой и вместе с тем осуществление и исполнение той и другой.

Однако нужно повторить, что жертва совершается и завершается лишь в *приятии* ее Богом, сила жертвы раскрывается тогда, когда Бог нисходит к ней и приемлет ее в недра Своей Божественной жизни, делает ее Своею.

Таким образом, анализ идеи жертвы приводит нас к основному первофеномену религиозной жизни, к основной мистерии бытия вообще, к *встрече и общению* твари с Творцом во всей глубине и абсолютности онтологического смысла этих понятий.

Вся внешняя и литургическая символика жертвы имеет своей основной темой явить и по-разному осуществить эту встречу. Жертвоприносимое или дар есть то избранное для нас существо, которое совершает жертвенный *путь* ради нас и как бы пред нами, представляя, возвещая и замещая нас. В этом качестве оно отдает себя Богу и приемлется Им.

Нужно сказать, что на протяжении веков так искажилось богосознание человека, что этот священный символ

жертвенной встречи ассоциировался с представлениями, ни в чем не соответствующими его внутреннему смыслу, с представлениями, которые сейчас могут вызвать лишь ужас в христианском сознании. Бог представлялся по образу и подобию ветхой непросветленной человеческой природы, как страшный властитель, карающий и мстящий за непослушание, требующий выкупа и жаждущий жертвы и пролития крови. И эти жертвы приносились целыми кланами, семьями, целыми племенами. Божество представлялось как могучий союзник, которому надо всячески угодить, или же как всесильный враг, которого надо умиловать и напитать кровавой жертвой, принимавшей часто страшные и жуткие формы. После какого-нибудь удачного сражения богам отдавалась десятая часть добычи, как бы в воздаяние Творцу. Этим разделением приобретенного удовлетворяется гнев и ревность и справедливость Божия. В этом язычник находил оправдание своей собственной добычей им части... Однако и здесь, как мы видели, были свои предчувствия подлинного и вечного, хотя и замутненные ограниченностью отравленного грехом природного мира. И эти предчувствия исполнились и осуществились в явлении Богочеловека Иисуса Христа. В Нем жертва стала символом последнего и полного богообщения, в котором таинственно сочетаются и соединяются мысль Божия о человеке и человеческий ответ на нее, ответ на нее о себе самом и о Боге. И на грани этой встречи, там, где тварь достигает своего конца, своей полноты, уже не существуют ни противопоставления, ни даже разделения между «теоцентризмом» и «антропоцентризмом». Все от Бога исходит и к Богу возвращается и в Боге обретается. Внутренний закон бытия, который направляет человеческую жизнь, при ее предельном выражении достигает встречи с Богом или, если можно так сказать, упирается в Бога и вместе с тем находит свое собственное осуществление. Но в процессе самого жертвоприношения усилие человека как бы остается в пределах творения, в частности, обращено к тому тварному предмету жертвы, который представляет собою *знак и символ* нашего устремления к Богу. В предстоянии ему человек является действующим лицом, ибо предстоять Ему значит соотноситься Ему, свидетельствовать о Нем, что Он есть Альфа и Омега, Начало и Конец творения. В этом

и совершается цель и назначение человека и в нем всего мироздания. Бог говорит, и человек слушает; и человек говорит, и Бог внимает и слышит и утверждает и исполняет слово человека о Нем и о себе самом... Нужно, однако, сказать, что в истории религий и в истории богослужения жертва является прежде всего некоторым обрядом, культом, и лишь через это прозревается лежащий в его основе метафизический акт соотношения между Богом и миром и Богом и человеком. Но богатство культовых и ритуальных форм, как будто закрывающих онтологическое ядро жертвы, все же есть ничто иное, как преломление и отражение того, что хранится на глубине жертвенной тайны.

Что касается понятия *приобщения* или причащения, которое представляет собою последний момент в процессе жертвы, то оно и есть свидетельство о совершившемся возвращении и соединении с Богом. Но здесь возможно двоякое истолкование. Причащение означает или саму встречу жертвенного дара с Богом в момент, когда Бог приемлет жертву человека. Жертва соединяется с Богом — это и есть *приобщение жертвы Богу*, Который приемлет и освящает ее. Освящение есть усвоение и тем самым обожение жертвенного дара. С этого момента она может быть возвращена человеку в качестве залога и как бы воплощения божественной любви, которой она ныне исполнена. И человек в свою очередь, приемля ее, — чаще всего во вкушении — соединяется с Создателем своим, и это есть *причащение человека жертве*, а через нее приобщение Богу. В этом заключается второй смысл понятия причащения.

Новейшие труды по богословию жертвы указывают особенно на первый смысл, применяя его к Воскресению и Вознесению Господа Иисуса Христа: Отец приемлет одесную Себя в Отческие недра Свои Воплощенное Слово. «Il Lui communique Sa clarté et Sa gloire divines et entre ainsi en communion de Son Fils comme victime»^{*3}.

В Послании к Евреям говорится о том же, и это является даже основной его темой. Тем не менее обычно в учении о жертве имеется в виду прежде всего второй смысл понятия причащения — как причащение евхаристическое по пре-

^{*} Lepin [M.]. L'Idée du Sacrifice [de la Messe d'après les théologiens depuis l'origine jusqu'à nos jours]. [Paris.] 1926. P. 472.

имуществу. Указывают на то, что сама Голгофская жертва не была связана с причащением, которое представляет собой уже ее евхаристическую проекцию. Однако такое истолкование легко уводит от созерцания света и радости Христовой Пасхи, Его восхождения и вхождения в небо.

Древнееврейское слово *berit*, которое по-русски переведено *завет*, предполагает и включает оба смысла. В великую древнееврейскую жертву непрерывно входило приобщение жертвы Богу в момент вхождения первосвященника в Святое Святых с кровью козлов и тельцов и приобщение Израиля Богу через окропление всего народа кровью — к «получению обетования и вечному наследию»⁴.

IV

Итак, религиозная сила жизни и сила бытия, которую символически отражает жертвенный обряд, состоит в творческом устремлении полной и всецелой самоотдачи твари, возвращающейся к Творцу как к цели и смыслу своего бытия и существования. Таким образом, жертва есть сущность тварного бытия вообще, оно в ней, в жертве, находит себе онтологическое соотношение с Богом. Она сама есть это соотношение, сущностное живое соотношение, в жертвенном акте отражающееся. Это есть дар в действии, тварь, отдающая себя Богу, находящая в Нем источник своего бытия, открывающая в Его бытии собственное бытие свое.

Человек *видимо* может жертвовать лишь материальными благами своими, однако через них и в них он отдает себя самого. Эти блага как бы предшествуют ему, как свидетельствующие и возвещающие путь человека к Богу. Дар представляет собой символический образ самоотдающейся и самоотвергающейся души человеческой: в руки Твои предаю дух мой⁵. И Бог, приемлющий дар, претворяет и изменяет его, делает его тем, чем он в действительности является, *даром Божиим*, ибо все дано Богом и все принадлежит Ему. Дар возвращается, становится *таинством* и в причащении сообщает присущую ему благодать Божественной жизни.

Однако пути твари и пути человека еще не завершились, цель мироздания еще не достигнута. Поэтому и жертва

в феноменологии своей как бы разделяется на два момента или, вернее, на два основных комплиментарных движения, имеющих некогда слиться воедино и отождествиться и тем не менее различных и различаемых. С одной стороны, человек устремлен к Богу и достигает Его силою Божественной благодати; и эта сторона тайны жертвы делается источником блаженства и началом полноты избыточествующей жизненной радости. С другой стороны, человек пребывает еще в состоянии непрестанного становления, неустанно устремляется из глубины своего бытия к трансцендентному Богу и, отделяясь о себя, уходит за пределы всякой актуальности. Та же двойственность характеризует не только субъект и действующее начало жертвы, но и предмет, объект ее. Поскольку он мистически представляет и предшествует нам в нашем жертвенном стремлении, он является средством соединения с Богом, оружием совершенной, блаженной жизни человека, и мы как бы утверждены на нем, как на известном этапе нашей целеустремленности. Но, поскольку он представляет собой лишь образ имеющего совершиться соединения, он лишь распаляет огонь чаяния и ожидания грядущего свершения. Иначе он потерял бы свое собственное назначение, перестал бы быть смыслом, получающим свой смысл из другого мира и открывающим этот другой мир.

Это условное противоположение «средства» и «цели» не имело бы смысла, если бы бытие находилось в состоянии абсолютной завершенности, абсолютного самообладания и самоосуществленности. В Боге не существует этого противоположения ни в отношении твари, ни тем более в отношении Себя Самого. Бог видит всякое бытие в его абсолютном соотношении и сопряженности с Собою: Он созерцает все тварные существа в их движении и устремленности к Себе. «Благословите вся дела Господня Господа»⁶.

В пределах же тварного бытия всегда возможен конфликт между данностью и заданностью, между «средством» и «целью», между отдельным этапом и самой целеустремленностью. Человека всегда подстерегает опасность остановки, потери творческой жизненной энергии на путях самоосуществления, при которой создается противоречие и даже противоборство между тем, что уже есть достояние на данном этапе, и тем, что есть предмет и в то же время смысл не-

престанного движения и устремления. (Отсюда, между прочим, и ритуализм, и всяческое закосменение и затверждение в культах и обрядах религиозных жертвоприношений.)

Для преодоления такого разлада и разрыва необходимо прежде всего искание непосредственного мистического опыта и созерцания Бога вместо абстракции, в которой религиозная жизнь перестает быть огненной, остывает и окостеневает; необходимо искание свободы и освобожденности вместо сознания обладания и чувства собственности. «Странники есмь и пришельцы на земле»⁷, не имеющие своего града, но Града Грядущего взыскующие. И в жертвенном отдании себя Богу предполагается трагическое сознание несоответствия между данным и заданным, между настоящим и будущим, между временным и вечным, священное недовольство, преодоление тяжести, прикованности к отдельным временным осуществлениям и благам, хотя бы и духовным.

Вся религиозная жизнь являет собой эти два момента, друг другу противостоящие и вместе с тем друг от друга неотъемлемые. Она уже хранит в себе полноту и достижение цели, ибо в ней совершается действительная встреча с Богом, и в то же время она требует постоянного отречения и отрешения, в котором тварь как бы преодолевает свою тварность, замкнутость круга тварного мира и отдельных его состояний. Так и в жертве... Однако динамический момент отрешенности, как нечто негативное, отрицательное, не есть действительный отказ от жертвоприносимого; иначе не могло бы и совершиться то онтологическое соединение с Богом, которое лежит в основе жертвы. Отдать жертву, то есть жертвенный дар, Творцу, в Котором и ради Которого она создана, не есть действительная потеря ее или отказ от нее. Напротив, это есть обретение ее и вместе с тем обретение себя в ней...

Тут мы упираемся в вопрос о грехе, который только и делает реальным противопоставление указанных двух моментов. Но об этом речь будет ниже. Пока же надлежит установить, что произведенный выше анализ идеи жертвы приводит нас к убеждению, что основная, так сказать, тема жертвы представляет собой закон, природный закон тварного бытия, присущий ему как таковому. Тварь в силу своей тварности и пред лицом своего Творца не может не относиться

и соотноситься Ему *жертвенно*. Совершенно независимо от сверхприродного религиозного сознания, от так называемой откровенной религии*, от того, находится ли человек в состоянии первозданной чистоты или нет, человек *способен* к жертве. Нотом сарх *sacrificii*⁸. Жертва не имеет прямого и тем более причинного отношения к греху. Для протестантского сознания (преимущественно же неопротестантского), например, сама религия (т.е. «неоткровенная религия») в некотором смысле связана с грехом, как с началом или поводом. Для православного сознания одинаково жертва и религия предшествуют греху и всходят к самому сотворению мира и человека. В своей предельной метафизической глубине жертва в конечном итоге преодолевает все разрывы и противоречия, все *hiatus*'ы⁹ человеческого существования, все «средства» и «цели», пути и достижения, соединяя все в единой и единящей целеустремленности. В этом непрестанная радость жертвы, радость ее крестности, ее распятия. В жертве все умирает и все погибает, но из жертвы же рождается новая жизнь... Неодолим вихрь разрушения, невыносима симфония воплей, проклятий, стонов человеческих жертвоприношений. «Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, ибо их нет»¹⁰. Но не забывает ли мать о смертных своих родовых муках, «ибо новый человек родился в мир»¹¹? Не сияющий ли космос восстает из темного хаоса? В бесновании бури не слышна ли Божественная Тишина? И поэтому в самом страдании светится таинственный свет: не темнеет, не стынет мир от него, хотя и тяжел крест невыразимого страдания и, кажется, не по плечу миру. О, если бы мир, если бы человек захотел наконец жить полнотою Божественной Жизни, не каменела бы жизнь от мук и страдания, неслась бы со стремительной быстротой, как дивные Божии светила, по бесконечному кругу, смыкала бы начало свое с концом! Погибало бы жертвенно все и воскресало, то есть вечно бы жило блаженною жизнью через смерть, и великою силою жертвы

* Нужно сказать, что вообще обычное деление религий на «откровенные» и «неоткровенные», естественные и сверхъестественные очень условно. Всякая религия откровенна, поскольку в ней есть отблеск божественного. И вся многообразная религиозная жизнь человечества есть лишь раскрытие по ступеням единого иудеохристианского откровения.

все было бы во всем... Смысл жертвы — в достижении этой полноты; в ней, в этой полноте, и дается созерцание природы и сущности жертвы.

Итак, повторяем, отношение человека к Богу раскрывается в двойственности и двуединстве переживаемого отречения, выхождения, отказа, отдачи и нахождения себя, исполнения, осуществления, воскресения всего в себе и себя во всем. И в самом отречении есть эта устремленность не только отвергнуться себя и своего, но обратиться на себя, обрести и осуществить себя в Боге. «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее»¹².

V

В христианской этике не раз поднимался вопрос о смысле страдания. Почему существует в мире страдание, почему человек изнемогает в муках и боли жизни, истекает кровью и разрывается на части? Как прозреть смысл сквозь бессмыслицу страдания мировой жизни?.. И вот *смысл страдания раскрывается в жертве*.

Всякое страдание и всякая боль в мире есть опыт и переживание жертвы, и лишь в свете идеи жертвы возможна теодицея, возможно «оправдать» Бога в муках и страданиях мира; идея жертвы и лежит в основе христианства, которое учит, что Сам Бог принес Себя в жертву ради человека. И нужно сказать, что не страдающий и не приносящий себя в жертву бог — при страдании мира — есть адский призрак, вечный кошмар, не Бог, а каменно-сердечный, безлюбивый, самодержавный дьявол. Но Бог жертвенно умирает и умер, ради мира и ради человека. И что перед этим самозакланием Божества вопли и стоны мира, адские муки, беснования стихий?..

Однако вопрос о жертве Христа-Богочеловека не есть предмет данного исследования.

Мы видели, что жертва для многих связана прежде всего с мыслью об уничтожении или «ущерблении» менее ценного предмета с расчетом на приобретение других, более ценных благ. Но мы видели также, что это как раз еще *не* составляет жертвы. Ведь и с этической точки зрения, предпочитающей большее утешение меньшему утешению и большую, более

продолжительную радость в будущем меньшей, менее продолжительной радости в настоящем или же меньшее страдание большему страданию, — таков обычно расчет благочестивого обывателя — это никак не может называться жертвой. Это есть лишь расчет, учет «расхода» и «соответствующей прибыли». Однако очевидно, что идея жертвы содержит в себе больше, чем простую арифметику и бухгалтерию страданий и радостей, лишений и утешений, утрат и воздаяний. Она есть прежде всего *абсолютная отдача* и, можно сказать, утрата, *без условий и компенсаций*. Но вместе с тем всякая жертва совершается и должна совершаться лишь ради чего-то, имеет свой смысл, свою целепричину. И эта цель указывает на ту положительную ценность, которую жертва приобретает в переходе в иной план бытия в том, что мы назвали встречей и возвращением к Богу, к Полноте Божественной Жизни. От предельного истощания, опустошения — к исполнению и полноте. Лишь реализуя в нашем сознании некоторую необходимость самоограничения и самоупражнения *части* во имя *целого*, лишь сознавая, что части интегрируются целым, живую органическую полнотой, мы можем удержать внутреннюю сопряженность страдания и радости. Сама сопряженность органических частей в целом создает в известном смысле условие страдания и боли бытия. Ибо сопряженность эта есть *любовь*, исполнение вселенской жизни, жизнь полноты и единства. Любовь как первичная сила всякого единства тем самым создает первое условие жертвы, выражающейся в двух ее направлениях — в смерти и воскресении.

В любви содержится какая-то таинственная сила выйти из себя, расплавиться, потерять себя и вместе с тем утвердить себя, найти себя, воскреснуть для новой жизни, причем то и другое переливается в значительности своей за край всего ясного и различимого. Здесь «клубится» жизнь, но еще густо застланная от наших глаз, ее нельзя расчлнить, разделить.

Смерть и страдание происходят от любви. Любовь, смерть, боль, мука, рождение и возникновение новой жизни и развитие ее к высшему и большему через непрестанную дифференциацию и интеграцию — все эти таинственные явления жизни в самых ее завитках надо рассматривать, вернее, интуитивно улавливать в их абсолютном внутреннем единстве. Это жертва их объединяет, ибо полнота и целое

осуществляется всегда жертвой множественного и частично-го во имя полноты, которое, однако, в ней, в полноте, и исполняется.

Жертва подобна голове Януса, которая имеет два лица: лицо смеющееся и лицо плачущее. Он знает слезы и страдания, но ведает и радость новой жизни. Жертва заключает в себе радость любви и самоотвержения во имя того, что составляет цель и смысл любви: единство целого, полнота, наполняющая все во всем.

Жертва в этом смысле первичнее радости и страдания, то и другое является уже проекцией жертвы вовне. В жертве радость и страдание даны в простоте и единстве жизни, как своего рода *actus purissimus*¹³.

Жизнь, ищущая своего высшего исполнения, жизнь, движение которой определяется жертвой, в жертве обретает это новое свое состояние; отделяясь, отдаваясь, себя обретает.

Существует в философии учение, известное и жизни, которое называется гедонизмом и которое пытается дать оценку страданиям человеческой жизни либо в форме положительной «оптимизма», либо в отрицательной форме «пессимизма». Однако сам метод такой оценки представляется поверхностным и неверным. Ибо оба фактора, как страдание и боль, так и радость и наслаждение исполнения, имеют единый источник, уходят в глубь единого корня — *жертвы* и любви жертвы. Отрицать наслаждение и страдание или же одно из двух в пользу другого равносильно отрицанию самой жизни, содержащей то и другое вместе. Но их единство и соединенность, их высший синтез раскрываются лишь в жертве и из жертвы как в самой глубинной, первозданной, первостихийной и в то же время самой кульминационной точке бытия: потеря и обретение тождественны.

Чем глубже человек смотрит в глубину своего существа, за пределы отдельных своих состояний, за границы актуальности своей, чем больше он углубляется в собственную, присущую его бытию неизмеримую и неисследимую тайну, тем больше ему предстоят эти два момента в их абсолютном взаимном проникновении, причем последний момент, момент радости обретения и радости новой жизни, является завершающим и обобщающим.

Само бытие и энергия бытия «радостны», ибо являются свидетельством полноты и преизбытка. Человек, как ни странно и ни парадоксально это звучит, не в силах и не в праве «отказаться от удовольствия» — в самом глубоком смысле этого слова — от довлеющей полноты, от исполнения и его радости, ибо это было бы отказом от полноты и радости *бытия*. Радость бытия, наслаждение и услаждение им не нуждаются в доказательстве и обосновании, в установлении их ценности, они, так сказать, сами о себе свидетельствуют. Никто в мире не может доказать человеку, что его радость, счастье есть иллюзия или самообман, ибо сам опыт этой радости есть обнаружение ее реальности, он неопровержим. Эрос жизни, ее напряжение, ее горение, радость о ней и о полноте ее есть обнаружение реальности перво-жизни, как конец и исполнение жертвенного пути. Ничего не значит утверждение, которое выдвигает философия всяческого пессимизма, что это напряжение, это горение, эта радость, наконец, это счастье есть лишь субъективное состояние, самообман или самоослепление, кроме того, что нет этого напряжения и этой силы жизни у тех, которые видят в них лишь преходящие иллюзии. Радость, счастье, исполнение жизни и бытия *есть*, и само их существование являет собою их смысл и оправдание. Паскаль говорит: «L'homme est né pour le plaisir, il le sent, il n'en faut point d[autre] preuve...»¹⁴ Это одинаково не есть ни оптимизм, ни гедонизм, это выше всякого «оптимизма», но и всякого «пессимизма», который есть лишь обратная сторона того же «оптимизма», — это жизнь в глубине ее завитков, в ее глубинных недрах, откуда, если рассмотреть внимательно, течет все святое, растет все великое, теплится молитва и, наконец, из вечности в вечность льется бытие мира.

Именно тут и вырастает вопрос о жертве в ее бытийном значении, которая здесь становится имманентно необходимой и которая, как мы видели, первичнее самого страдания и радости. Сила колебания и вместе с тем внутреннего синтеза между бездной страдания и бездной радости человеческой жизни первичнее самих этих состояний радости и страдания. Эти состояния суть только как бы предельные случаи, явления, осуществляющиеся силою их взаимного напряжения. Сущность же и смысл этого напряжения, само это

напряжение есть жертва в ее полноте и завершенности, в ее любви, а потому и радости, и улаждении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. начало 6-й гл. 10-й книги блж. Августина «О граде Божьем»: «Поэтому истинной жертвой бывает всякое дело, которое совершается нами из желания быть в святом общении с Богом, то есть дело, имеющее отношение к тому конечному благу, которым мы могли бы быть истинно блаженными».

² Κένωμα (*древнегреч.*) — пустота; πλήρωμα (*древнегреч.*) — полнота.

³ «Он Ему сообщает Свои божественные свет и славу и входит таким образом в сопричастность Своему Сыну как жертве» (*фр.*).

Лепен Мариус (1870–1952), французский католический богослов, священник, принадлежал к Обществу священников Святого Сульпиция, в рамках которого основал конгрегацию Служителей Иисуса. Его труд «Идея литургической жертвы в богословии, с самого начала до наших времен» (1926), отмеченный Французской академией, — важнейший из его богословских трудов.

⁴ См. Евр 9: 15.

⁵ Слова Спасителя на кресте, см. Лк 23: 46.

⁶ Дан 3: 57.

⁷ Ср.: «То, что мы странники и пришельцы есмы на земле...» (*Феодор Студит, нпр.* Подвижнические наставления монахам // Добротолюбие. Т. 4. Св.-Троицкая лавра, 1993. С. 448).

⁸ Человек, способный к жертве (*лат.*).

⁹ Зияние, расселина, пропасть (*лат.*).

¹⁰ Мф 2: 18.

¹¹ См. Ин 16: 21.

¹² Мф 16: 25.

¹³ Чистейший акт (*лат.*).

¹⁴ «Человек рожден ради удовольствия, он его чувствует, какое ему еще нужно тут доказательство...» (*фр.*). Отрывок из трактата «Рассуждение о любовной страсти», приписываемого французскому философу Блезу Паскалю (1623–1662).

Публикация

Н.А. Струве (†), Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой;
подготовка текста, вступление и примечания

Н.В. Ликвинцевой

Мысли о Церкви

(Беседа третья)*

Я собираюсь снова размышлять вместе с вами над проблемами, которые мне видятся в жизни Церкви. После первой беседы я получил отзыв: то, что я говорю, несет печаль и даже как бы безнадежность... Но моя цель вовсе не такова. Как я уже говорил, цель такого критического взгляда на Церковь, то есть на нас самих, будь то малая община или обширные объединения, — увидеть, как мы далеки от идеала, который сами же провозглашаем, от надежды, которую сами носим в сердце, увидеть это ради того, чтобы стать способными восстановить подлинное учение Христово. Мы не то что не знаем это учение — знаем, но не живем им столь полно, как могли бы. Сегодня я хочу рассмотреть один момент, который мне представляется очень важным в Церкви: это вопрос власти и авторитета.

Ранняя Церковь обнимала собой всё. Как говорит апостол Павел, *сердце наше расширено* (2 Кор 6: 11). Она обнимала весь тварный мир состраданием, любовью, которую вдохновлял и разделял Бог; всё, что возлюбил Бог, было охвачено любовью. Апостолы видели свою роль в том, чтобы провозглашать новую жизнь, которая пришла в мир, — не осуждение, не гибель, но жизнь и спасение. Дважды Христос говорит в Евангелии: *Я пришел не судить мир, а спасти мир* (Ин 12: 47; ср. Ин 3: 17). То было общество людей слабых, беспомощных, не обладающих никакой силой, даже силой превосходящего ума, способного говорить на языке мудрейших, глубокомысленных философов. Это была группа очень простых людей за исключением, возможно, Павла, но даже он, говоря о проповеди апостолов, сказал, что их учение заключено не в мудрости философов, а в силе духа (ср. 1 Кор 2: 4). Они передавали нечто, что обладало силой, потому что было убедительно, а убедительность была не в том, что говорившие умели внушить свои убеждения

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

* 19 марта 1992. Продолжение. Начало см. в «Вестнике РХД» № 210 и 211.

другим людям, убедительность была в том, что сказанное касалось каких-то струн души, глубин каждого человека, эти струны дрожали, и отзвук сердца, отзвук глубин человека на услышанное — он-то и был преображающей силой. Это произошло с самими апостолами, когда Христос произнес слова, которые и ученикам, и окружающей толпе показалось трудно понести, невозможно принять. Многие отошли от Него, остались Двенадцать, возможно, еще кто-то. Христос взглянул на них, на расходящуюся толпу и спросил: *Не хотите ли и вы отойти?* И Петр, говоря как бы от имени всех, кто остался с Ним, ответил: *Куда нам идти? У Тебя глаголы вечной жизни* (см. Ин 6: 68). Я уже упоминал, что Христос никогда не описывал вечную жизнь, Его учение говорило не о небесном рае, не об ужасах ада, Он произносил живые слова вечной жизни, и в тех, кто слушал и был способен услышать, кто созрел к тому, чтобы воспринять Его учение, эти слова порождали, вызывали к бытию такое измерение, которое — сама жизнь вечная.

Здесь, мне кажется, мы затрагиваем нечто очень важное — разницу между властью и авторитетом. Обладать властью означает, что мы можем принудить другого, заставить, можем настоять на своей воле. Авторитет — нечто совершенно другое. У авторитета нет власти как бы внешней, авторитет определить трудно, он — убедительность, присущая человеку и его слову, произнесенным словам, они находят отзвук в том, кто слышит, отзвук, который вынуждает человека сказать: «О, как истинно, как прекрасно, как полно смысла!» А иногда авторитетно молчание; авторитетность — свойство самого человека, произнесшего слова. Христос порой говорил мало, Он просто присутствовал, но то было присутствие Самого Бога, присутствие человеческой цельности, величия, просто Присутствие. Порой Ему было достаточно посмотреть и увидеть: тебя увидели, восприняли...

Так что у авторитета и силы мало общего, в какой-то степени они противоположны. Как только мы чувствуем, что хотим внушить свои убеждения или можем навязать свою волю человеку или обществу, группе людей, мы теряем всякий шанс обладать той внутренней убедительностью, в которой суть авторитетности. Христос не заставлял никого из Своих учеников следовать за Ним, Он не заставлял толпы слушать Его. Он никому не навязывал силой истинность Своего

учения, Он каждому предоставлял свободу принять это учение или отвергнуть его, — а иногда, вероятно, унести это учение с собой без принятия или отвержения, унести с тем, чтобы созреть, возрасть и в свое время принести плоды.

В Церкви, мне кажется, мы с очень раннего времени находим эту проблему вытеснения, подмены авторитета властью. Она проявляется по-разному и в разных ситуациях, и я рискну провести некоторые параллели, которые мне представляются вполне достоверными, хотя из-за ограниченности моих знаний они могут быть и не до конца точными. Ранняя Церковь оказалась в различных ситуациях на Востоке и на Западе. На Востоке постепенно усиливалась императорская власть, она сосредотачивала управление в своих руках, выстраивала, подчиняла, упорядочивала весь восточный христианский мир, частью которого была Церковь. На Западе происходили нашествия разных народов, разрушались структуры, в каком-то смысле рушились основы государства и политической власти, но среди этих потрясений и распада один институт оставался незыблемым, не мог быть поколеблен, потому что в то время у него не было структур, которые можно было подвергнуть нападкам: христианская община и Церковь. На Востоке единство и порядок олицетворялись государством, на Западе порядок и единство воплотились в Церкви. В результате на Западе Церковь стала силой, властью, которая превосходила власть королей и монархов; на Востоке Церковь выстраивалась по образцу имперских структур. Если посмотреть на наше богослужение и сравнить его с церемониалом византийского двора, мы увидим, что они потрясающе совпадают великолепием; в результате Церковь стала приобретать очертания имперской модели, формы мирской власти, формы организации, которые потеряли гибкость и внутреннюю убедительность.

Напротив, на Западе Церковь выросла во властную структуру, в образ как бы совершенной структуры, обладающей верховным авторитетом и его производными, вернее, верховной властью и исходящими от нее полномочиями. В обоих случаях авторитет слабости, исполненной силой Божией, присутствие Божественной премудрости, отстраняющей человеческую мудрость, исчез или в большой степени оказался оттесненным на задний план. На Востоке это было усилено иерархическим

строением Церкви и некоторыми богословскими взглядами. Если подумать о литургии, выросло представление, что ее совершает епископ при участии пресвитеров, священников, в окружении народа. И на местном уровне можно было подумать, что епископ — верхушка пирамиды и что структура Церкви подобна пирамиде с основанием, средней частью и одним человеком во главе. Когда приходы стали обретать более независимое положение, на поместном уровне сохранялось представление, что священник — образ своего епископа и епархию можно рассматривать как такую же пирамидальную структуру: все приходы, все священники и один епископ. Почти то же самое сохранялось в больших объединениях. «Почти» — потому что есть канон, гласящий, что на большой территории должен быть один старший епископ и епископы, ему помогающие, и что старший не должен делать ничего иначе как по согласию с остальными и остальные не должны ничего делать иначе как по поручению старшего. И вывод из этого замечательный, но, боюсь, его опускали на протяжении всех веков, потому что вывод гласит: «И так прославится Бог Единый в Троице»*. Это не констатация относительно устройства Церкви. Это очень важное утверждение, потому что во Святой Троице — Три Равных Лица, во Святой Троице — единогласие, во Святой Троице нет подчинения, во Святой Троице — Единство, рождающееся из этого единогласия и взаимной любви.

Но эта концепция образований, пусть очень обширных, с одним человеком на вершине, вылилась, боюсь, в ошибочное богословие и трагически превратила Церковь, ее структуру в нечто очень похожее на секулярные структуры. Богословски, думаю, все согласятся (пусть не все, но многие, по крайней мере, в большой степени), что такая структура не соответствует строю Церкви. Да, внешне оно так выглядит, но в литургии, при совершении таинств, во главе стоит не священник, на вершине пирамиды не епископ — только Сам Господь Иисус Христос. Литургическое богословие, которое вознесло бы епископа или священника на вершину пирамиды, это ересь. Нет никакой Главы Церкви, нет никакого совершителя таинств, Первосвященника всей твари, никто

* Правило 34 Святых Апостолов // Книга Правил Святых Апостолов, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Св.-Троице-Сергиева Лавра, 1992. С. 17.

не может совершить то чудо, которое называется таинствами, кроме Господа Иисуса Христа и Святого Духа. Так что Церковь с точки зрения человеческой — усеченная пирамида, если придерживаться таких образов, потому что есть место, где может стоять и действовать только Христос. Крайность такого ложного видения выражена в римском учении о Папе, но в это я вдаваться не буду, потому что это не наша проблема.

В результате такой литургический подход и такой исторический строй Церкви по образу византийского двора и византийской империи вылились в целый ряд структур подчинения, подавления и зависимости. Самый поразительный пример, возможно, это постепенная потеря осознания всеобщего священства всех верующих. Институционное священство посвященных в сан отличается от всеобщего священства всех верующих, но первое развивается только в рамках второго, оно не есть положение власти, превосходства, оно — служение, при котором один человек избирается и посылается всеми на служение у престола.

В результате потери такого видения было забыто место мирян. Опять-таки, на Западе это вылилось в крайность, в различие между Церковью учащей и Церковью, которую учат; первая — это духовенство, вторая — миряне. В православии такого утверждения никогда не было, однако и в нем в большой мере потеряно чувство, что каждый из нас причастен всеобщему священству. Святой Максим Исповедник, комментируя начало книги Бытия, говорит, что человек был поставлен первосвященником всего творения благодаря тому, что принадлежит двум мирам — материальному миру, из которого он взят, и духовному миру, который Бог даровал, вдохнул в него; и призвание человека — привести все творение в мир Духа. Вот призвание каждого из нас. Если думать о мирянах в христианских категориях, мы созданы по образу Христову, мы по природе принадлежим человечеству и хотя бы зачаточно несем в себе Божественную природу по приобщению. Христос же — Бог по природе и Человек по приобщенности нашему человечеству. Мы, подобно Ему, призваны быть царями на земле, но не в категориях земных царей, которые порабащают, властвуют, подавляют своих подданных. Святой Иоанн Златоустый говорит в одном своем сочинении, что каждый может править, но только царь может уме-

реть за свой народ и во имя его. И это очень важно, потому что Христос, наш Царь, умирает, Он завоевывает Свое царство собственной смертью, а не уничтожением Своих врагов. Благодаря Своей смерти Он получает авторитет, который может доказать другим Божественную любовь.

Мы все — первосвященники, потому что роль священника — взять то, что было осквернено человеческим грехом, изъять это из греховной среды, пораженной злом, и принести обратно Богу как жертву. Слово «жертва» следует понимать здесь в ее первоначальном смысле, как действие, посредством которого предмет освящается, — не уничтожается огнем, не уничтожается через убийство, а становится собственностью Бога Самого.

Мы призваны быть пророками, опять-таки, не так, как мы видим ветхозаветных пророков, а в более общем значении. Пророк — тот, кто говорит за Бога. Он может производить яркое впечатление, как, например, Илья, как Иоанн Креститель, но характерно для пророка не то, что он поражает, а то, что его слова — слова от Бога. Все это делает мирян священниками. И это мы потеряли до прямо-таки трагичной степени. Мы ожидаем священнослужения от священника, а мы — миряне... И забываем, что по-гречески миряне — «лаос», то есть народ, *народ Божий*, собственный народ Бога, среди которого Бог живет, более того, народ, который Бог так соединил Себе, что народ в Боге и Он в народе; народ, царство людей, которые не только Его глашатаи, они — Его присутствие. Как однажды выразился отец Сергей Булгаков, мы — продолжение во времени и в пространстве воплощенного присутствия Бога, потому что через крещение мы станем членами Христовыми, подлинными Его членами.

Существуют правила, которые не разрешают мирянину — любому мирянину — входить в алтарь, но не потому, что мирянин недостоин, не потому, что мирянин нечист, а ради того, чтобы сохранить живым осознание, что такое алтарь. Мы смотрим на храм и видим, что он разделен на две части — неф, корабль церковный, который представляет собой историю, и алтарь, который — место селения Живого Бога, и мы должны сознавать, что стоять в алтаре вправе только Христос и те немногие представители «лаоса», народа Божия, кто послан в это внушающее трепет место совершать

действия, которые донесут до нас свет, истину, жизнь Божию из того места, где может пребывать только Сам Бог. Это строгое сознание оскудело, в алтарь допускаются не только дьяконы и иподьяконы, которых ставят для служения там, люди входят в алтарь, будто это просто такая часть храма. Но это не отделение храма, это Небо на земле. Неф — земля, куда пришел Христос, где Он пребывает в нашей среде; алтарь — Небо, где живут святые и куда жертвенно посылаются священники и дьяконы. Они должны стоять там в трепете и ужасе, если только сознают, кто они такие и что такое этот алтарь; они посылаются на место Христа, через них Христос становится видимым, потому что каждый из нас — частица Его воплощенного присутствия, через кого Он становится зримым. Их защищают священные одежды, которые скрывают от людей и от них самих, каковы они на самом деле; они воспринимаются только как образ Его присутствия.

Это развилось еще дальше в нашей практике. Женщинам нет доступа в алтарь... Женщина не должна входить в алтарь, потому что она мирянка, не потому что она женщина. Это видно в любом женском монастыре: в алтаре прислуживают монахини. В Древней Церкви диаконисс рукополагали точно так же, как диаконов, их приводили в алтарь через царские врата, они принимали участие в богослужении. Это нам следует помнить. Мы должны восстановить ценности нашей церковной жизни, которые размылись, забылись или были злонамеренно отвергнуты. Мы должны восстановить достоинство мирян и место женщин. Мы должны помнить: Матерь Божия была не просто средством Воплощения — условием Воплощения была Ее вера. Она в Своей Личности совершила этот таинственный акт Воплощения. Когда мы видим Святые Дары на престоле после освящения, если говорить о физическом присутствии, оно восходит к Матери Божией столько же, сколько к Отцу.

Так что вот целый ряд понятий. Некоторые из них богословские, некоторые — общественно-политические, все они запятнаны секулярным подходом, секулярным видением Церкви. Мы должны понять, что ранняя Церковь завоевала древний мир, потому что была хрупкой, слабой, не потому что была сильной. Она завоевала древний мир, потому что дала своему сознанию стать *умом Христовым* (1 Кор 2: 16), по-

тому что не стала сверять Божественную премудрость с человеческой мудростью. Ереси рождались от столкновений между человеческим разумом и Божественной реальностью, от попыток превратить в умственно понятное, приемлемое то, чему можно только поклоняться в благоговейном молчании.

Я стараюсь кратко передать то, что считаю очень важным, если мы хотим, чтобы Церковь обновилась не посредством перестройки, которая отведет нас от того, чем или какой Церковь была, а благодаря тому, что мы восстановим, чем именно Церковь является и всегда была неизменно, и что мы как-то потеряли из вида. И это, конечно, связано еще с одним моментом. Выражаясь словами Виссер'т Хуфта, великого экумениста наших дней, одного из великих христиан нашего времени, первого Генерального секретаря Всемирного Совета Церквей при его основании, «можно быть еретиком по образу своей жизни, так же как можно быть еретиком по своему образу мыслей». Если мы провозглашаем Бога в Его правде, но живем таким образом, который несовместим не только с Его учением, но и с нашим видением Его, мы — еретики.

Мы подошли, таким образом, к тому, о чем я собираюсь говорить в следующий раз: о проблеме христианской общины, *живущей* Евангелием, черпающей из таинств, литургии и богослужения знание Бога, которое передается нам всеми этими способами из века в век все возрастающим и обогащающим нас образом. Но черпать это познание следует с тем, чтобы применить его в своей жизни, жить им, самим быть проявлением Божественной истины, проявлением Божественного света и дверью, вводящей других людей в Божественную жизнь. Но к этому мы приступим в следующий раз, а теперь я оставляю вас с мыслями, которые предложил вам, пусть очень неполно, отрывочно. Продумайте их, постарайтесь углубиться в них как можно дальше на основании собственного опыта. Тогда, возможно, — как знать? — если мы достаточно углубимся мыслью, если каждый из нас обретет вновь подлинное измерение Церкви, ее реальности, мы сможем внести свой вклад в обновление, в видение, которое может спасти мир.

Помолчим немного, а затем помолимся вместе.

Публикация и перевод с английского Елены Майданович

ВИКТОР МАЛАХОВ

Свет, с которым светло
(отклик на книгу В.К. Зелинского
«Священное ремесло»)

Прочитав книгу отца Владимира Зелинского* — лучше не торопясь, очерк за очерком, и затем продумав все нацело, — долго хранишь в душе ощущение света. Удача и радость — по-встречать в наши дни собеседника, так убедительно и вместе с тем с такой теплотой способного ввести в атмосферу подлинной духовности. Уверен, найдется немало читателей, которые почувствуют за страницами книги В.К. Зелинского родную почву; самый язык, которым книга написана, естествен, глубок и выразителен: так пишут о том, чем поистине живут.

Вполне очевидно, что общий замысел книги сложился не сразу, а как бы возник из «критической массы» написанных в разные годы очерков о людях — философах, поэтах, мучениках и подвижниках мысли, — в духовном общении, а зачастую и в споре с которыми автор оттачивал собственные взгляды, вырабатывал собственное понимание жизни и того сокровенного, что питает ее истоки. Очевидно, однако, и то, что все эти очерки, о ком бы ни шла речь в каждом из них, прежде итожащей темы «Священного ремесла» скреплены и некоей лежащей в их основе *изначальной* устремленностью автора. Устремленности этой, как ощущается, заведомо тесно в рамках очерченного выше «благополучного» облика сочинения отца Владимира: сквозь плотную материю нависающих ряд за рядом проблем, анализов, споров она все рвется и рвется куда-то, увлекая за собой читателя, — так и видно, что вдохновленному ею автору необходимо не что иное, как, словами Достоевского, *мысль свою разрешить*. Нет, впрочем, хочется сразу себя поправить, не мысль, а нечто гораздо большее: пробиться надобно ему к свободе, вольному дыханию, пробиться к *свету* — свету, светящему и во тьме. Вот где, решусь утверждать,

* Зелинский В.К. Священное ремесло. Философские портреты. СПб.: Алетея, 2017. 400 с.

основной нерв, основная забота автора «Священного ремесла». Последуем же за ним в его разысканиях.

Свет, как известно всем, бывает разный, и дается он человеку по-разному. Не стерся в памяти человеческой дымный свет печей и пожаров. Есть свет жестокий в своей прямизне, свет обличающий, судящий и карающий насмерть — свет прожекторов, настигающий злополучного беглеца, извлекающий его из спасительной тьмы... Свет, которого ищет автор «Священного ремесла» и к которому он старается вывести своего читателя, — глубокий всеоблекающий свет понимания и любви; его источник указан «ослепительной строкой» (с. 178)¹ ап. Иоанна: *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин 1: 5). Этот евангельский свет, именно в силу своей субстанциальности, ненавязчив и не давящ; подобно рассветной ясности, он исподволь, но неуклонно охватывает все многообразие, все богатство человеческого бытия, и вот — все скрытое дотоле в сумерках постепенно выходит наружу, на свет Божий, и раскрывается вольно, во всей своей особости и неповторимости...

Увы, до наших греховных весей свет этот доходит с трудом; о природе этих трудностей предоставляет свое свидетельство история человеческой мысли. Вот те, чьи философские портреты мы находим на страницах «Священного ремесла»: Вячеслав Иванов, Михаил Гершензон, Петр Чаадаев, Александр Блок, Лев Шестов, Николай Бердяев, Семен Франк, Лев Толстой, Оливье Клеман, Лев Жилле, Мартин Хайдеггер, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Яков Голосовкер... Не правда ли, какое многоголосье? И как велико должно быть искушение для человека, исповедующего преданность Свету, противопоставить искомый Свет многоликим умственным сумеркам, противопоставить жестко и безжалостно, — и что, разве мало найдется у него улик против того же Бердяева или Шестова, не говоря уж об Александре Блоке или великом крамольнике Льве Толстом? Почему бы, например, перечитав знаменитую блоковскую поэму «Двенадцать», да и еще кое-что, не заявить прямо и чистосердечно, как делали иные весьма уважаемые люди: да, Блок — посланник дьявола в русской поэзии XX века? А вот священник Владимир Зелинский все пытается осветить, прояснить, извлечь из подстерегающей тьмы самое, казалось бы, безнадежные тупики духовных странствий

не избывшего свою боль поэта. А мы, читатели, ему верим, старания его разделяем, согласно следуем за ним...

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою, —

ну что делать, если эти строки, которые могли быть написаны только Александром Блоком, уже им написаны, что делать с тем, что они уже *есть* и останутся с нами, пока живет и страдает собственная наша душа?

На обложке книги о. Владимира мы видим несколько человеческих лиц — это лица героев его портретов-размышлений. «Лицо, — повторяет автор вслед за одним из персонажей книги, мыслителем-богословом Оливье Клеманом, — есть оттиск любви Божией» (с. 244). Как выразительны, как своеобразны эти лица в бережном, понимающем изображении отца Владимира! И вместе с тем нельзя не подивиться тому, как метко, как уверенно автор угадывает в них черты, не просто глубоко специфические для каждого, но и высвечивающие при этом сквозную тематику книги, — обретение и умственную расчистку обновленного (ибо из каждой точки мирового бытия его приходится прокладывать заново), отвечающего современному мыслительному опыту (современному в аверинцевском смысле становящегося *со временем*) пути к Свету, к Богу... Слов нет — задача, от которой дух захватывает. Что делать, однако, если стоит она перед тобой и не соучаствовать в ее решении ты не можешь?..

Героев книги Владимира Зелинского объединяет то, что все они — люди, живущие мыслью, остро ощущающие свое предстояние Абсолюту (как бы его ни именовать) и настоятельную необходимость того, что в полноте времен должно быть ими сказано и совершено. В сущности, любому человеку дано сказать немного, даже если это немного разлито по многим и многим томам. Характерную окраску, характерное звучание этого немногого замечательно тонко чувствует автор; и каждый его очерк, каждый портрет это звучание, этот основной тон воссоздает, донося до нас вместе с ним — как бы сказать? — ощущение *полномерности* человеческого

на-свете-присутствия, с его болями и радостями, высотами и низинами, отчаянием и восторгом...

Благодаря этому сочетанию удивительной точности и полноты, смысловой глубины в очерках-портретах В. Зелинского, при чтении «Священного ремесла» вновь и вновь возникает чувство пребывания на гребне исканий томимой духовной жаждой современной (созревающей во времени) человеческой души — хотя ничего особо «ультрасовременного» в книге нет. Есть тревожные приметы того, что в нашем нынешнем мире Бог опять облекся во мглу, стал живой тайной (см. с. 13–16), — тревожные, а может быть, и спасительные, будоражающие душу и совесть. Есть молчаливый призыв к продолжению духовного поиска — поиска самоотверженного и безоглядного, ибо иным он быть не может. К такому поиску, такому дерзанию автор, задержав взгляд на галерее ставших для него родными лиц, приглашает — хочется так себе это представить — и читателей книги...

Принадлежа к таковым читателям, хочу поделиться еще одним светлым впечатлением от прочитанного — разумеется, весьма субъективным. С первых страниц книги я не мог не почувствовать существенного различия традиций, в лоне которых происходило формирование взглядов о. Владимира и меня грешного, — различия, для меня особенно явного в силу принадлежности к советской и постсоветской философской среде, о духе и представителях которой всегда вспоминаю с благодарностью. Говоря об Ильенкове, Лосеве или Мамардашвили, я бы расставлял акценты иначе; да и в своей оценке тех или иных моментов советского прошлого мы бы наверняка не сошлись. Тем отраднее, что в целом книга рождает (говоря опять-таки о собственном субъективном опыте ее прочтения) потрясающее чувство взаимопонимания, чувство вхождения в общий духовный ландшафт, знакомый со студенческих пеленок. Вот оно, бытие, вот мышление, вот истрепанные тома из университетской библиотеки — думай, дерзай, ищи свои ответы. Вот Чаадаев, вот Семен Франк...

Чего точно нет в книге о. Владимира Зелинского, невзирая на ранг ее персонажей, так это «хрестоматийного глянца». За каждым портретом, каждым изображаемым лицом чувствуется реальная живая проблема, реальное — как сказал бы один из упомянутых персонажей, Яков Голосовкер, —

страдание ума, реальный запрос-вызов к дальнейшему разговору. Высказать что-либо осмысленное о любом из очерков, собранных под обложкой «Священного ремесла», не откликаясь на этот запрос и вызов, не пытаясь хоть как-то подхватить нить начатого разговора, попросту невозможно. Поэтому да простит меня глубоко почитаемый мною автор, если и я позволю себе на этих страницах высказать несколько суждений, в чем-то неизбежно расходящихся с точкой зрения, которую он отстаивает: стиль книги настраивает на вольный обмен мнениями, а поговорить действительно есть о чем.

Так, если вернуться на мгновение к очерку об Александре Блоке, где отцом Владимиром точно и проникновенно очерчена характерная для творчества поэта доминанта «музыки» гибели (см. с. 84–87, 101 и др.), — не могу, обдумывая все сказанное, не задаться вопросом, касающимся уже не поэзии Блока и нашего к ней отношения, а главным образом нашей нынешней ситуации. Вопрос вот в чем: ну а если все же, внимая «музыке революции» и ощущая ее победную мощь, сердцем своим ты остаешься на стороне тех и того, кому революция эта несет уничтожение? Если вместо «упоения» тебя одолевает жалость? Какая нравственная позиция может родиться на такой основе? Не думать об этом сегодня, в эпоху очередного затянувшегося «крушения старого мира» и новых революций, гибридных, вирусных и пр., я не могу. Не открывает ли такая *любовь к обреченному*, к тому, что заведомо отдано на заклятие, но без чего ты не можешь представить собственную жизнь, — не открывает ли такая любовь для современной души новую тайную тропинку к вере?..

Или вот перед нами Лев Шестов. Опять же, динамизм и внутренняя цельность портрета мыслителя в изображении В.К. Зелинского делают излишним пересказ на этих страницах деталей шестовского бунта против философского разума. Есть, однако, повод поразмышлять: подобно тому как Лев Шестов «проскакивает» в этом своем бунте мимо позиции собственно этической, позиции нравственного разума, — не слишком ли поспешно, хочется спросить, оставляет ее в стороне и сам уважаемый автор в своем базисном противопоставлении одинокого человеческого умозрения — и «хорошего богословия» (с. 143), благоговейно следующего путями Премудрости Божией? Глубина истинной веры, воплощен-

ная в «парадоксе соборности» (с. 153), — вот, согласно логике этого противопоставления, подлинный исход для страданий запутавшегося в самом себе земного философствующего ума; но если так, то что же — выходит, «промежуточная» этическая инстанция попросту нерелевантна? И применительно к ней нам остается лишь повторять расхожие сентенции о «бессильной этической мудрости» (с. 145) и пр.?

А что, если, отступив на шаг назад, попытаться определить координаты того «единого на потребу», которого так страстно домогался Лев Шестов и которое, по сути дела, так необходимо каждому из нас в собственно человеческом мире — не предрешая до поры вопрос о его религиозных основах? Уверен, что для многих как верующих, так и неверующих, в том числе и для «калек веры» (с. 152), к каковым, вне всякого сомнения, должен причислить себя автор этих строк, таким «единым на потребу», в свете которого находят разрешение коренные проблемы не только разума, но и человеческой жизни в целом, выступает прежде всего сама обращенность к Другому, сама «роскошь общения» с Другим. И что, разве не может такая обращенность к Другому оказаться смыслообразующей и спасительной даже для человека неверующего? А для кого-то — стать отдаленным предвестием рождения веры?

С такой точки зрения и встреча Авраама с Господом есть прежде всего поистине *Встреча*, и ответ ее великой тайны ложится на всякую человеческую встречу. Всякое подлинное общение обретается в Непостижимом. И вместе с тем, прошу заметить, во всяком подлинном общении заключены и предпосылки своего рода рациональности — не агрессивной и диктаторской, какой она повсюду мерещилась Шестову, а дружественной, теплой. Просто Другой, уж если он доверяет нам, нуждается в нашей предсказуемости, нашей верности слову, прозрачности наших помыслов, — а это и есть отправной пункт рациональности, хотя и рациональности своеобразной, так сказать, начинающей с себя: человек должен прежде всего, по мере своих сил и возможностей, *сам* становиться понятным, ясным, предсказуемым для своих партнеров по общению и уже на этой непреложной основе — опять-таки, насколько это в его силах — стараться вносить ясность и свет во внешние обстоятельства совместного человеческого бытия. Понятно, что рациональность такого рода не может не

осознавать свою неполноту и уязвимость; как таковой ей подбавляет смирение. Однако значение подобной рациональности для нормальной (подчеркну, *нормальной*) человеческой жизни поистине трудно переоценить — как и значение элементарной и вездесущей человеческой доброты (ср. проникновенные страницы о доброте в романе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»), на почве которой она вырастает.

Так уж вышло, что мне, автору этих строк, не довелось на собственном опыте познать ужасы лагерей, войн, репрессий. Тем не менее и пережитые потрясения, от Чернобыля до Майдана и далее, сполна меня убеждают — и, думаю, не только меня одного — в незаменимой роли подобной *нравственной* рациональности, всякий раз, как бы ни было трудно, пытающейся сочетать здравый смысл и ясную голову с совестью и добротой. В противовес «воплям» любого толка, с какой стороны и по какому поводу они бы ни раздавались.

...Хотя, разумеется, жизнь глубока, и для каждого может наступить такой момент, когда человек вместе с Иовом Многострадальным возопит: «*Искупитель мой жив!*» (Иов 19: 25). Завтра тебе может быть суждено вложить в этот вопль всю свою страсть, всю свою душу — не стоит забывать и об этом...

Однако идем дальше по портретной галерее отца Владимира. Вот еще один — вслед за Шестовым — уроженец Киева, Николай Бердяев. Откровенно говоря, философия Бердяева пишущему эти строки куда понятнее и ближе, нежели шестовская. Особенно эта вот его мысль, которую отец Владимир цитирует в самом начале своего очерка: «...Думаю, что я сильнее чувствую зло, чем грех. Я поражен глубоким несчастьем человека еще более, чем его грехом...» (с. 158; ср. с. 165–166). Мысль эта издавна и мне не дает покоя. В самом деле, о чем я, о чем всякий человек в своем коротком земном бытии должен помышлять в первую очередь: о том, как собственную душу очистить от налипших на ней грехов, или как облегчить страдания ближнего? Лучше, конечно, совместить то и другое — а ну как придется выбирать? Иногда ведь приходится делать выбор. Что первое — страх или жалость? И если говорят: страх Божий, то жалость — она ведь тоже Божья? И какой страх изгоняется жалостью? Каковы ее подводные рифы? Как сберечь, сохранить в порыве жалости

изначала ему свойственные зоркость и чистоту? Вот бы о чем думать и думать...

Следующий портрет — Семена Франка. В изложении взглядов этого замечательного русского философа в книге В. Зелинского хотелось бы отметить три взаимосвязанных момента. Во-первых, это тема «онтологического доказательства», его существенного смысла и пределов его применимости. Помню, как поразил меня и моих однокурсников этот сюжет франковской монографии «Предмет знания», случайно извлеченной из недр Исторической библиотеки, что в Лавре, еще в студенческую нашу пору. Поразил и тем, что есть, действительно, вещи, существование которых выводится из одной только мысли о них (например, существование самого мыслящего), и таинственностью бытия, простирающегося за порогом этой простой и глубокой связи, и, главное, ясностью и обстоятельностью самого изложения, порождавшего даже в нас, недоучках, уверенность в том, что наконец-то мы постигли на этом свете кое-что существенное.

Во-вторых, то, на чем фокусирует внимание автор «Священного ремесла», рассматривая философию Франка в русле магистральной темы «борьбы за Бога» (с. 16), — это, разумеется, религиозная суть философских исканий мыслителя, предпринятая им захватывающая попытка установить присутствие Бога в глубинах субъективного человеческого опыта или, как формулирует отец Владимир, «попытка “ощупать” Бога мыслью» (с. 199). Представленное Франком «самосвидетельство тайны в философском мышлении», согласно его замечанию, «происходит на уровне поистине удивительном» (с. 87) — и с такой оценкой, думаю, невозможно не согласиться.

«Богоискательский» вектор философской мысли Франка порождает, однако, своего рода перформативную трудность, четко уловленную В.К. Зелинским. Действительно, «с самого начала пути Франк отстаивает особый характер и ценность своего интеллектуального и жизненного призвания: быть свободным мудрецом, который ищет и находит Бога и провозглашает свою веру на путях философии» (с. 197). Философия, утверждает Франк, есть «дело свободной мысли»². Но, вопрошает автор «Священного ремесла», «можно ли быть свободным мудрецом, отвечающим только перед самим собой и своим интеллектуальным выбором, и вместе

с тем верным учеником Христа, Который назвал *блаженными* нищих духом и был более чем суров с книжниками²» (с. 197).

Отмечу, что этот вопрос отца Владимира, адресованный по сути дела «всему русскому (и не только русскому) религиозному мышлению» (там же), не прочитывается ни как упрек, ни тем более как возражение С.Л. Франку. Напротив, глубинная интенция мысли Франка, к которой данный вопрос относится, характеризуется в книге как «наиболее интересная и драматическая часть его (С.Л. Франка. — В.М.) философского наследия» (там же).

Тем не менее вопрос поставлен — вопрос, на почве которого «богословие вступает в дружеский, но непримиримый спор даже с самой благочестивой из философий» (с. 205). И мы к нему в нашем отклике-соразмышлении еще вернемся; поскольку он действительно касается не только С. Франка, логично будет продолжить разговор о нем чуть попозже.

А пока — собственно о философской концепции Франка. Еще одной отличительной ее чертой, согласно изложению В.К. Зелинского, выступает укорененность мысли философа в онтологии *Непостижимого*. Непостижимое у Франка — категориальная квалификация бытия, поскольку оно выступает как начало таинственное в строгом смысле слова³, выходящее за пределы возможностей человеческого постигающего сознания и находящихся в распоряжении последнего способов конституирования предметности как таковой⁴. В соответствии с общей матрицей объемлющего бытия, тонко прочувствованной философом, С.Л. Франк прослеживает присутствие Непостижимого и своеобразие его манифестаций как во внешнем окружающем нас мире, так и внутри нашей собственной субъективности, а также, что наиболее существенно, в том глубинном «слое реальности, который в качестве первоосновы и всеединства как-то объединяет и обосновывает оба эти различные и разнородные мира»⁵. Именно в онтологической глубине Непостижимого, объемлющей и пропитывающей собою всю целокупность человеческого бытия, человек, согласно Франку, обретает подлинную реальность, прикасается к подлинным истокам истины и жизни⁶. В конце концов — хотя, быть может, и прежде всего — именно в этой «бытийственной обращенности»⁷ к первореальности, обращенности, происходящей из самой

глубины человеческого существа, «*впервые возникает святое имя “Бог”, и то великое Безымянное и Всеимянное, которое мы условно обозначили как “Святыня” или “Божество”, становится Богом – моим Богом*»⁸.

Именно полнота и совершенство *онтологических* связей, воплощенных в Богообщении, дают основание Франку говорить о «ты-образности» Божества⁹, о Боге как «*перво-Ты*»¹⁰, абсолютном прообразе и условии возможности «*самой формы бытия “ты”*»¹¹, отстаивать дерзновенную идею «Бога-со-мной» как подлинной сущности Божественного Откровения¹².

Прослеживая нюансы философско-религиозного учения С. Франка, В.К. Зелинский сопоставляет его со взглядами трех других известных мыслителей XX века, также, подобно Франку, имевших иудейские корни и впитавших то же наследие, — Мартина Бубера, Льва Шестова и Симоны Вейль (с. 200–203). Откровенно признаюсь, что мне в этой когорте очень недоставало четвертого — Эммануэля Левинаса, философия которого словно нарочно была задумана творцом всех философий в противовес философии франковской. Действительно, как один, так и другой мыслитель были яркими представителями современного «постсекулярного» философского дискурса, то есть дискурса, преодолевшего секуляризм эпохи модерна и заново открывающего для себя горизонты религиозного понимания жизни; для того и другого принципиально значимым был поворот в сторону диалогических и этических проблем. При этом, однако, у Франка и этические, и диалогические мотивы возникают, как мы видели, словно бы из глубины основополагающего онтологического направления мысли: достаточно припомнить в этой связи подзаголовок его главного труда — «Онтологическое введение в философию религии». Для Левинаса же характерен именно разрыв с онтологическим мышлением как таковым; в подобном разрыве упомянутый франко-еврейский мыслитель видит непереносимое условие приятия Лица Другого и построения «асимметрической» этики, соответствующей современному человеческому опыту, — опять-таки не случайно одна из главных его книг носит название «Иначе, чем быть, или По ту сторону сущности» («*Autrement qu’être ou Au-delà de l’essence*», 1974). Если для Франка «онтологический» оборот *Es gibt (il y a, there is)* выступает одним из опорных пунктов

в уяснении сути Непостижимого¹³, то с точки зрения Левинаса за выражением *il y a* кроется подлинный экзистенциальный кошмар¹⁴, от которого личности необходимо освободиться, как от наваждения.

Всякая последовательная онтология, и хайдеггеровская в том числе, предупреждает прошедший хайдеггеровскую школу и преодолевший влияние Хайдеггера Левинас, в основе своей есть эгология¹⁵, дискурс субъективного самоутверждения. Всякое распространение онтологического подхода именно отдаляет нас от общения с Другими, затемняет для нас неповторимые Лики Других, скрадывает нравственную остроту наших обязательств перед ними. Иначе быть и не может, поскольку свой опыт глубинной бытийственности, свое чувство достоверности бытия сущего человек — как отмечал, кстати, сам Франк — черпает «в сфере... непосредственного самобытия»¹⁶, которому принадлежит «*непорекаемый онтологический приоритет... над всем чисто фактическим предметным бытием*»¹⁷. Других людей, как и все сущее в окружающем нас мире, — именно как *сущее* — мы можем ценить, любить, жалеть, можем благоговеть перед ними, отдавать за них собственную жизнь; но коль скоро перед нами встает пресловутый «вопрос о бытии» — мы (т.е. наше *ego*), хотим мы того или нет, остаемся с ним с глазу на глаз: по сути дела, этого требуют сами условия его постановки. Вопросая о бытии, мы неизбежно предполагаем связку «я и бытие» — как, прошу прощения за далекую ассоциацию, Велимир Хлебников мог назвать свои стихи «Я и Россия». Имея в виду сказанное, хочется спросить: не является ли неким ненавязчивым подтверждением тезиса Э. Левинаса об онтологии как эгологии и столь характерный для Франка (сам по себе, хотя не мое дело об этом судить, вовсе, кажется, не еретический) оттенок «мойности», постоянно дающий о себе знать в его рассуждениях о Божестве (ср.: «Бог и я», «Бог-со-мною», «я-с-Богом» и т.д.)¹⁸? Думается, подобное предположение не диссонирует с мягкой, но определенной интонацией автора «Священного ремесла», с которой он пишет о грандиозной попытке Семена Франка «построить готический, достигающий неба собор, стоящий на бездонных и потому зыбких “глубинах души”» (с. 206), и вообще об усилиях мысли описать «*место Божие внутри человека*» (с. 207).

И как не отметить в этой связи, что у самого-то упомянутого нами «провиденциального оппонента» Франка, Эммануэля Левинаса, Бог, Который «по ту сторону бытия», предстает человеку именно в Лице *Другого*? Как бы то ни было, контраст очевиден...

Впрочем, не будем допытываться, кто из двух мыслителей прав. Поистине, у честной философской мысли, впитавшей трагический и парадоксальный опыт современной жизни, могут быть разные пути к Богу. И все же представим себе: какой захватывающий мог бы быть сюжет для небольшой монографии, не правда ли?..

...Таки или иначе, «эгологические» мотивы, безусловно присутствующие у Франка, никоим образом не ставят под сомнение «изначально светлую, доверяющую радости тональность» его мысли (с. 202), подмеченную В. Зелинским. В Заключении своей монографии о Непостижимом Франк решительно заявляет: «Непостижимое есть... неприступный Свет»¹⁹; отблеск этого света ложится на многие десятки страниц философа. Завершая цепочку рассуждений о его творчестве, нельзя не отметить: онтологизм — основной фарватер, но не итог мысли Франка; философ словно бы протапливает, просвечивает его *изнутри*, пробиваясь к тем реалиям, которые «уже не есть *“бытие”*», «выходят за пределы бытия»²⁰. (Примечательна в этой связи не столь уж неожиданная точка схождения между Франком и Левинасом: и тот и другой разделяют платоновский тезис о верховенстве Блага над бытием²¹.)

Есть основания полагать, что упомянутая *постонтологичность* Франка (что поделать, по душе мне этот термин) восходит не только к умственным экстазам Дионисиевой апофатики; в какой-то степени в ней, на мой слух, отзывается и молчаливое противление «хищным вещам» *века сего* — всем этим выплескам «почвы и крови» и безмозглой «рыночной стихии» в придачу, которыми так богата история нашей современности. При всей онтологической укорененности Франка, кому-кому, а ему уж точно невозможно вменить известный бахтинский упрек в «одержании бытием»²² — напротив, мы видим и можем оценить, как мыслитель воздвигает свой тихий светильник среди наступающей тьмы.

...Текст о Мартине Хайдеггере — самый большой по объему и одновременно самый ранний из всех, собранных в книге

Владимира Зелинского. Написан он в 1971 году — когда, по признанию автора, он «потел мозгом», собираясь защищать по Хайдеггеру кандидатскую диссертацию (см. с. 17). Значимость этого текста подчеркивает «Постскрипtum», подписанный уже 2016-м годом и — через полвека — возвращающий нас к сакраментальным мотивам хайдеггеровского философствования, исподволь вливающимся в общую тематическую струю всей книги о борьбе за Непостижимого Господа, в самой потаенности Своей несокрыто являющего Себя потрясенному человеческому духу — в молчании, в отчаянии, в надежде...

Что сказать? Отрицать могучий философско-поэтический дар «кудесника из Мескирха» было бы глупо, равно как и оспаривать его незаурядную духовную значимость. О политических аспектах так называемого «дела Хайдеггера» я здесь, следом за автором книги, также умолчу — как бы то ни было, перед нами великий философ; Бог ему судья.

То, мимо чего мне здесь труднее всего пройти, — это *пафос* Хайдеггера, интонации его отрешенно-повелительной речи. С тех самых 70-х годов меня преследует вопрос: это кем же надо быть, кем ощущать себя, чтобы высказываться так непрерываемо, так властно? Разве люди *так* общаются между собой, особенно когда пытаются убедить друг друга в чем-то (ключевое слово — пытаются)? Или и впрямь со страниц Хайдеггера до нас доносится, настигает нас оставляющее человека в глухом пассиве «речение» самого Бытия?

Вот и опять нас вынесло все на тот же «вопрос о Бытии»... В пояснение своего настороженного восприятия Хайдеггера и его «фундаментальной онтологии» приведу еще два соображения, относящихся к тому же предмету.

Во-первых, выше уже был упомянут неустрашимый «эгологический» фон новоевропейской онтологии как таковой, проступающий в ней тем более явственнее, чем более она осознает и вычленяет себя именно в качестве онтологии, то есть учения о бытии (в противовес «сущему» и пр.). Однако это лишь надводная часть онтологического айсберга. Не так уж трудно проследить, как самоутверждение «я», самости, выглядывающей из-за кулис рассуждения о «подлинном бытии», оборачивается чем-то, никакого отношения к культивированию самобытной человеческой индивидуальности уже решительно не имеющим, — безличным навязчивым стремлением

быть чтобы быть, темным принципом *conatus essendi*. Впрочем, это анонимное, едва ли не механическое «давление Бытия на самое себя» (Э. Левинас) редко остается «бесхозным»: рано или поздно им завладевают вполне посторонние внешние силы, способные оседлать его пафос. Умственное «одержание бытием» вновь и вновь прорастает реальной бесчеловечностью. Так что завышать человеческую ценность (прошу прощения за хайдеггеровский термин) того, что «просвечивает» в хайдеггеровской «несокрытости» и нашептывает нам свои указания-команды, я бы не стал.

Во-вторых, соображение собственно структурного характера. Общепризнана историчность хайдеггеровского философствования: сама эпоха «метафизики» где-то, во времена Платона, начинается, с каких-то пор в ней назревает новый «поворот» к онтологическому мышлению; обращенность к бытию и воля к господству над «сущим» так или иначе распределены по различным историческим периодам. Однако, опять-таки, нетрудно убедиться, что в принципиальном устройстве мира, отвечающем духу «фаустовской» эпохи, эпохи модерна, «проект» которого, согласимся с Ю. Хабермасом, не завершен еще и донныне, оба этих измерения сосуществуют, более того, взаимно поддерживают и обуславливают друг друга.

В самом деле, чем больше мы осваиваем окружающую действительность, чем дальше распространяем свою власть над все новыми регионами объектов, чем основательнее становятся наши знания об этих объектах и эффективнее — наши технологии, тем в большую зависимость попадаем мы сами от объемлющего и связующего все эти объекты и стоящего за нашей собственной спиной Бытия в целом, возмущений которого, вызванных нашей нарастающей активностью, мы ни предугадать, ни избежать не можем. Эти возмущения, эти «зовы Бытия» отливаются не только в форму все более многочисленных природных катаклизмов и техногенных катастроф; прежде всего и главным образом мы ощущаем их (вспомним Франка!) в глубинах собственного субъективного опыта, собственной, даже не очень чуткой, душой. В этом смысле романтизм и прагматизм, «физика» и «лирика», антропоцентристская «метафизика» и «фундаментальная онтология» в хайдеггеровском понимании обеих — *порождения одной эпохи*, одного глубинного устремления; в них веет общий дух времени, дыхание которого

мы ощущаем и ныне: то в экологических бедствиях, с которыми неизвестно как бороться, то во внезапной невесте откуда взявшейся пандемии, за которой наверняка последует еще что-нибудь в том же роде, то в обширной области шоковых аттракционов, которую все еще кое-где принято называть искусством... И впрямь везде здесь, по слову столь высоко ценимого Хайдеггером Фридриха Гёльдерлина, где одно, там и другое, «где опасность, там и спасение» — только спасение ли?

Мироотношение, альтернативное всему перечисленному и задающее принципиально иной порядок человеческих помыслов и дел, принципиально иную динамику человеческого бытия в целом, сосредоточено для меня, как и для автора книги, в коротком слове *любовь*. А вот разглядеть и признать некое «мученичество любви» (ср. с. 327) в облике Мартина Хайдеггера я, при всем уважении к этому титану философской мысли, не могу.

Что ж — у разных людей и мысли бывают разные. Книга отца Владимира удивительным образом настраивает на вольный обмен мыслями — как не быть за это признательным автору. А что до *мученичества* в философии, мне в этой связи, как ни странно, приходит на ум фигура сухого и занудливого старика Канта — да-да, при всем при том, при всем при том. Точно и трезво, не отвлекаясь, не заносясь, повинувшись тягчайшей дисциплине ума и смиренно сознавая границы возможного, делать всю жизнь свое дело, исполнять то, к чему ты призван, — разве такое мыслимо без всецелого доверия самому Призывающему, скажу больше — без первоосновной, вот уж действительно потаенной любви? Помнится, Сергей Аверинцев говорил о том, что религиозность Пушкина познается по совершенству онегинской строфы, — не применимо ли такое суждение и к оценке философского труда чудаковатого профессора из Кёнигсберга? Мимо Канта в философии до сих пор не удастся пройти никому — значит, дело свое он выполнил хорошо и строительству европейской мысли послужил изрядно.

Согласно тонкому наблюдению Мераба Мамардашвили, философия Канта хороша, помимо прочего, тем, что в ее каркас может быть «вписана» едва ли не каждая из последующих значительных философских систем, — а в Хайдеггера не «впишешь» ведь ничего: безличное Бытие подавит собою все. Быть может, такая сущностная открытость кантовской

мысли, ее способность служить необходимым звеном той системы сцеплений, на которой зиждется европейская философская культура, сама по себе является неким светлым знаком, неким указанием на Свет?

Да и вообще, уж коль скоро ты какой-никакой, а философ, а «философия... есть дело людей взрослых» (с. 205), причастных культуре рационального мышления, — не достойна ли признания, а возможно, и похвалы и такая позиция, сообразно которой нужно просто и смиренно делать дело, к которому ты приставлен, шаг за шагом, без «воплей» и «описывания кругов», пытаясь, насколько это в твоих силах, расширить скудные возможности осмысленной ориентации человека в мире? И кто сказал, что свободный мыслитель отвечает «только перед самим собой и своим интеллектуальным выбором» (с. 197)? Кто измерит ответственность свободной мысли?

...Есть в книге отца Владимира Зелинского еще один раздел, в котором сведены блестяще написанный литературный портрет Якова Голосовкера — на мой взгляд, самый человеческий и проникновенный из всех, представленных в «Священном ремесле», — и обличительное эссе о роковой преемственной связи гегельянства и ленинизма и ее роли в становлении советской тоталитарной системы. Если в очерке о Голосовкере на переднем плане — живой мыслящий и страдающий человек в его трагическом единоборстве со временем, то во втором упомянутом тексте живым человеческим духом, по моему впечатлению, и не веет — если не считать самого автора этого текста, чье присутствие то и дело прорывается интонациями не столько гневными, сколько стоически-горестными.

Роль очерка о Гегеле — Ленине в общем замысле книги понять несложно. Если во всех предыдущих текстах речь так или иначе шла о Непостижимом в различных его проявлениях, то здесь перед нами простирается мир, из которого это Непостижимое изгнано, — изгнано самым решительным и беспощадным образом: и у Гегеля с его знаменитым тождеством мышления и бытия, и у Ленина с его не менее знаменитым «не надо 3-х слов», а вслед за тем и в жизни огромной страны, где все выходящее за рамки партийного ранжира объявлялось «социально чуждым» и препровождалось в небытие. Суть внутренней логики, командующей всем этим бедствием, описана Владимиром Зелинским точно и беспощадно.

И что тут возразишь? Классический эксперимент по выявлению подлинной человеческой сути отвлеченных философских идей путем погружения их в реальную жизнь обернулся в истории нашей страны ГУЛАГом. Единственное, что сквозит занозой, нет, колом стоит в душе, — то, что и сам я из этих мест и помню еще людей, населявших ту самую эпоху, и память их чту. И знаю, что все было так, да не так. В ячейках великого казенного невода обитали реальные люди, творили свою единственную жизнь, и жизнь эта отнюдь не всегда была рабской и подавленной, просветы свободы и вдохновения тоже случались в ней. О, сколько всего было намешано в той жизни, в том времени, в тех людях! Как уживались в одной коммунальной душе черствость и доброта, трусость и безмерная самоотдача, долготерпение и приспособленчество, скудость и неизбывная юношеская радость бытия? *Ради чего* несколько поколений советских людей прожили свой трудный век так, как не жил еще на этой планете никто? Все это, понятно, вопросы не к Гегелю — по совести, всем нам, *наследникам*, еще разбираться и разбираться с ними, расхлебывать эту крутую кашу, ступок за ступком отделяя героизм от подлости, правду ото лжи. Христианский взгляд на вещи может прояснить в этом смысле многое; христианская речь, без сомнения, не должна умолкать в обсуждении этой темы.

...Приобщив читателя к различным путям человеческой мысли, вновь и вновь пытающейся пробиться к пониманию того великого чуда соприсутствия, в плоть которого мы все погружены, автор «Священного ремесла» в завершение своих размышлений подводит нас к очевидности, чрезвычайно трудно дающейся возмущенному сознанию нашего современника, но тем не менее освещающей собою все. Итак, в глубочайшем своем существе то Непостижимое, которое мы ощущаем каждым своим вдохом, в котором и к которому живем, есть *любовь*. Любовь — слово, как бы идущее навстречу человеческой мысли с освещенной стороны бытия и восполняющее, венчающее собой самые трудные, самые мучительные ее усилия (см. с. 329–330). Любовь — тот вечно-трепетный свет, то озарение Вселенной, ощутить которое может в счастливую минуту каждый. И важно это чувство не утерять, не омрачить его живые истоки. Для этого и у философии, кстати, есть свои подходы.

Напоследок не могу не упомянуть об одном запавшем мне в душу как бы мимоходом высказанном замечании отца Владимира — о боли как «немыслимом и русском смешении ненависти и любви» (с. 105). Да, так пишут о наболевшем, о *своем*; мне тоже знакома эта боль. Что ж, по словам апостола Павла, которые любит повторять автор книги, «все делающееся явным свет есть» (Еф 5: 13). Вразуми нас Господь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее ссылки на страницы цитируемого издания книги В. К. Зелинского приводятся в круглых скобках внутри текста.

² *Франк С.Л. О невозможности философии. Письмо к другу. 13.VIII.44 г. // Вестник РХД. 1977. № 121. С. 162. Цит. по: Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 587.*

³ См.: *Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. С. 198, 279–280.*

⁴ См.: Там же. С. 195–198.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ См.: Там же. С. 440–445.

⁷ Там же. С. 467, 468.

⁸ Там же. С. 468.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 470.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. С. 466–475.

¹³ См.: Там же. С. 278.

¹⁴ См.: *Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 10, 34–39.*

¹⁵ См., напр., развитие этого тезиса: *Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное // Там же. С. 81–86.*

¹⁶ *Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. С. 323.*

¹⁷ Там же. С. 443.

¹⁸ См.: Там же. С. 466–510.

¹⁹ Там же. С. 558.

²⁰ Там же. С. 444.

²¹ См.: Там же. Ср.: *Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. С. 130; Он же. Ракуры // Там же. С. 297, 311.*

²² *Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 48.*

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Священник Владимир Зелинский

Записки из зоны вируса

Автор записок живет в городе Брешия, на севере Италии. Сколько в точности лет Брешии, никто не помнит, но еще Катулл, живший в первом веке до нашей эры, писал о ней, что она мать возлюбленной его Вероны (Brixia Veronae mater amata meae), откуда он был родом. В Вероне, в 60 км от Брешии, есть свой малый Колизей – Арена, а в Брешии – остатки Форума I века н.э., не говоря уж о многих старинных храмах. Эти города, и прежде всего соседний Бергамо, в марте – апреле 2020 года на какое-то время оказались в центре эпидемии не только в Италии, но и – после угасания ее в Китае и до начала ее вспышки в Европе, США, Бразилии и России – всего мира. Разумеется, это не история болезни, претендующая остаться в долгой памяти, а просто заметки человека, священника, прожившего три месяца рядом с этим ненастьем, стараясь не делать его своим наваждением.

9.3.20

Декрет, посадивший всю Ломбардию в карантин, вышел в 2 часа ночи с субботы на воскресенье. Утром все кто мог шумною толпой бросился на вокзал, чтобы уехать на юг к родственникам. Поезда работали как ни в чем не бывало. У нас же закрывалось все, что могло быть закрыто. Храмы, однако, стояли открытыми, но служить в них было запрещено под страхом наказания. Вплоть до трехмесячного заключения под стражу.

Мы с о. Лазарем-Леонардо служили тайно. Пришло 6 человек, впрочем, остальные были предупреждены, что службы не будет. Но сегодня как-никак Торжество Православия. Странно суетная мысль посетила меня во время службы: а что предписывает наш Устав на случай вторжения враждебных сил? Если врываются красные большевики или зеленые исламисты, стреляют тебе в спину, Устав предписывает упасть, не пролив чашу, а затем уже следовать туда, где «нести печаль, ни воздыхание», не задерживаясь для проверки по дороге. Но если вежливая итальянская полиция, явившись, потребует немедленно прекратить службу? Не прекратишь — прекратит она, выполняя приказ. Но Ангел-хранитель хранил, не явилась.

Зато вечером, когда мы с сыном заехали в ближайший ресторан, чтобы заказать там постную пиццу и выпить положенную красовулю вина (Торжество все же), полиция была тут как тут. Прямо рядом. Непроизвольная советская мысль: уж не за нами ли? Нет, она должна была проверить, закрыты ли все бары и рестораны. Симпатичная полицейская девушка лет 30, узнав о нашей нужде, тотчас прониклась сочувствием и минут пять обстоятельно, со вкусом объясняла, где, в каких конкретно местах сейчас можно заказать пиццу на вынос, это разрешено, и что бы она нам порекомендовала. Сын, в котором вдруг зыграл закон и порядок, возмущался: зачем она тратит свое оплачиваемое полицейское время на постороннюю болтовню? Но Италия есть Италия. И при строгом карантине.

10.3.20

Со вчерашнего вечера уже вся Италия в красной зоне. Но на Севере, конкретно же в Ломбардии, зараженных вирусом в 10 раз больше, чем где-либо еще. Возникает ощущение солдата провинившегося полка, приговоренного к децимации. Но «надежда не постыжает», как говорит ап. Павел.

Дома втроем в 9 вечера читаем по соглашению с приходом три молитвы о защите от коронавируса.

15.3.20

Не стал бы писать о себе, но спрашивают. Разделяю судьбу не Италии даже, но Ломбардии, эпицентра заражений. По Италии же всего ок. 22 тысяч инфицированных. Вчера

умерло 175 человек, выздоровело 527, заразилось 795. Когда не хватает мест в моргах, гробы складывают в храмах, где теперь не служат. С умирающими нельзя прощаться, они уходят в одиночестве. Хоронят ускоренным способом. Выходить из дома можно только с оправдательным документом, который сам себе выдаешь, куда иду и зачем, — полиция проверяет.

Улицы пусты. Однако вирус мог заскочить в наши тела и много раньше; сидим в затворах, ждем, проявится он или нет. Кто молится, кто поет. Иногда хорошо поет, с балкона и всем двором, солидарно, соборно. В Турине позавчера на рынок (который сейчас, понятно, закрыт) пришли оперные певцы и спели несколько арий из «Травиаты». Народ подхватил.

Вспоминаю популярную песню, которую поет Toto Cutugno, — «Buongiorno, Italia, che non si spaventa» («Здравствуй, Италия, которая не пугается»), Да, действительно, пока не пугается.

Пастырская работа продолжается по интернету, который, естественно, перегружен. Сегодня утром причащал одного прихожанина, он не может пропустить воскресенье без причастия и приезжал ко мне. Ему, инвалиду, трудно подыматься по ступенькам, но водить машину нетрудно, исповедь и причастие происходили в его автомобиле. И это был далеко не самый «неканонический» способ причастия в моей практике. Лет семь назад меня позвали в больницу к одному мальчику с Украины, умиравшему от лейкемии. Лет восьми. Там меня заставили снять совершенно всю одежду, одеть какие-то балахоны, а лжицу просовывать через двойную полиэтиленовую сетку. Помню, как трудно было ему, бедняге, к ней приблизиться, но иначе было не дотянуться. Вскоре он умер. Родители, чтобы привезти больного ребенка сюда, долго добиваются разрешения и бесплатного лечения, а потом оказывается слишком поздно.

Выглянуло солнце, осветив лес на горе Маддалене. И с ним вместе, как всегда, обещание жизни. Может быть, уже не этой, не здесь.

18.3.20

Предыдущая моя заметка в «Фейсбуке» вызвала неожиданно много откликов. Объясняю это сочувственным любопытством: что там в ваших краях творится? Всемирная орга-

низация здравоохранения Италию признала главной зоной бедствия на планете; не помню точного выражения, но смысл тот. Но это Италию вообще, с ее абстрактными 62 миллионами населения, смотря на нее издалека. Изнутри же она — Тоскана, Пьемонт, Базиликата, Венето, Лацио, Марке, Кампания, Сицилия, Сардиния... Нападению подвергся каждый из 20 ее регионов (regioni), но очень-очень по-разному. Главный удар пришелся по Ломбардии, самой населенной, мощной, работающей как мотор, тянущий весь сапог. Половина всех заразившихся в Италии — здесь.

А в Ломбардии еще позавчера эпицентром вируса был Бérгамо, он в 35 км от нас, вчера он переместился к нам, в Брешию, с ее населением в 190 тыс. За вчерашний день у нас умер 51 человек, а всего с начала эпидемии 387. Заразившихся тысячи, на сегодняшний день самая высокая интенсивность заражения в мире — у нас. Легко подсчитать, сколько бы это было народу в масштабах Москвы, Петербурга, Киева. Учитывая года, наслоившиеся в телесной моей оболочке, шансов выжить у меня при свидании с этим ковидом ничтожно мало. Я сразу так и понял, что он устроился на работу в пенсионный фонд на ставку по сокращению лишних ртов.

Самое неприятное в карантине — невозможность выйти из дома, разве что со справкой в ближайший магазин. А кругом весна. «Я так тогда просил у старшины, зачем меня увозишь из весны?» — не к месту прорывается в памяти блатная песня, слышанная в далекой юности. Неподвижность приходится, преодолевая лень, возмещать гимнастикой. Пробую отыскать в себе страх, но на положенном месте его нет, где-то спрятался. Работаю, жду, молюсь. Чувствую себя в руках Божьих. В них тепло.

19.3.20

ПИСЬМО ПРИХОЖАНАМ
ПРИХОДА ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ» гор. БРЕШИИ

Дорогие прихожане, братья и сестры!

Период испытаний наступил для каждого из нас. Многие потеряли работу и заработок, никто под угрозой наказаний не имеет права даже выйти из дома. Все мы остались без

богослужения, общей молитвы и таинств. Сколько продлится наш карантин, не знает никто, но всем ясно, что это не вопрос дней. Наибольшая интенсивность заражений сейчас приходится именно на наш город, и пик эпидемии, возможно, еще впереди.

Да, Великий пост в этом году стал для нас ограничением не только в пище телесной, но и в пище небесной. Как нам принять это? Не просто смириться с ситуацией, которую мы не в силах изменить, но разгадать в ней благую волю Божию, замысел Божий о нашем приходе, о каждом из нас. Сейчас вся Италия, приютившая нас, вынуждена отказаться от своего привычного образа жизни. Но мы, православные христиане, призваны к большему.

Прежде всего, нет у нас никакого права — ни духовного, ни нравственного, ни просто человеческого — взламывать все эти запреты, бросать вызов властям: вы запрещаете, а вот мы будем делать все по-своему, собираться тайно, служить при закрытых дверях, и будь что будет. Сегодня требование следовать установленным жестким правилам безопасности исходит не только от итальянского правительства и администрации Ломбардии, но и вменено в обязанность нашим правящим архиереем, митрополитом Иоанном. Напомню о том, что вы и так знаете: простое пребывание рядом друг с другом в закрытом помещении чревато опасностью для любого из нас. Никто не вправе искушать Бога, подвергая данную Им жизнь опасности; но и безмерно больше: никто, никто из нас не вправе рисковать жизнью ближнего. Как настоятель прихода, на котором лежит ответственность за каждого из вас, я с горечью вынужден подтвердить то, что уже сказал устно, когда в последний раз мы собирались в храме: богослужений не будет до того времени, пока Господь не благословит нас вновь собраться вместе.

Давайте же задумаемся: какой смысл можем мы извлечь из этого испытания или даже какой дар можем мы найти в нем? Вспомним, ведь, отправляясь в Италию, мало кто из нас ожидал найти там полноценную церковную жизнь. Мы оказались здесь по другим причинам. Но мы ее нашли, может быть, неожиданно для себя, и уже за это обретение должны быть благодарны. Теперь она временно отнимается от нас. Почему?

Прислушаемся к себе, спросим Бога в глубине сердца. Может быть, для того, чтобы ощутить жажду причастия, его непомерный дар, его единственность, даже если оно совершается часто, — надо понять и то, как жить без него?

Может быть, для того, чтобы почувствовать полноту и красоту общей молитвы, надо испытать ее отсутствие, тоску по ней? Может быть, мы лучше сумеем ощутить ее вкус, находясь далеко друг от друга? Может быть, мы полнее сумеем ощутить радость единства, если побудем какое-то время в одиночестве перед Богом? Когда будем друг за друга молиться, друг друга вспоминать, скучать по тем, кого не видим?

В этом «одиночестве», если Бог с нами, может и должна совершаться невидимая внутренняя работа, которой нам всегда не хватает. Недаром великие святые отправлялись в затвор и проводили в нем всю жизнь. Так и преп. Мария Египетская провела 40 лет в пустыне и причастилась лишь в последние дни своей земной жизни. Может быть, именно такая память о преподобной, которой посвящена пятая неделя Великого поста, должна воплотиться и в нашей жизни, в нашем сегодняшнем посте?

Нам будет не хватать ежевоскресной проповеди, но, вдумываясь в слова Евангелия, читаемого по воскресеньям, может быть, мы сами станем размышлять над ними, научимся проповедовать самим себе? А лучшие из проповедей я постараюсь находить для вас и публиковать на нашем сайте и посылать в группу «Всех скорбящих Радость».

Наконец, мы, ученики Христовы, призваны жить в «памяти смертной», которая так внезапно приблизилась ко всем нам. Молитвенно желаю вам здоровья и долголетия, но не забудем и о том, что память смертная есть неотъемлемая часть жизни с Богом, здесь и сейчас. Она зовет нас к покаянию, но дарует и радость: Господь близко, Господь грядет.

Я же, как настоятель, всегда остаюсь в вашем распоряжении для исповеди, совета, разговора. Как найти меня, вы знаете. Прошу молитв о моей семье и обо мне, я же не забуду в молитве никого из вас.

Хотел бы напомнить слова Христа, которые читаются в Великий Четверг: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16: 33). А приход наш посвящен иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Заглядывайте на наш новорожденный сайт ortdossiabrescia.org. Мы с о. Лазарем постараемся сделать его маленькой калиткой в закрытый наш храм.

Прот. Владимир Зелинский
19 марта 2020 года
Вторая неделя Великого поста,
Брешия

22.3.20

Пушкинское «молча стою, как поденщик ненужный» невольно примеряешь к себе. Ненужный поденщик — священник, который не служит литургию, стоит поодаль. Это католический наш собрат может и миссией заниматься, и в семинарии преподавать, и молодежный лагерь тянуть, и массу прекрасных вещей переделывать, а православный должен прежде всего служить. Стоять у престола. Уже не раз замечал: неслужащий священник начинает распадаться.

За двумя исключениями из-за перенесенных операций в прошлом году и, кажется, трех-четырех из-за отпусков, других воскресений без Евхаристии за 20 лет у меня не было. Ныне же у нас в стране, тем более в городе, служить в храме или не служить — не вопрос твоего выбора или смелого вызова; запрещено не то что служить, но и на улице показываться. По городу разъезжает полиция, за ней армия, а в небе бродит вертолет, высматривая нарушителей. Сначала думал: больных забирает; нет, кружит как будто без цели, наблюдает, что внизу.

«Поденщик ненужный». Ты выпадаешь из радостного ритма отклика, подготовки, включенности, необходимости, соответствия ожиданиям. Надо быть в форме, вовремя помолиться, настроиться, найти тропари и кондаки, что-то продумать, приготовить. Например, проповедь на тему воскресного Евангелия. Тем более Евангелия Крестопоклонной недели. Ты произносил ее двадцать раз, стараясь заново, не повторяясь, погружаться в тайну Распятия на максимально доступную тебе глубину. Как бы задерживать в ней дыхание, чтобы затем вынырнуть с обновленными учительными словами. И теперь чувствуешь, что люди ждут от тебя какого-то

учительного известия, вписанного в положенный литургический ритм, а у тебя его нет. И как бы его не нужно.

Вчера в Италии скончалось 793 человека. Больше половины у нас, на севере, в Ломбардии. А в Ломбардии самые гиблые места — Бергамо и Брешия. «А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, что жилы отворить» (Пастернак). К такому запаху быстро привыкаешь. Совершенно бессмысленно и бесполезно чего-то бояться, даже требовать от Бога особой для себя защиты; как будет, так будет. Почему-то сейчас, в крестопоклонное время, Божье присутствие скорее — в молчании. И учительное известие — в тишине. Это не то, что людям, самому себе не объяснишь: сегодня твое слово — это отсутствие слова. Когда ныряешь в тайну и держишься там, в глубине, сколько можешь.

23.3.20

Из отклика на один комментарий.

Уважаемая Наталия, Вы поместили на моей странице выступление экскурсовода Кати, которая, как и все экскурсоводы в Италии, потеряла работу. Я, к сожалению, должен был дослушать ее выступление, чтобы узнать в конце, что вирус прислали «американские бандиты». Когда в середине 14 века была чума во Франции, все были уверены, что ее прислали евреи. А в 17 веке в Милане, согласно Мандзони, чуму принесли некие мазуны, кто ночами измазывал ядом стены домов. В Петербурге в 1830 году во время эпидемии холеры народ считал, что во всем виноваты врачи. Там, где начинается поиск врагов, там меня нет среди ищущих. И чтобы не присоединяться к ним, мне пришлось стереть Вашу запись.

26.3.20

Парадокс смерти эпохи постмодерна в том, что технический прогресс обгоняет и даже преодолевает человека. Это показал вирус, напавший из-за угла, внезапно, никого не щадя. Явился он не от бедности, не от беженства, а скорее от кипения экономики, от плотности деловых связей, от интенсивности снования взад-вперед по планете, преизбытка передвижений и бизнес-рукопожатий. Пришел, прыгнул сверху на тех, кто на здоровье не жаловался и умирать не собирался. Вспоминаю библейского Иова: и он ни на что не жаловался,

но пришел Противоречащий и в одночасье отнял все, чем Иов гордился: наследников, дом, поместья, гараж, бассейн, счет в банке. Наконец, само тело в его физической уверенности в себе, силе, опрятности.

Сегодняшняя медицина — там, где она есть, — совершенно не намерена дать вам умереть от хвори. Она, отдадим ей должное, с огромными усилиями человеческими, техническими, финансовыми — будет делать все, чтобы не заглох мотор жизни, который заложен в ваше тело. Чтоб легкие могли набирать воздух, сердце трудилось, качали почки. Но с благодарностью отдавая себя в ее руки, мы не можем не ощутить, что наше существование здесь сведено теперь лишь к работе изнемогающих клеток. Вездесущий вирус довел эту редукцию до предела: вокруг снует, сбиваясь с ног, медперсонал, делая все, чтобы удержать нас в этой биологической жизни, за пределом которой, разумеется само собой, нет ничего. Все, что за пределом, четко отсечено от ее медицинских действий.

Но вот за запертой дверью всего отсеченного вы вдруг находите то самое отсеченное — самого себя. Тело, уходя в небытие, открывает в себе личность, до которой раньше было недосуг, душу, сведенную к самому существенному, к стону, крику, тревоге, надежде, к тому соприкосновению с вечным, которое не должно прерваться. Но сказать вам об этом некому, слово вам не принадлежит. Болезнь, которая растеклась по миру от густоты общения, лишила вас общения. Белые или зеленые халаты, маски, капельницы, беготня от одной койки к другой... И как последнее, чуть унижительное испытание — судно, подкладываемое под тело, уже не способное справляться со своими нуждами.

Когда Иов сидел на своем гноище и чистил черепками кожу от проказы, пришли друзья, помолчали, потом стали утешать. Не столько даже утешать, сколько наставлять духовно. Они лучше Иова знали причину его бед. Они понимали, что Иов наказан не просто так. Их голосами, казалось, говорила сама религиозная мудрость. Перечитайте хотя бы речи Виллада или Софара. Ты, Иов, согрешил и должен понять, в чем именно, Богу не перечить и принести покаяние. Всё ведь правильно говорят. Они как бы владеют сокровенным знанием Божиим, они точно осведомлены, за что Иову такая кара. Но Иов добивается от Бога знания своего — не чужого,

не общего, и потому упорствует в своем неразумном вопле. Он хочет встретить Бога лицом к лицу, услышать Его голос, а не богословие друзей. И Господь ему отвечает.

Иов, по крайней мере, в отличие от нынешних умирающих, был способен спорить с друзьями. Сейчас умирающих лечат, с ними не разговаривают. И лечат, в общем, хорошо, много лучше, чем лечили в прошлом. Однако стенание больных, их разговор с Богом чем-то схож с воплем Иова. Их голос заперт внутри себя. Некому услышать то, что они могли бы сказать напоследок. Масса людей вокруг, но у них другие — насущные, технические заботы. И вот этот вопль в глухой тишине, это одиночество на пороге другого бытия порой вызывает к жизни какое-то последнее исповедание. Так часто оно говорит словами Псалма (21), которые произнес Христос на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! почему Ты меня оставил?» Бог, даже неисповеданный, сокрытый, Бог «губ шевелящихся», слышит и принимает твою исповедь. Если захочешь ее донести.

Нет, конечно, умирание само по себе не есть ни оправдание, ни спасение. Но может им стать. Особенно если пережить его заранее, когда мы крепки, свободны и не замкнуты в себе.

27.3.20

Сегодняшняя молитва об избавлении от пандемии папы Франциска на площади св. Петра. Площадь была пуста, охраняема полицией, но за ней виднелись немногочисленные паломники. По площади гулял дождь, хлеща людей поодаль, камни, крыши, но папа стоял под навесом. После чтения отрывка из Евангелия от Марка (4: 35–41) об Иисусе, спасшем учеников от бури, находясь с ними в лодке, он произнес молитву, скорее медитацию, о том, что все мы в одной лодке, которую сейчас топит буря.

Помолился об умерших (по статистике их в Италии только сегодня 969, и день еще не кончился), об умирающих, о всех, кто служит им и нам. Потом, прихрамывая, не без труда, явно с запущенным артритом, направился к образу Богородицы *Salus populi Romani*, древнейшей византийской иконе, приписываемой евангелисту Луке и почитаемой Покровительницей Рима, стоявшей перед входом в собор. Какое-то

время он молился перед ней в безмолвии. Этот образ, хранящийся в базилике Санта-Мария-Маджоре, по преданию, спас Рим от чумы в 1522 году.

Затем Франциск вошел в притвор собора св. Петра, где перед импровизированным алтарем со Святыми Дарами, выставленными для адорации, произнес другую молитву и даровал — в согласии с правилами Римской Церкви — отпущение грехов больным и тем, кто в этом нуждается. Т.е. всем, кто пожелает его индульгенцию принять. Но убедительней слов был, казалось, сам образ: фигуры старца-Первосвященника в белом в пустом притворе среди массивных колонн Святого Петра и лазурной глубины за его спиной, постепенно густеющей, переходящей в плотную, источающую свет синеву. Синева теперь казалась фоном небесной иконы Материнского заступничества.

29.3.20

«Утешайте, утешайте народ Мой, — требует Господь в книге пророка Исаии, обращаясь к священникам (они здесь подразумеваются и прямо вставляются в греческом переводе), — говорите к сердцу Иерусалима» (40, 1–2). «Я не пророк и не сын пророка», — признается Амос (7, 14); но, прожив уже третье воскресенье без встречи с людьми, которых дал мне Бог, ощутил, что слова Исаии стучатся и ко мне. Сердце Иерусалима сейчас — это приход. Что сказать здесь? Какие слова следует принести человеку во время бедствия? Бог знает их, но у меня таких нет. Пусть приношением моим будет лишь домашняя литургия по скайпу, с убогой проповедью, дома, с женой и сыном, перед импровизированным престолом. Для ревнителей: без литургического бесчинства, по благословению Митрополита.

3.4.20

Еще одно обличение. Не первое и не последнее, конечно. Начинается так:

«Господь Победил Смерть от Любви к нам !!! А нас побеждает страх перед коронавирусом, нас завоевало САМО-ОПРАВДАНИЕ : ложная,, любовь,, ложное,, смирение,, к ближнему — сидеть дома, неверие в Святость Причастия

как исцеления Души и Тела!!!! ., Не бойтесь потерять тело, а бойтесь потерять Душу!!! ...»

И далее в том же ритме.

Вы слышите, как грохочут сапоги восклицательных знаков, как лязгают большие буквы и печатают шаг запятые? Обличение предваряется заставкой со сценой бесстрашного пастыря, выходящего в защитной маске на солею, со смехом ее срывая, бросая заразе вызов. Да не тот ли это пастырь-боец, который, как только зараза-бандера победила в его родном городе, бежал из него, как «Гарун, быстрее лани», бросив и город, и приход? Добежал до Москвы, был ею обласкан, понят, устроен, а обличать заразу-бандеру сподручней издалека.

Не оправдываюсь, оправдывается побежденный, только уведомляю. В нашем ломбардийском городе с населением в 190 тысяч человек, по сегодняшним официальным данным, заражен каждый шестой его житель. Умирает в день человек 50. Но остановимся на лозунге «нас побеждает страх». За ним предполагается, что мы одни на свете со своим неколебимым мужеством и страх побеждающей верой. Однако поставим вещи на свои места: поймав вирус неведомо как, вы тотчас несете его другим. Женам, мужьям, детям, соседям, врачам, медсестрам, санитарам... И тем самым старикам, которых вы сопровождаете на пути из этой жизни в будущую и дети которых вам платят зарплату. Вы их всех ставите под удар. Плюс тех, с кем они пересекутся. Уверены ли мы, что все они преодолели страх столь же героически?

Второе. Чтобы служить в храме, быть на службе, надо до храма добраться. Сесть на электричку или в автобус или, наконец, пройти километр-другой своими ногами, машина мало у кого из наших есть. Но даже если она и есть, вас остановит полиция, которая дежурит круглосуточно, особенно в центре, и задаст вопрос: это по какой надобности вы, синьора, удалились от дома больше, чем на 200 метров? По месту проживания аптека и супермаркет у вас поблизости. В храм собрались? Понимаем, все крещенные, в церкви венчанные, образок на груди носим, мы против храма ни слова. Православие уважаем и духовность его, только вам надлежит теперь заплатить 300 евро штрафа. — Да ты что, сынок,

откуда у меня со мной деньги такие? — Сочувствуем искренне (*ci dispiace, signora, ci dispiace davvero*), но ничего поделать не можем. Есть у вас деньги или нет, это, простите, нас не касается. У нас указ правительства. А вам лучше сразу заплатить, а то по суду потом вам еще штраф набежит плюс судебные издержки. И не думайте сбежать, вы тут у нас уже в компьютере, через границу вас не пропустят. Да, впрочем, куда бежать, границы и так закрыты.

Третье. Церковь, в которой мы последние шесть с половиной лет служим, не наша и нашей не будет, она — сестер-монахинь, добрых соседок наших. Мэрия или полиция скажет им слово, и нас там больше не будет никогда. Ведь мы в гостях, нам и на дверь недолго указать. И вот однажды все кончится, и будем мы, как встарь, просить милостыню по католическим храмам: пустите послужить Христа ради. Как это было, знаем, мыкались 14 лет.

Взвесив три этих фактора, можем и повторить:

«Господь Победил Смерть от Любви к нам !!! А нас побеждает страх перед коронавирусом, нас завоевало САМО-ОПРАВДАНИЕ : ложная,, любовь,, ложное,, смирение,, к ближнему — сидеть дома, неверие в Святость Причастия как исцеления Души и Тела!!!! ., Не бойтесь потерять тело, а бойтесь потерять Душу!!! ...»

В настоящее время, оберегая тишину, затворяю дверь от лишнего шума.

7.4.20

Уже несколько воскресений не могу служить в храме. Не могу даже войти в него. А на дворе Благовещение, «на волю птичку выпускаю...» Но где эта воля наша в четырех стенах?

«Спасения нашего главизна и еже от века таинства явление», — гласит тропарь праздника. Таинство здесь в посещении Марии, в извещении Ее Ангелом. «Спасения главизна» начинается с диалога между ним и «Благословенной в женах». Он приносит Благую Весть, то есть Евангелие. Евангелие — это и книга, и событие. Сегодняшний праздник делает нас причастными тому и другому, Событию как Слову,

которое зачинается в человеческой семье. И мы входим в это Слово-Событие через тот, случившийся однажды и ставший вечным, разговор Гавриила с Марией.

Эхо того разговора проносится по всему Священному Писанию, от начала и до конца. Святые Отцы, размышляя о Богородице, видели в Ней новую Еву, родившую Спасителя, победившего грех, внесенный в мир Евой первой, созерцали Ее в виде Неопалимой Купины и олицетворения Премудрости, Художницы творения (Притч 8: 30), и в образе души, обращенной к Богу. Благовещение бросает свой свет на неизведанные глубины Библии. Мария — Живоносный Источник, как называется одна из Ее икон, источник не только чудес и исцелений, но и неожиданно являемых смыслов. Она рождает Слово, Которое становится для нас обращением, постижением, по мере сил — жизнью.

Благовещенье, давний разговор и сегодняшний праздник, есть и архетип нашей веры. Почему мы становимся верующими и не устаем ими быть? Потому что получили и сейчас получаем от Бога известие о том, что Он есть, что Он рядом с нами, что Его лицо есть лик любви. Конечно, слух наш чаще всего настроен совсем на другое, наши уши заложены, лучше сказать, контужены тысячами шумов, исходящих извне и изнутри. Голос Божий редко говорит из громов и молний, он если и просачивается в нас, то с усилием.

Но вот тут откуда ни возьмись карантин, которого не ждали, не приглашали, явление совершенно иного порядка, ни к какому религиозному устройению отношения не имеющее. И все же, если задуматься, то, однако, звуков становится поменьше; есть, конечно, под ухом разноцветный, восточный, кричащий базар интернета, но в силу самой крикливости его быстрее устанешь и легче убежишь. И тогда развивается вдруг какая-то особая восприимчивость к тишине. Тишина — воздух Богородицы. Посторонние вторжения, разносторонние впечатления, пусть даже самые благочестивые, уже не имеют над нами прежней власти. Мы заперты у себя дома, остались наедине с собой и с близкими, которые всё, что хотели нам за жизнь сказать, уже сказали. Из этого одиночества может сложиться свой праздник — без теплых икон, без привычных возгласов, без «свечечек и вербочек», которые тоже,

конечно, несут в себе частички благой вести, но могут и отвлекать на себя ее суть.

По Божьей воле, внедренной в случайные как бы обстоятельства, мы должны будем теперь праздновать этот и грядущие праздники в нерукотворных храмах. Наедине с «сокровенным сердца человеком», как говорит ап. Петр. Беседуя с ним, прислушиваясь, делясь извещениями. У того человека всегда есть, что нам сказать. Лишившись церковных стен и даров, мы можем поискать их в том, где-то запрятанном, затурканном в нас человеке. Событие «извещения» Божия — внутри нас самих. И каждый может праздновать его по-новому и по-своему.

Ангел говорил однажды с Той, Кто обрела благодать у Бога, — но не говорил ли он когда-то и с нами, грешными? Вспомним, задумаемся, нырнем поглубже в сундуки памяти. Не обещал ли Ангел нам, что и наша душа может зачать Слово Божие? Возможно, и обещал, только мы не слышали его голос, не всегда его слушали, забыли, затерли, смешали с другими песнями и шепотами. И вот свалился на нас карантин и сказал по-своему, по-хорошему: а ты вспомни, прислушайся.

Так что крепись, птичка-душа, не бейся понапрасну о прутья клетки. Или, побившись немного, затихни и отдохни. Глядишь, еще потрешься о прутья клювиком, удивись, потом и порадуешься тишине. А там и поблагодаришь.

8.4.20

Весне карантин не указ; вырвавшись из положенных ей сроков, она, из полузимы еще дня три назад, разбежавшись, бухнула сразу в лето. С настоящей жарой, беспокойными птицами, с дорогой, манящей «не скажу куда». Стоят деревья, неожиданно живые, неправдоподобно зеленые, недоступные. Теперь близко не подойдешь, не погладишь.

Гуляю, чтоб размяться, вокруг дома, встречаю двух персон в масках, которые при каждом круге шарахаются метра на четыре. У меня вместо маски шарфик, да и тот не держится. Думаю про весну. Всякий раз сравниваю здешнюю, ломбардийскую с тамошней, московской.

Там еще снег лежит, по крайней мере за городом. Здесь он уже позавчера как растаял на самой дальней холодной

горе. У нас весна по-итальянски открыта и проста. Она приходит незамысловато, вместе с хорошей погодой. «Клейкие зеленые листочки» — сегодня еще малые, клейкие, а завтра, глядишь, уже полноправные листья. Не успеваешь и в любви признаться, как Иван Карамазов. И не заметишь чуда.

А вот в Москве весна умела всегда задержаться и удивить. Сначала так ударит ледяным хвостом в конце марта, словно хочет сказать: не ждите, не надейтесь, зима здесь у вас навсегда. А потом это «навсегда» вдруг начинает отползать. Еще снег на улицах, но под ним ручьи, в мои времена его не так расторопно убрали, и вот тающий снег, сдаваясь теплу, вдруг выдает тебе какой-то свой юный секрет. Это не передашь, как будто некий щелчок, никаким аппаратом не уловимый, раздается в вешнем воздухе. И по ту сторону воздуха словно открывается чья-то шкатулка с обещаниями. И в детстве так было, и далеко потом. Здесь, в Италии, каждый год прислушиваюсь к этому переходу: где чудо, где щелчок? Не слышу.

11.4.20

Страстная Пятница на площади Св. Петра. Via Crucis не в Колизее, как бывает каждый год, без людей из-за пандемии.

Крест несет, передавая друг другу, небольшая группа в 14 человек, одетых буднично: несколько мужчин, три-четыре женщины, два священника. Все они — служащие падуанской тюрьмы или как-то с ней связанные: охранники, врачи, социальные работники, волонтеры, даже один тюремщик, посвященный в сан дьякона. В центре площади — белая фигура Франциска. Белизна особенно подчеркивает усталость и старость. Рядом неподвижный епископ с лиловым поясом. Пустое пространство вокруг. И миллиард пар глаз по всему миру перед телевизором.

Все тексты, прозвучавшие на протяжении Крестного Пути, так или иначе завязаны на преступлении и наказании. Их авторы — двое падуанских пожизненно заключенных, а также тот тюремщик-дьякон, родители дочери, убитой бандитом, наркоман с каким-то тяжелым прошлым за плечами, судья, вынужденный выносить приговоры, тюремная воспитательница, женщина, прожившая жизнь без отца, потому

что он с раннего ее детства сидит на пожизненном, священник, просидевший 8 лет просто так (очевидно, по подозрению в педофилии), потом оправданный... Все они приносят Кресту свой опыт, свои исповедальные свидетельства о примирении с Богом. Они перемежаются чтением отрывков из Писания, Евангелия прежде всего. Иисус несет Крест, Иисус падает под его тяжестью. Иисуса пригвозждают ко Кресту... Изумительно точная церемониальность всей сцены, четкость движений, участники предельно серьезны, они ничего не разыгрывают, видно по лицам.

Главное послание этого вечера, папы Франциска и всего католичества, каким оно стало в наши дни, — нет в мире виноватых, все несут свой крест, повсюду есть только страждущие, Иисус с ними. Он берет на Себя вину каждого. Он — в центре страдания мира и всякого человека на земле. Сравниваю с нами, Восточной Церковью; ее послание остается неизменным с самого начала: страдания этой жизни ничего не стоят, есть вина, есть грех, ты должен покаяться, и Крестом спасешься.

За спиной Франциска — безмолвное величие базилики Святого Петра, массивная мощь колоннады Бернини, охватывающей площадь, словно оставшейся от триумфальных, уже музейных веков. В этой колоннаде, в этой массивности, немного холодной, во всем — *Tu es Petrus...*

11.4.20

Дом обладает своим четко описываемым и понятным смыслом, когда есть не-дом. И в этот не-дом можно пойти и в дом из него вернуться. В Лазареву Субботу я всегда ездил с сыном, или с викарием моим, или с помощником в аббатство Магуцано, и на следующий день, в воскресенье, храм был полон оливковых веток. Оливковый сад за 25 километров ощущался почти как продолжение дома. Ныне он — дальше зарубежье, куда не добудешь визу. Как, впрочем, и в храм, что в одном километре. В это ближнее зарубежье тоже не попадешь, полиция схватит тебя по дороге. Так начинаешь понимать «язык пространства, сжатого до точки» (Мандельштам). Это язык домашних стен, сужающихся до грудной клетки.

18.4.20

«Сия бо есть благословенная суббота, сей есть успокоения день, воньже почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий, смотрением еже на смерть, плотию субботствовал...» Четвертая Заповедь «соблюдай день субботний» исполняется во гробе. Демонстративно, вызываяще нарушая святость субботы во дни земного служения, Христос соблюдает ее там. Субботой субботу поправ... Не я это говорю, но творец стихир. «Днешний день тайно великий Моисей преобразоваше...» Значит, ради неведомого, немеркнувшего, грядущего Дня была дана на Синае Моисею заповедь о почитании субботы?

18.4.20

Пасхальную литургию завтра служу дома в 10 часов по европейскому времени. Кто хочет быть помянут, присылайте имена.

Уточнение: речь идет о поминании на проскомидии, то есть таинстве, поэтому, пожалуйста, пишите только сюда, а не в мессенджер, чтобы завтра я не запутался. И не бесконечное число имен. У меня еще имен 400 от прихода.

19.4.20

Друзья и сомолитвенники!

Все имена, которые поступили ко мне до 9:50, помянул литургически, то есть на проскомидии. Те, кто пришли после выключения компьютера, помяну устно. Это был первый подобный опыт, для меня самого неожиданный. Внезапно явилась мысль пригласить всех, кто хочет быть помянутым, и я, второй раз не думая, пригласил.

Называя каждое из имен, вынимая за них частицу просфоры, внезапно ощутил, что в каждом из них свернулась чья-то неведомая, необъятная жизнь, у кого-то едва начавшаяся, у другого текущая по своему руслу или обреченная вот-вот пресечься... В подготовке литургии есть прикосновение к человеческому потоку, который вытекает из рук Слова, через которое все начало быть. Начало быть и перестало быть, чтобы к тем же рукам потом вернуться, быть ими принятым, ими воскрешенным...

Но, друзья мои, 2,5 тысячи имен за утро перед службой — это перебор. Случись мне снова созвать желающих на поминовение, уместится в одну тысячу, не больше.

23.4.20

Позавчера в Италии умерло более 500 человек. Вчера «только» 437. Всего у вируса, по официальной статистике, 25 085 жертв. Больше половины из них у нас, в Ломбардии. Но в отделениях интенсивной терапии уже стали освобождаться места. Говорят, медленно, медленно пандемия идет на спад. С таким спадом она может продолжиться еще многие недели. Признаю позицию ковид-скептиков («немногим больше, чем обычный сезонный грипп»), но с ними не полемирую. Всего два месяца назад, 21 февраля, в Италии, в местечке Кодоньо, был выявлен первый больной, на которого никто не обратил внимание. Он заразил массу народа, кого-то и в живых уже, наверное, нет, но сам вылечился.

6.5.20

Из разговора с врачом, позвонившим, чтобы попросить помолиться о его дяде, только что умершем от коронавируса. «Никогда в жизни такого не видел и не думал увидеть. Люди звонят в скорую помощь, задыхаясь, сосуды легких забиты тромбами, и слышат в ответ: “Ничего не можем сделать, в больнице мест нет, кислорода нет, оставайтесь дома, умирайте дома”. Сейчас стало немного легче. Места освобождаются. С 4 мая началась вторая фаза, открылись некоторые производства и даже бары, банки работают в нормальном режиме, прогулка больше не преступление. Но еще посмотрим, что будет через две недели. Если накроет вторая волна, все закроется снова, и надолго. Мы, итальянцы, привыкли, что так люди умирают только в Африке или в Азии, а мы пьем кофе и ездим в отпуск на море. Так устроен мир, каждому свое. Теперь Господь немного переменил наши роли, мы не вправе роптать».

7.5.20

Первый выход из дома дальше 100 метров. Первая прогулка на велосипеде. Внезапное чувство легкости и скорости. Первая, после двух месяцев, дорога в храм. Входишь, и тебя

обдает запахом непогасшего очага, который обычно не замечаешь. Никого, ты один. Как там у м. Антония? Я смотрю на Него, Он (может быть) смотрит на меня. Не знаю, смотрит ли, но дает ощущение счастья.

12.5.20

Эпидемия, кажется, идет на спад. За вчерашний день всего 744 заболевших, всего (+) 179 смертей. Позавчера их было, однако, 165. Весь мир делает подсчеты по Италии в целом, все еще не желая замечать, что больше половины всех пораженных коронавирусом приходится на долю одной Ломбардии. Вторая половина распределяется по всем прочим итальянским регионам, а их еще 19. Но Ломбардия — отдельная страна, у нее самая мощная экономика и самая большая, как оказалось, уязвимость. Народ требует, чтобы все поскорей открывалось, особенно рестораторы и болельщики (почему в автобус можно, а в ресторан и на стадион нельзя?), но и опасается второй волны, которая, как черная пантера, может быть, уже ждет за кустом. Впрочем, не то чтобы особенно опасается, плохое предвидеть и начать заранее переживать — не итальянское дело.

Но главная наша новость, которая за пределами Италии едва ли кому-то интересна, — это освобождение миланской девушки Сильвии Романа, похищенной в Кении в ноябре 2018 года, куда она отправилась ради помощи детям, и выкупленной за 2 или 3 миллиона евро у сомалийских рэкетиоров. В аэропорту в Риме Сильвию, симпатичную и сияющую от счастья, встречали, помимо родных, премьер-министр Джузеппе Конте (не знаю, сколько часов в сутки он работает, но вот нашел время) и министр иностранных дел Луиджи ди Майо, то есть на высшем правительственном уровне. Сойдя по траппу в маске и в зеленом хиджабе, она объявила, что приняла ислам, никаких насилий не испытала и вообще в плену было почти замечательно. Сегодня об этом пишут все газеты едва ли как не о главном событии в жизни страны. Народ ликует как дитя (свобода!) или сердится (зачем платили наши деньги за эту апостатку?) как дитя. Он и есть дитя.

12.5

Надежды на восстановление нормальной жизни в Ломбардии отодвигаются. Вчера было 364 заражения, сегодня 1033 (Ля Стампа).

24.5.20

Первая литургия в храме после 2 месяцев. Усталость и счастье. «Фейсбук» подстерег меня беззащитно спящим, как бы уже склонным к умиранию. Прежде чем успел стереть, уже десяток беспокойств. Всех виртуально обнимаю, прошу стереть, кто переписал к себе.

4.6.20

Вирус уходит, говорят новости. Но, отступая, ведет арьергардные бои. Прямо у нас. Опять-таки не путать с Италией, где вчера было 321 заражение, из них две трети (237) в Ломбардии. Из них треть — в районе Брешии. Данные, естественно, преуменьшены, не все же обращаются к врачу. Хочешь не хочешь, вспомнишь классика Фамусова в адрес этому Молчалину-вирусу: «Друг, нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок?»

1.7.20

Выписываю сегодняшние данные Министерства здравоохранения:

«В стране за сутки зарегистрировано 183 новых случая заражения (из них 109 в Ломбардии), 469 человек излечилось и 21 скончался.

В целом на Ломбардию приходится 39% всех случаев заболевания (за весь период эпидемии), 13% — это Пьемонт, 11,8% — Эмилия-Романия, 8,0% — Венето. Доля других регионов — менее пяти процентов в общем числе заражений».

Эпидемия отступает. Открыты границы между странами Шенгена. Но у нас на улице люди все еще носят маски. По распоряжению губернатора Ломбардии Аттилио Фонтаны, их предстоит носить до 14 июля. В других регионах такой необходимости нет.

Уже полтора месяца мы проводим регулярные службы в нашем храме. Теперь у нас две литургии. Раннюю служит о. Лазарь / Леонардо Ленци, позднюю — я, настоятель. Но на

каждую из них надо записываться заранее. На той и на другой бывает приблизительно по 20 человек, больше при соблюдении санитарных дистанций между людьми нам не вместить. Это около двух третей того количества прихожан, которое обычно приходило на литургию в довирусные времена.

Есть у нас и свои ковид-диссиденты, которые не желают причащаться одноразовыми деревянными ложечками. У них свои непримиримые духовные отцы и высокие гордые знамена. Их мало, конечно, да и какой православный приход обойдется без них? наших церквей в округе достаточно, всегда можно найти общину, где причащают одной лжицей и демонстративно не соблюдают никаких санитарных мер.

В Европе перечитывают «Чуму» Камю. Там конец эпидемии ознаменован празднеством и салютом. Но как предупреждает автор, чума не ушла совсем, она лишь спряталась. Теперь мы это знаем; еще не сняты последние ограничения, но нам уже предрекают вторую волну. А за ней возможна и третья. А за третьей — не волна уже, но образ жизни в одном доме с вирусом, под тучей его, с памятью о том, что она — здесь, над головой.

Молитву по соглашению о защите против эпидемии продолжаем читать.

Слава Богу за все!

Анкета «Вестника» о церковной жизни и богослужениях в эпоху пандемии

Эпидемия коронавируса прервала и ограничила публичное богослужение. В некоторых странах (как, например, в Италии и Франции) гражданская власть совсем запретила публичное богослужение на то время, пока велик риск заражения в общественных местах. В Русской православной церкви, хотя службы не были прямо запрещены в тех странах, где находится большинство ее приходов, после некоторого колебания церковная власть приняла решение служить только клиру за закрытыми дверями церквей.

Там, где публичное богослужение в церквях стало невозможным, многие священники нашли выход в «богослужении онлайн», то есть в проведении церковных служб дома или за закрытыми дверями в церкви и в трансляции этих служб через интернет. Если трансляция богослужений по телевидению стала уже привычной, то богослужение онлайн, идея, да и практика которого возникли с развитием интернета, было в Православной церкви явлением редким и скорее экзотическим. Поскольку эпидемия вызвала потребность каким-либо образом дать верующим ощутить свою причастность к Церкви и ее службам, то богослужение онлайн приобрело некоторую популярность и породило дискуссию о возможности и необходимости церковных служб, которые транслируются через интернет.

Редакция «Вестника» обратилась к нескольким нашим постоянным авторам и читателям с просьбой высказать свое мнение о богослужении онлайн и вообще о литургическом и церковном измерении кризиса, вызванного эпидемией коронавируса. Мы сформулировали для отвечающих следующие *вопросы*:

1. Как вы относитесь к совершению богослужений удаленно, через интернет? Есть ли в этом необходимость и способно ли оно, хотя бы отчасти, заменить обычное богослужение? Видите ли вы обоснование виртуальных служб с точки зрения Писания и традиции Церкви? Зависит ли возможность совершать богослужение от

характера службы, например от факта, что это вечерня или литургия?

2. Как вы относитесь к призывам продолжать вести открытые службы, несмотря на карантин? Правильно ли проведение служб за закрытыми дверями?

3. Повлияла ли эпидемия и самоизоляция или карантин на ваше отношение к церковным службам? Какой «литургический урок» вы вынесли из произошедшего?

4. Как может проявлять себя церковь, когда литургическое собрание невозможно или затруднено? Чему учит христиан опыт карантина?

Протопресвитер Иоанн Гейт (Франция), настоятель прихода св. Гермогена в Марселе, заместитель председателя совета Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе, юрист.

1. Трансляция, конечно, никак не может заменить «живое» богослужение, которое является с точки зрения евхаристического богословия *литургией*, то есть общим, соборным действием, предполагающим соборное сослужение всей общины прихожан, особенно когда речь идет о служении Евхаристии. Священник может совершать литургию с «двумя или тремя присутствующими», это уже «сослужение», но не один. Удаленно может совершаться одновременная общинная молитва, но она не может считаться «сослужением». Зрительный ряд, как и слушание, могут способствовать молитве. Но виртуальная служба невозможна в принципе.

2. Призывать людей приходить в церковь во время эпидемии безответственно, но и закрывать двери тоже неловко. Надо признаться, что вопрос сложный, но насколько он новый? Многое зависит от причины закрытия.

Ученики в первый вечер воскресения служили «дверем затворенным» от страха гонений, но они как раз собрались все вместе. Вспомним также, что Святой Дух сошел на учеников именно потому, что они были собраны вместе.

В условиях карантина необходимость собираться в ограниченном количестве ставит неразрешимый вопрос подбора

присутствующих. Я лично по этой причине не служил *частной* литургии...

3. Для меня лично «литургический урок» заключился главным образом в том, что я внимательнее вслушивался в текст, поскольку читал всю службу или сам, или вместе с матушкой. Очевидно, что в ходе богослужения в храме вслушиваться постоянно в слова службы не так просто...

4. Невозможность причащаться Святых Даров, как бы «отлучение» от Евхаристии, явилось испытанием, но в то же время и напоминанием о серьезности Евхаристического причащения. Помимо того, кризисная ситуация, конечно, способствовала проявлению братской поддержки, особенно в духовном или, так сказать, психологическом плане. Безусловно, одно время был страх, боязнь заболевания. Немалое время я провел у телефона... Но и рассылал еженедельно прихожанам тексты служб, сопровождая их пастырским словом.

Ольга Седакова (Москва), поэт, прозаик, филолог, богослов, переводчик, старший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ.

1. Прежде мне совершенно не хотелось смотреть трансляции богослужений по телевидению (это были обычно торжественные богослужения на Пасху и Рождество). Ничего похожего на церковное переживание мне это не давало. Но в нынешней ситуации иначе. И сами трансляции другие. Все службы Страстной Недели я смотрела из московского храма Космы и Дамиана. И это было сильно. Как во времена бедствий все это — и молитва, и жертва — встает в полный рост.

Я не берусь обсуждать собственно богословских тем, связанных с виртуальными богослужениями (а они ставятся и обсуждаются). Могу сказать только про свое непосредственное впечатление: мне они дают чувство *участия*, и очень сильного. Но *причастия* я все же не представляю иначе, чем вещественно... С новыми технологиями приходит новая реальность, и от нее не уйдешь.

2. Я убеждена в том, что необходимо избегать риска и соблюдать карантин. У нас уже такой список жертв эпидемии — погибших священников, монахов, монахинь, певчих и всех, кто служил в это время! Может быть, стоило бы на это время отменить и закрытые богослужения в храмах, как это сделали в других странах.

3. Первый урок — очень хочется на «настоящую» службу, больше, чем прежде. Яснее, какой это дар — наша литургия.

4. Когда страну или все человечество настигали беды, обычным и первым ответом церкви было покаяние. В нынешнем бедствии этой ноты почти не слышно. Люди ищут, как пережить эти времена, как если бы ничего не случилось. Нельзя пойти в музей или в оперу — можно послушать и посмотреть все это онлайн. И правда, можно. Я не хочу спорить с этими замещениями привычной жизни и «поддержанием бодрости». Массовых покаяний и шествий флагеллантов мне не хотелось бы видеть. Но по меньшей мере — внимания, вопросов к себе и к привычкам нашей жизни... Из того, что я слышала, только в выступлениях папы Франциска можно услышать усилие видеть вещи всерьез.

Мне казалось вначале, что эта планетарная пауза будет серьезнее. Молчаливее.

Противники закрытия храмов видят в прекращении богослужений чью-то злую волю — правительств, медицинских экспертов и т.п. И, соответственно, — этим богборцам нужно противостоять! А можно, хотя бы на миг, подумать, что это Господь нас лишил такого дара. И в этом лишении искать смысл.

Священник Георгий Кочетков (Москва), профессор, основатель Свято-Филаретовского православного христианского института, основатель и духовный попечитель Преображенского содружества малых православных братств.

1. Жизнь сама ставит свои условия. Мы должны быть только чуткими к требованиям жизни, чтобы какие-то подделки и симулякры не принимать за подлинное, живое, настоящее,

исходящее от Бога и потребностей наших ближних, а значит, и всей церкви. Нельзя интернет ни демонизировать, ни обожествлять. Обе крайности пагубны, и в них нет правды. Хотя есть люди, которые злоупотребляют интернетом. Некоторые относятся к нему почти как к божеству, как к идолу, а другие боятся даже посмотреть на экран компьютера или смартфона, особенно если он появляется в храме или монастыре.

Крайностей не должно быть. Но использовать во благо данное цивилизацией не только можно, но и нужно. Всё, что можно взять доброго и хорошего из плодов цивилизации, человеческой мысли, человеческого развития в области технической и социальной, — надо брать. Когда у людей нет возможности идти в храм — по болезни, или из-за крайней удаленности, или в силу чрезвычайных обстоятельств, таких как пандемия коронавируса, которую мы до сих пор переживаем, — тогда надо искать средства поддержки нашего общения, нашей церковности, нашей духовной жизни. И хотя никакая машина никогда не заменит самого общения, самого источника духа и святости, истины и правды, тем не менее эти технические средства могут поддержать то, что есть, что уже имеется в нашем сердце, в наших отношениях, в нашем навыке, в нашей внутренней потребности. Поэтому очень многое, как оказывается, можно сделать и через интернет.

Мне как священнику уже не один год приходится пользоваться интернетом и смартфоном для исповеди людей, которые в ней нуждаются, часто остро нуждаются, находясь при этом очень далеко, не имея возможности лично приехать и поговорить. Иногда возможности встретиться нет у меня, но чаще всего — у самих звонящих. И что же делать, тут даже самые сложные вопросы духовной жизни — особенно если они связаны с ситуациями греха, грехопадения человека, сильных переживаний, иногда на грани суицида, — приходится решать с использованием технических средств. Лучше всего при этом видеть не просто картинку или фотографию, а самого человека, со всеми его особенностями, со всеми его страданиями, потому что и в голосе, и в лице человека очень многое передается. И интернет это как-то отражает. Тот же, кто знает человека, кто духовно заинтересован в нем, в его духовном благополучии и здравии, конечно, заметит и когда тот волнуется,

и когда он пребывает в унынии или в каком-то нездоровом душевном и духовном состоянии. Всё это передается, всё это считывается и через интернет, хотя и не полноценно.

Поэтому можно использовать интернет и для совершения богослужений. Ведь и без него бывает так, что мы не видим службы, а стоим, допустим, в притворе или, когда не хватает места в храме, даже где-то за его пределами, на улице, где просто транслируется богослужение. Трансляция — это то же самое, это такая же виртуальная реальность, как интернет и смартфон. И это используется везде и всюду. И я считаю, что почти все богослужения, включая многие таинства, можно совершать с помощью интернета — в скайпе, в зуме и так далее или путем личной связи через смартфон.

Я хотел бы подчеркнуть, что какая-то виртуальность присутствует везде и всегда. Даже когда мы используем церковные книги — когда они уже отрываются от своих творцов, многократно переписываются, иногда с ошибками, и печатаются, тоже иногда с ошибками и искажениями, — мы все равно при этом сталкиваемся с виртуальной реальностью. Повсеместно с XV века, со времен Гутенберга, церковь шла на эту виртуализацию.

Всегда надо думать, как поддерживать *общение* тогда, когда есть лишь посредники в общении, помогающие нам в молитве, в поддержке отношений. В конце концов, мы же звоним друг другу не только по делам, но и чтобы поддержать какое-то общение. И ни у кого это не вызывает вопросов, можно ли позвонить родителям, детям, особенно болящим, или, наоборот, торжествующим, радующимся людям или нельзя. Все скажут, что можно, понимая при этом все существующие ограничения такого общения.

Вернемся к молитве. Какие же богослужения можно совершать при помощи интернета? Наш опыт сейчас, во время пандемии коронавируса, показывает, что люди очень хорошо воспринимают трансляцию богослужения, которое мы совершаем в простых условиях, в домашней часовне. Многие свидетельствуют сейчас, что вечернюю и утреннюю молитву удастся не только читать онлайн, соблюдая некоторый чин, при этом удастся именно молиться вместе! Десятки тысяч людей, которые подключаются к нашей домашней молитве, — хорошее тому подтверждение. Люди говорят, что такая

молитва, особенно на живом современном языке, — а мы транслировали вечерни, утрени и изобразительные на русском, что особенно ценно для наших русскоязычных современников, — не только поддерживает их, она возрождает людей, радует их, приводит их к тому единству, которое существует, конечно, не просто благодаря интернету. Интернет позволяет его поддерживать и обновлять; оно же само раскрывается нашей духовной силой и с помощью Божией. Но еще раз подчеркну, и с помощью наших технических средств.

Таким образом могут совершаться все службы Часослова, а также какие-то требы и некоторые таинства, особенно личного или, в реальности современной церковной жизни, индивидуального характера. Я имею в виду в первую очередь исповедь. Понятно, что вступить в брак, повенчаться в интернете, наверное, сложно. Хотя кто знает: допустим, если кто-то сидит в тюрьме или пребывает в других тяжелейших обстоятельствах, то почему такому человеку не повенчаться и виртуально, особенно если поставить в скобки кольца и сами венцы (или доверить их самим брачующимся или их близким). Главное, чтобы была любовь между людьми и чтобы брак мог быть «законным» и «в Господе». Если это есть и церковь об этом может засвидетельствовать, есть, скажем, представитель церкви, который это свидетельство принесет и благословит этот брак в надежде на то, что и Господь примет союз людей в этом случае, — то почему бы и нет? Конечно, очень многое можно. Хотя это нужно было бы еще обсуждать, на это нужно было бы еще посмотреть по плодам, по результатам, по опыту, если таковой найдется.

Однако кроме Часослова, кроме вечерни, утрени, часов, изобразительных, — можно ли еще что-то совершать онлайн? Какие еще таинства, кроме исповеди, можно совершать в зуме или в скайпе? Я сейчас прежде всего думаю о «дополнительных» таинствах — тех, что лишь сопровождают основные церковные таинства, то есть таинства просвещения и евхаристии. И я думаю, что здесь тоже есть перспектива. Здесь мы тоже можем открыть что-то, что пока в нашем опыте отсутствует. Например, в таинствах поставления на служение церкви, которые никак не сводятся к обряду возложения рук. А при соборовании помазывать елеем больных могут и сами болящие или их близкие.

Подумаем теперь о двух главных таинствах церкви. Во-первых, может ли совершаться виртуально таинство просвещения, то есть крещения, в полном и широком смысле слова, включающем и катехизацию, и таинство покаяния, и водное крещение, и миропомазание? Конечно, нельзя виртуально помазать людей миром. Но ведь можно и на расстоянии помолиться, чтобы Господь послал Свою благодать человеку, который находится на большом расстоянии от тебя, чтобы таинство миропомазания совершилось как реальное сошествие Святого Духа на человека, который находится где-то на удалении от церковного собрания. Но все же можно ли совершать таинство просвещения на расстоянии? Это сложный вопрос. Даже катехизация требует личного присутствия, личного общения, не просто чтения книг или передачи информации, она требует какого-то свидетельства об изменении жизни, о процессе просвещения человека. Но и крещение этого требует, и миропомазание, а потом и таинство евхаристии, которое к тому же обязательно связано с церковным собранием. Поэтому я думаю, что таинство просвещения только в каких-то деталях, каких-то частях может совершаться с помощью интернета. В частности, на расстоянии, онлайн нам приходится оглашать людей, которых нет возможности оглашать в том месте, где они живут. Скажем, если хотят оглашаться люди, сейчас работающие и проживающие в Китае. Что делать — приходится нам соединяться с ними по интернету, и они целый год участвуют во встречах и слушают катехизические беседы в онлайн режиме. Правда, все-таки у нас есть правило, что хоть иногда, хотя бы раз в два месяца, надо встречаться лично, ведь все-таки катехизатор должен видеть человека. И вот, если есть возможность одно с другим сочетать, — то это прекрасный опыт катехизации, соединяющий виртуальную и реальную практику.

Для совершения других таинств из таинства просвещения есть другие средства. Я думаю, что неслучайно церковь много веков внимательно смотрела за практикой крещения. И вот она вдруг увидела, что возможно самокрещение. Католическая церковь это признала официально, Православная — лишь в некоторых практических случаях, хотя официальных суждений по этому вопросу не было. Хотя церковь уже открыто признала, что людей можно крестить не только водой, но и снегом, и песком. Были даже предположения, что человек

может быть крещен своими слезами. Это вопрос сложный, спорный, и он тоже требует дальнейшего обсуждения и осмысления. То же самое можно сказать и о таинстве миропомазания — и таким образом, о всем таинстве просвещения.

И все-таки остается вопрос с евхаристией. Да, я думаю, что по древней церковной традиции таинство причащения, если дома есть запасные Святые Дары, можно всем верным осуществлять самим, а таинство благодарения — евхаристию — совершать виртуально или самим, если дома нет реального священника или епископа, не следует, даже в чрезвычайных обстоятельствах. Тем более что если Христос захочет приобщить Себе человека, то Он приобщит его и без нашего таинства. Просто явившись ему в личном откровении, Он приобщит его Своим телу и крови, то есть Своему страданию, Своему спасению, но в каких-то совсем иных формах. А вот помочь человеку к этому прийти можно и виртуально. Но сам этот мистический, духовный акт виртуальным быть не может — он должен быть всегда только реальным. Это относится и ко всем другим таинствам.

Другой вопрос, что человек и вообще может «у людей причащаться, а у Бога остаться непричащенным», о чем говорил преподобный Серафим Саровский. А может быть и наоборот: человек может быть у Бога причащенным, а у людей не иметь возможности причащаться. Это так называемая тайна духовного причастия. Возможно ли это? Возможно. У меня есть этот опыт, когда так случилось в моей судьбе, что я несколько лет находился под запрещением в священнослужении в силу совершенно несправедливых и необоснованных решений церковной власти, которая исполняла то ли политический, то ли еще какой-то заказ и приняла такие решения, только чтобы кому-то понравиться, кого-то убажить. В результате я и еще двенадцать наших прихожан оказались на несколько лет отлучены от причастия. И тогда Господь открыл нам эту тайну и благодать духовного причастия! Мы совсем не думали, что это возможно. Мы просто каждое воскресенье стояли молились в храме, а нас не допускали до чаши. Это было грубым нарушением церковных правил, нарушением канонов, но это было — и длилось с 1997 до 2000 года.

Да, тогда мы читали те же молитвы, готовились, пребывали в храме так, как и всегда прежде, и не думали ни о каком ду-

ховном причастии. И вот вдруг к нам стали подходить люди, знакомые и незнакомые, и поздравлять нас с причастием: они, вероятно, видели в нас, на лицах ту же благодать, тот же свет общения со Христом в Духе Святом, свет приобщенности, причастности. Это совершалось из раза в раз, каждую неделю, и мы не могли не обратить на это внимание, а далее мы вынуждены были сами признать этот опыт, который ранее широко был распространен в Католической церкви, но, оказывается, существовал и в Православной. Наиболее известное свидетельство об этом есть в книжке преподобного Никодима Святогорца «Невидимая брань», где духовному причастию посвящена целая глава. Но это совсем не есть освящение своими силами Святых Даров, это не есть совершение таинства евхаристии по его обычному чину через интернет. Это все-таки другое. Это Господь вмешивался, чтобы исправить наши грехи, ошибки, недостатки нашей церковной жизни.

2. Думаю, что служба за закрытыми дверями неоправдана. Она может быть необходимой только технически — для того, чтобы ее кому-то транслировать. А просто совершать богослужение при закрытых дверях — это значит церковь есть и в то же время ее нет. Такого быть не должно, по моему глубокому убеждению. Уж лучше собираться дома, пусть в небольшом числе, и там совершать богослужение. Это должны уметь абсолютно все верующие люди, которые все-таки в наше время достаточно грамотны. Для этого только надо их чуть-чуть подучить, и не тогда, когда гром грянул, а заранее. Так же, как заранее надо раздавать верным Святые Дары, чтобы они могли совершать дома службу изобразительных и причащаться в конце этой службы, что и делалось в советские времена, что было и в недавней истории, и в древности, что совершается и сейчас. Каждый верующий должен иметь возможность вместе со своими домашними, если они верные и у них нет тяжелых, смертных грехов, совершать такую службу и причащаться. Желательно и очень хорошо, когда есть священник, епископ или другой священнослужитель, но если нет, то может быть самопричастие, как это нередко бывало в древности, особенно в монастырях. Только нужно научить людей благоговейному и правильному причащению,

и, если люди церковные, ответственные и знают, что такое причастие, имеют соответствующий опыт, это надо делать как можно шире. Этому нас научило время пандемии.

А вот совершать богослужения в храмах при закрытых царских вратах и тем более призывать людей во время пандемии в храм, подвергая их и священнослужителей смертельной опасности, мне кажется неоправданным. Жизнь каждого человека стоит очень дорого.

3. В моем случае это просто какой-то чудесный, абсолютно уникальный опыт: ничего не предвидя и совершенно не готовясь к этому, мы начали регулярно транслировать все богослужения в субботу вечером, в воскресенье утром и по большим праздникам на церковнорусском языке. Для этого, конечно, пришлось напрячься, пришлось сделать новые переводы многих молитвословий, которых не было на русском языке или переводы которых были уже крайне устаревшими и их невозможно было далее использовать в реальном богослужении. Да, по какой-то удивительной Божьей воле мы смогли организовать и, находясь на карантине, в полной самоизоляции, смогли делать переводы и совершать онлайн богослужения. И то, что к нам мгновенно присоединились десятки тысяч человек с разных континентов, более чем из тридцати стран, нас буквально поразило. Да и сама эта возможность не зависеть от места и времени, какая-то необыкновенная свобода — она тоже нас потрясла и меня лично вдохновляла и во время службы, и во время проповеди, и при любой форме общения. И когда получаешь через тот же интернет добрые отзывы, часто от людей совсем незнакомых, но которые тоже живут той же верой, теми же принципами, что и ты сам, — это просто пир веры, пир духа!

4. Отвечая на первый вопрос, я уже об этом сказал. Когда нет евхаристического собрания, невозможна и евхаристия. Но есть компенсаторные возможности, которые надо использовать. Они есть в традиции, и их надо вспомнить, к этому надо готовиться и готовить всех сознательно верующих дееспособных людей, для того чтобы они могли сохранять свою церковность даже тогда, когда храм должен быть закрыт, когда в нем нельзя совершать евхаристию — или по

требованию государства и медицинских служб, или по требованию нашей ответственности за жизнь других и свою. Так что с евхаристией все сложно. Некоторые пытались найти выход в том, чтобы совершать евхаристию онлайн — самому приготовить Святые Дары, поставить их перед экраном, и чтобы священник, читающий молитву, благословил их прямо через экран. На мой взгляд, это неправильное решение. Я не могу его поддержать и не думаю, что у него есть перспектива. А то, что у Бога есть другие возможности причастить Себе людей, — это я знаю точно.

Юстина Панина (Ренн, Франция), староста прихода св. Иоанна Кронштадтского и св. Нектария Эгинского, выпускница Свято-Сергиевского православного богословского института.

1. Что касается трансляций, то мое отношение к ним скорее негативное. Смотреть их как телепередачу мне неинтересно. Я знаю службы и при желании легко могу их составлять для совершения мирским чином. Искать прецеденты в Писании или Предании несколько смешно, так как во время формирования служб не было интернета. Но это само по себе не значит, что все новое априори невозможно. Такие службы кажутся мне суррогатом для немощных, но я могу согласиться с необходимостью трансляции «богослужений времени». Однако литургию в суррогат превращать никак нельзя. Молитвы, относящиеся к «богослужению времени», можно совершать и келейно, и в группе. Литургия же — общее дело. Можно ли назвать общим делом то, что некий священник служит и приобщается Даров в одиночку или со своей семьей? Никак нет. Иначе я могу так же организовать званый ужин с деликатесами по скайпу и претендовать, что я угостила моих голодных собеседников коктейлем и бутербродом, а их вопроса «почему же есть хочется» просто не замечать.

2. *Dura lex, sed lex* — не думаю, что нам нужно искать проблем с властями там, где можно потерпеть какое-то время. Относительно служб за закрытыми дверями надо задать вопрос: а для кого они служатся? Бог не умрет и не найдет громы

и молнии, если мы временно ради безопасности ближних не будем собираться. Наш Бог, наоборот, прервал круг священного жертвенного насилия Своей смертью и воскресением.

3. Мое отношение не изменилось, так как оно основывается на богословских убеждениях, а не эмоциях. Для меня лишь возник вопрос: за кого почитает Христа Церковь? За эльфийский колодец как источник молодости, бессмертия и магии? Да, я сама испытываю евхаристический голод, и оттого меня скорее раздражают онлайн-литургии, которые оставляют послевкусие какой-то насмешки (разумеется, не намеренной). Но также я понимаю опасность и неправильность позиции, при которой Христос обезличен и приравнен к эльфийскому колодцу.

4. Карантин — это один длинный день с перерывами на сон. Дни сливаются в один, теряется ощущение времени. Церковь могла бы воспользоваться этим застывшим временем в первую очередь для просвещения паствы. А для этого нужно подключать компетентных людей, которые рады делиться своими знаниями, а не приватизировать слово, ограничиваясь амвонными проповедями и краткими литургическими справками. Да, наше богослужение богато, но жизнь христианина не сводится к храмовому благочестию, и карантин нам это показал. Быть и остаться христианином в таких условиях — это дисциплина ума и сердца, ему подчиненного.

Протоиерей Майкл Плекон (США), клирик церкви св. Григория Богослова в Уоппингерз Фолз, штат Нью-Йорк, Православная церковь в Америке.

1. Авторы Писания и отцы последующих эпох не могли предвидеть богослужения онлайн. Мы находимся в чрезвычайной ситуации, когда из любви к нашим сестрам и братьям и ради их здоровья мы не можем быть с ними. Однако мы можем собираться, видеть их лица, молиться с ними, слушать чтение Писаний, короткие проповеди, а также, я полагаю, и причащаться. «Дух везде сый и вся исполняяй». Восходя к Отцу, Христос привлек всех к Себе (см. Ин 12: 32). Если

в концлагерях, лагерях для военнопленных и ГУЛАГе христиане всех конфессий, разделяя ломтик хлеба и немного воды, могли совершать евхаристию, то почему не можем мы — когда община, собравшись онлайн, слушает Слово и просит Дух сойти на хлеб и вино на нашем домашнем столе? Нет никакого «виртуального» причастия, но только причастие во Христе: как говорит Златоуст, Христос благословляет хлеб и чашу — голосом, руками и сердцем служащего литургию.

2. Это не идеально, но опять-таки в чрезвычайной ситуации службы, которые совершает в церкви без прихожан священник и чтец и которые транслируются по интернету или записываются, по крайней мере дают людям возможность молиться, слушать чтение Писания, при этом, из любви и ради безопасности ближнего, не присутствуя в церкви лично.

3. Эта кризисная ситуация напомнила мне, что мы можем молиться везде. Кроме того, она напомнила мне, что, хотя множество деталей византийской литургии — это чудесная связь с прошлым, можно пользоваться и более простыми формами. Мы чрезмерно привязаны к рубрикам.

4. Мы узнаём, что мы есть народ Божий везде и всюду. Мы узнаём также, что мы можем молиться везде и всюду. Во времена преследований в России и на Украине произошел возврат к «домашним церквям» первых веков христианства. Священники-миссионеры служили в палатках или в чьих-либо домах. Христос ходил в иерусалимский Храм и синагоги, но большинство Его братских трапез («хабура») происходило в домах Лазаря, Закхея, Симона прокаженного и т.д.

Юлия Балакшина (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Свято-Филаретовского православного христианского института.

1. Безусловно, в условиях пандемии богослужение, совершаемое онлайн, стало большой духовной помощью, реальным опытом собирания церкви. Нужно подчеркнуть, что

это возможно, когда в виртуальной реальности продолжает собираться реальное церковное собрание, люди, связанные узами общения, знающие друг друга, хранящие друг друга в живой сердечной памяти. Отдаленным аналогом может быть опыт монашеских общин, члены которых расходились в уединенные места для углубленной личной молитвы, собирались на общую евхаристию несколько раз в год, но не переставали молиться друг за друга, мысленно и молитвенно собираясь вместе перед Божиим престолом. Более близким по времени примером может быть жизнь общин в условиях гонений. Будучи разбросаны по ссылкам и лагерям, члены Александро-Невского братства или общины архим. Сергия (Савельева) неустанно писали друг другу письма, а также сохраняли одно и то же молитвенное правило, поминали всех членов общины на евхаристическом служении, в каких бы условиях оно ни совершалось. Я хорошо понимаю и ясно чувствую, что трансляция через интернет передает только образ происходящего, поэтому полагаю, что не стоит транслировать евхаристический канон, а также другие таинства, предполагающие подлинное, уникальное, личное общение людей друг с другом и с Господом, призывание Святого Духа на собрание. Те же богослужения или их части, где в центре оказывается слово Божие, вполне могут быть переданы при помощи интернет-ресурсов.

2. Резко отрицательно. В первую очередь потому, что многие из моих близких знакомых тяжело переболели коронавирусной инфекцией, а собрание прихожан в храмах с закрытыми или открытыми дверями становится безответственной провокацией заражения новых людей. Кроме того, полагаю, что не стоит расшатывать церковь изнутри, пренебрегая призывами патриарха.

3. Во-первых, в современной церкви необходимо обновление таинственного сознания, понимания того, что такое евхаристия, зачем она нужна, что является ее неотъемлемым основанием, а что может быть оставлено на время в связи с определенными обстоятельствами.

Во-вторых, нельзя утратить особое откровение Слова, которое было приобретено в эти месяцы. К Священному Писа-

нию мы заново припадали как к животворящему источнику. Хорошо бы конец самоизоляции стал началом возвращения евангельских оснований в практику церковной жизни.

В-третьих, процитирую, вслед за отцом Александром Шмеманом, Поля Клоделя: «Никто не знает себя, и в этом-то и заключается самый волнующий момент, что человек непредсказуем и что достаточно тех или иных обстоятельств, чтобы проявились те или иные способности, о которых никто не имел никакого понятия». Мы действительно узнали себя на неожиданной глубине. Думаю, не всё нас в самих себе порадовало. Но для христианина это очень хороший и полезный опыт.

4. Возможно собрание, в котором происходит общение и благодарение. Каждое воскресенье после участия в онлайн богослужении наше православное братство собиралось на «воскресник». Мы рассказывали друг другу о том, что порадовало, вдохновило, открылось, в чем удалось услышать Господа. Многие свидетельствовали, что ждали этой встречи всю неделю, что это стало импульсом, помогающим переносить болезнь и тяготы самоизоляции. Да и просто надо учиться жить вместе, учиться держать руку на пульсе не только своей жизни, но и жизни того, кто рядом, — в твоей церковной общине, на работе, в подъезде. Наверно, христиане могли бы подавать пример этой милосердной заботы о ближних и близких.

Дмитрий Строчев (Минск), поэт, книгоиздатель.

1. Трансляции богослужений в прямом эфире, телевизионные и в интернете, — не новость. Обычно это бывают праздничные службы в больших соборах, пасхальные трансляции из Храма Гроба Господня, и никогда возможность виртуального участия в таких богослужениях не ставилась под сомнение. Для большинства верующих это только дополнительная возможность переживания приобщенности к полноте Церкви. Но всегда были и будут существовать обстоятельства, препятствующие людям приходить в церковные собрания для прямого участия в совместной молитве и богослуже-

ниях. Болезнь, заключение, армейская служба, дальние путешествия, одинокая жизнь в инославной среде и др. В таких случаях значимость самой возможности, хоть и виртуальной, участия в богослужении предельно вырастает.

Литургия принципиально «телесна», но и тут традиция и история исповедничества во времена гонений подсказывают разные достойные решения. Можно участвовать в литургии виртуально, а в момент Евхаристии причаститься запасными Дарами. Митрополит Антоний Сурожский вообще ставил вопрос о возможности причащения ранее употребленных Тела и Крови Господних — на опыте крайней нужды верующих узников ГУЛАГа. Владыка говорил: «Господь Свои дары никогда не отнимает».

2. В Беларуси официальный карантин не вводился, церковное руководство только рекомендовало воздерживаться от открытых служб, но при этом нимало не уменьшило «налоговое» бремя для приходов и монастырей. Такие обстоятельства побуждали настоятелей не закрывать храмы, не ограничивать посещение богослужений и всячески оправдывать свое поведение сугубой неприступностью храмового пространства для коронавируса. Более того, когда накануне Пасхи оказалось, что многие священники, монашествующие, алтарники и певчие заражены, это тщательно скрывалось или отрицалось, чтобы не отпугнуть прихожан и собрать как можно больше людей за праздничным богослужением.

Мне представляется, что каждому настоятелю Господь говорил прямо в сердце: «Не человек для литургии, а литургия для человека. Не хочу от вас жертвы — пожалейте людей», — но не был услышан.

Православные привыкли к закрытым царским вратам во время службы и, возможно, готовы воспринимать службу за закрытыми дверями как развитие темы.

3. После долгой самоизоляции и болезни я попал на Троицу в маленький сельский храм под Минском, где даже нет алтарной преграды. Я там неоднократно бывал прежде. Меня очень тронула собранность и легкость службы, которую совершали с максимальным соблюдением санитарных норм. Служба праздничная, долгая, с чтением коленопреклоненных

молитв; люди в масках, отдельные действия совершаются в перчатках. Остались чувства восхищенной радости и благодарности.

Не какая-то особая изощренность и преизбыточность чинопоследования делает литургию красивой и богоугодной, а внимательность и открытость к человеку.

4. Большие неудобства в связи с эпидемией и вызванными ею ограничениями испытали на себе сообщества, для которых церковная соборность проявляется исключительно в храмовой литургии. Невозможность прийти на службу в церковь переживалась в таких приходах как утрата всей церковной жизни, а санитарные ограничительные меры получали конспирологическую трактовку, понимались как новые гонения на христиан.

Те же общины, где прежде эпидемии были развиты горизонтальные отношения, где люди были связаны дружбой и общими делами за стенами храма, переживали самоизоляцию или карантин как творческую задачу по расширению возможностей для сотрудничества и взаимопомощи, по открытию новых форм соборной молитвы, по узнаванию себя и церкви в пространстве внехрамовой литургии.

Архимандрит Савва (Мажуко) (Гомель), священник Белорусской православной церкви, насельник Никольского монастыря в Гомеле, писатель.

1. Мы можем по-разному относиться к богослужению онлайн, но такой опыт у Церкви уже есть, и это факт, от которого нельзя отмахнуться. Многие общины ответили на карантин организацией церковных служб через интернет, и этот опыт нам еще предстоит внимательно изучить. Не берусь утверждать, что такое богослужение имеет исключительно положительные стороны. Например, мне это не близко. Даже трансляция литургии по телевидению для меня все еще проблема, но проблема плодотворная: эти практики ставят новые богословские вопросы, которые, безусловно, станут стимулом для споров и исследований среди теологов, а потом и определенных выводов в области канонического

права и устава богослужения, а это именно то, в чем Русская церковь давно нуждается. Дискуссии на эту тему были и раньше, правда, шли они стыдливо и вполголоса, но эпидемия как бы легализовала их, и сейчас очень важно, чтобы церковная общественность не упустила этот крайне полезный богословский импульс. Вопросов в сфере богослужения накопилось за последние века слишком много, и это прекрасный повод, чтобы заговорить о них открыто и на самом высоком уровне.

2. Я живу в Белоруссии, у нас не было карантина. Хорошо это или плохо — судить не берусь. Я не медик, не эпидемиолог, единственное, что мне остается как простому гражданину, — доверять профессионалам. Если властями было принято решение ввести карантин или не вводить карантин — значит, на то были свои причины. Сколько бы статей по конспирологии я ни прочитал, из них никак не сложить цельную картину реальности. Управление государством, организация здравоохранения, развитие экономики и многое другое — сферы настолько сложные, что даже опытные специалисты могут обладать знаниями и компетенцией лишь в какой-то узкой сфере, не более. И мне, как рядовому священнику, приходится доверять решениям властей и требованиям медицины. Если хотите, пандемия стала для духовенства уроком смирения. Простой народ так крепко убежден, что у батюшек есть ответ на все вопросы, что однажды и сами батюшки в это поверили. Вообще, нынешняя эпидемия хороша уже тем, что она здорово ударила по самолюбию священников и церковных иерархов, показала, кто как ведет себя в кризисной ситуации, кто чего стоит, что мы из себя представляем, каков подлинный вес наш в обществе, на что мы по-настоящему можем влиять, и совсем просто — сколько нас? Оказалось, что мы живем не в православной стране, а в светском государстве, и нас очень мало, мы — исчезающее меньшинство христиан в большой безбожной стране. Люди ждут от нас не блистательных речей о религиозном триумфе, а тихого слова евангельского, они тоскуют по Евангелию, пока мы занимаемся более «полезными» темами: геополитикой, подыгрыванием государству, выдавая себя за идеологию, «духовную скрепу», «цивилизационный код». Очень надеюсь, что эпидемия отрезвила наших иерархов, помогла вспомнить, что главный

церковный интерес, главный приоритет церковной жизни — Евангелие! Вот ради чего наше служение, вот куда надо инвестировать и силы, и средства, и внимание.

3. И синодальный период, и советская эпоха приучили нас к мысли, что богослужение — прерогатива касты священников. Топография современного храма и сам ритм церковной службы подтверждают и усиливают эту установку. Там, за иконостасом, происходит нечто настоящее и стоящее, и этим важным делом занимаются и могут заниматься лишь батюшки, а удел мирян — стоять тихонечко, не рассчитывая на понимание и участие, и смиренно ждать, пока из алтаря что-нибудь вынесут или чем-нибудь помажут. Настоящая церковь — там, за иконостасом, отгорожена и защищена от посягательств непосвященных, а здесь — словно зал ожидания. Храм превратился в сплошной притвор — место для внешних и кающихся, в котором не царственное священство и народ святой, а невежды и посторонние. Уже в начале XX века русские богословы указывали на все уродство этого положения и призывали вспомнить, что богослужение — это дело общины. Эти призывы принимались консерваторами в штыки, не только из идеологических соображений, но и экономических, потому что гораздо проще мыслить и «практиковать» церковь как «пункт оказания религиозных услуг населению». Дискуссии велись десятилетиями, но именно сейчас, как мне кажется, даже охранители начали понимать не только богословскую, но и экономическую ущербность этой стратегии. В Русской церкви в период пандемии заговорили о том, что священникам нечем платить зарплату, нет треб, службы остановились. Это стало настоящим испытанием для приходов; но те общины, где миряне были не просто безликими и безымянными потребителями религиозных услуг, а активными участниками приходской жизни, — выстояли, быстро сориентировались, перенесли общение, в том числе и богослужбное, в интернет, не переставая помогать друг другу, утешая и словом, и молитвой. Богослужение — дело всей общины, а одинаковых общин не существует, у каждой своя уникальная «тональность»; значит, и богослужбных практик может быть множество, многообразие уставов церковной службы — это нормально, Устав — не догматическая величина. И самое удивительное, что благодаря пандемии это начали

понимать даже самые консервативные архиереи, по крайней мере, заговорили на эти темы, а это дает надежду на литургическое возрождение в Русской церкви.

4. В предвоенные годы Советская Белоруссия была объявлена «полигоном атеизма», то есть стала самой передовой республикой по борьбе с «религиозным дурманом». Моя прабабушка пела в церковном хоре в нашем родном Гомеле и жить не могла без церкви. Но она, как и многие другие христиане, почти на десять лет была отлучена от богослужения, потому что на территории восточной Белоруссии к 1939 году не осталось ни одного действующего храма. Из 2020 года мы сокрушаемся, что вынуждены смотреть пасхальную службу через интернет, а современникам моей прабабушки пришлось пропустить в своей жизни не одну Пасху, допуская мысль, что пасхальной литургии больше не будет никогда. Послушала бы моя дорогая прабабушка стенания о том, что нас принудили несколько месяцев остаться без храма и довольствоваться молитвой по телевидению или интернету! У нас сегодня так много возможностей, что это даже развращает, мы перестаем ценить то, что имеем. Надо быть скромнее и не торопиться жаловаться при всяком неудобстве. Как ни странно, история с коронавирусом неожиданно актуализировала опыт новомучеников и исповедников церкви Русской. Три десятилетия мы прославляли их подвиг, не зная, где его можно применить, кроме парадных речей на праздниках и конференциях. Мне посчастливилось общаться с теми людьми, которые в годы советской власти шли на службу, преодолевая десятки и сотни километров, как они ценили богослужение и участие в таинствах, на какие риски шли, чтобы просто постоять в храме! Заметим: это были испытания, растянувшиеся не на месяцы, — десятилетия! Но эти христиане не роптали, а, наоборот, благодарили Бога за трудности и редкие случаи помолиться вместе, побывать на церковной службе или поговорить с духовником. И тут у нас, благополучных христиан XXI века, случился карантин, и Небо замерло в растерянности, потому что давно уже не слыхало такого густого ропота и обиды со стороны верующих. Мы так привыкли к церковному покою и изобилию, что совсем разучились ценить Божии дары. Отсюда и главный урок пандемии: надо быть скромнее и научиться благодарить!

Виктор Александров (Будапешт), историк, богослов.

1. Говоря очень кратко, я считаю, что богослужение онлайн не нужно. Если же говорить подробнее, то тут есть нюансы в зависимости от того, какая именно это служба. Самое главное, я считаю просто невозможной онлайн-литургию. И далее я сосредоточусь именно на этой части вопроса, как самой главной.

Формально онлайн-литургия, конечно, возможна, но сохраняет ли такая литургия свое главное содержание? По своей сути, в своих основах, та ли это литургия, которую совершала Церковь с момента своего возникновения?

В онлайн-литургии утрачивается самая сердцевина, центральная часть традиционной литургии. Сердцевину же современной литургии по-прежнему составляет таинственная трапеза по образцу и как продолжение Тайной Вечери Христа с Его учениками — евхаристический канон и причастие. Тайная Вечеря была трапезой, разделенной Господом и Его учениками *вместе и в одном месте*. Это была их дружеская вечеря любви. Современные чины литургий обставляют и прикрывают эту сердцевину литургии множеством ритуальных и эстетических деталей, но не скрывают ее полностью, и многие верующие, хотя, может быть, не осознают ее разумом, чувствуют ее интуитивно. С самого момента возникновения Церкви, в первые века существования христианства, на евхаристии присутствовала *вся* местная церковь, за исключением больных и путешествующих. Такою местной церковью для нас сейчас является приход (конечно, я не могу здесь входить в детали эклезиологического статуса прихода). Литургия *со-служится вместе всеми присутствующими*, всю церковь, — в нашем случае всеми присутствующими прихожанами, не только клиром. Эстетические элементы, обрамляющие ныне — возможно, слишком изобильно — Трапезу Господню, призваны создать атмосферу внутренней торжественности. Нынешняя литургия — это своеобразный синтез искусств, в котором задействованы все органы чувств.

В онлайн-литургии утрачивается элемент совместной таинственной трапезы, хотя бы и в том ее ритуализованном виде, в каком она сохранена современными чинами литургии. «Участники» онлайн-литургии не становятся причастниками и наблюдают на экране, как священник причащается со своими домочадцами. Трапеза Господня перестает быть собранием

всех членов церкви *в одном месте*. Вместо этого она становится собранием индивидуумов, объединенных виртуальным пространством у экрана. Даже если у экранов собрался весь приход, то он не собрался в подлинном смысле этого слова. В онлайн-литургии мы пытаемся собрать разобщенных людей посредством экрана и звука, но тщетно, так как мы можем собрать их только приобщением Тела и Крови. И в обычной приходской литургии присутствующие часто низведены почти до роли зрителей. Наблюдение же за служением священника на экране делает эту роль естественной, как бы узаконивает ее.

В сказанном мною выше относительно онлайн-литургии состоит и противоречие ее Писанию: трапеза, лежащая в основе современной литургии, ясно выступает, во-первых, из описаний Вечери Христа, которая была прообразом литургии Церкви, а во-вторых, из тех указаний на «собрания в церковь», что мы находим в Деяниях апостолов (например, Деян 2: 42 и особенно 20: 7–12) и Первом послании к Коринфянам ап. Павла (1 Кор 11: 23–34).

Утрачивается в онлайн-литургии и изрядная доля того «синтеза искусств», частью которого участники литургии становятся, присутствуя на ней лично. Но это, впрочем, момент второстепенный.

Я отдаю себе отчет, что онлайн-литургия служит с лучшими намерениями, полным благоговением, и служащие считают ее нужной, а также в том, что некоторые верующие, привыкшие к литургическому ритму церкви, извлекают из нее пользу для себя. Тем не менее, чтобы не профанировать литургию, лучше просто воздержаться от ее служения во время эпидемии, подобной нынешней, и аналогичных кризисов, ведь речь идет о сравнительно небольших промежутках времени. Интернет — дар Божий нам. Его можно использовать для общения с теми прихожанами, которые в таком общении нуждаются, и с его помощью смягчать отсутствие литургии для тех, кто страдает от такого отсутствия (от них же первый есмь аз). Литургию можно заменить короткой совместной молитвой, проповедью и беседой.

Современные технические средства создали возможность транслировать литургию онлайн или по телевидению (разница между этими явлениями не столь велика). Но «богословская» предпосылка таких трансляций в православии (полагаю,

и в католичестве) — твердо укоренившееся и преобладающее восприятие местного проявления церкви как *храма* и забвение о церкви как *собрании*, как теле Христовом, состоящем из многих членов и *реально* собирающемся вместе. Жрец может и один приносить жертву в храме, народ ему для этого не нужен. Народ в лучшем случае сопереживает жрецу, наблюдая за его действиями, а такое переживание, как выяснилось в период эпидемии, возможно, хотя и в ослабленном виде, и через экран. Но предстоятель собравшихся в церковь — Тела Христова, состоящего из многих членов, — каким бы благородным членом Тела он ни был сам, не может служить один без других членов, которые ему сослужат. Мне кажется, что те прихожане, у которых преобладает понимание церкви как храма и для которых причастие — это факультативный элемент литургии, относятся к богослужению онлайн благожелательнее, чем те, которые хотя бы отчасти осознают измерение церкви как собрания, с его *общей* трапезой — причастием. Вторая категория ощущает глубокую неспособность онлайн литургии быть литургией в подлинном смысле этого слова.

На мой взгляд, менее тривиальный, более творческий и пастырски более сильный шаг — не служить литургию дома или в закрытой церкви и транслировать богослужение онлайн, но через интернет организовать краткую совместную молитву с прихожанами или пообщаться с ними.

Я также отдаю себе отчет, что в истории Церкви было немало «ненормативных» литургий (служившихся, например, в одиночестве, тайно, в узком кругу), но меня здесь занимает церковная норма. Отсылки к эпохам гонений не кажутся мне уместными, поскольку нынешний кризис, который мы все-таки комфортно переживаем дома или на даче, не идет ни в какое сравнение с теми жестокими для христианства временами.

Что касается богослужения времени, то я отношусь к его совершению онлайн спокойней, потому что оно не содержит трапезы в качестве своего центрального элемента, а значит, необходимость личного присутствия на нем не столь критическая. Но входить в более детальное обсуждение этого вопроса я не могу, так как, во-первых, и без того сказал уже много, а во-вторых, я не компетентен в богослужении времени и потому лучше оставляю рассуждения о возможности совершать его онлайн богослову-литургисту.

2. Призывы служить в эпидемию несмотря на запреты мне кажутся отсутствием заботы о здоровье ближних, а значит, и любви к ним. Чаще всего они объясняются безответственным фундаменталистским популизмом (впрочем, причины могут быть и другими). Служение за закрытыми дверями я тоже считаю ненужным, в основном по тем же самым причинам, что и служение онлайн. Зачем служить без народа и можно ли это вообще делать, если литургия есть служение местной церкви в данном месте и *сослужится всеми прихожанами*? Кому и что церковь хочет продемонстрировать, служа без народа за закрытыми дверями? Впрочем, это странное, с моей точки зрения, распоряжение, по-видимому, объясняется все тем же восприятием церкви как храмовой точки, а клира как оплачиваемых храмовых работников: храмовая точка должна работать, пока технически это возможно, а клирик должен служить, раз уж зарплату за это получает.

3. Я стал больше ценить литургию, так как никогда, на моей памяти, не сталкивался с ситуацией, когда в ней нельзя было участвовать.

4. Церковь может проявлять себя через внимание ее членов друг к другу, их общение и, если нужно и возможно, помощь. Литургию вполне возможно заменить краткой совместной молитвой со своим приходом, которая даст прихожанам чувство причастности к церкви и ощущение сохраняющегося литургического ритма. Клирики и прихожане-активисты могут организовать беседы со своими со-прихожанами (некоторые, я знаю, организовывали во время карантина просветительские лекции для своих приходов). Наконец, с теми, кто особенно страдает от отсутствия служб, пребывания взаперти и одиночества, можно просто пообщаться онлайн лично. Все это будет достаточной заменой богослужению онлайн на время эпидемии.

Эпидемия преподала нам всем урок хрупкости бытия, показав, что человек предполагает, а Господь располагает и что всем нам следует больше ценить и беречь то Божие творение, в котором мы живем и которым пользуемся как невероятным даром.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Две статьи матери Марии (Скобцовой) о монашестве и аскетизме

Мы публикуем впервые две небольшие статьи матери Марии (Скобцовой), которые войдут в готовящийся к выходу в издательстве «Русский путь» третий том ее Собрания сочинений «Путь» в раздел «О монашестве и аскетизме». Первый текст, «Страсть к самоанализу», представляет собой, по всей видимости, незаконченный набросок статьи с размышлениями на тему, волновавшую мать Марию в первые годы после принятия монашеского пострига: о смысле аскетики, о соотношении любви к миру и ближним и заботы о спасении собственной души. Второй текст, «Современные задачи аскетизма», представляет собой предисловие к задуманной матерью Марией и так и не опубликованной при жизни книге об аскетике и формулирует общий замысел этой книги, постановку проблемы, данную на фоне авторских размышлений о темном двойнике подлинного аскетизма — «железной» аскетике коммунистов, творцов Октябрьской революции и послереволюционного террора. В рукописи далее следует статья, опубликованная в двухтомнике матери Марии под названием «Аскетизм» (Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 163–188). Оба текста не датированы, публикуются впервые по рукописным автографам,

хранящимся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture; Mother Maria papers, Box 1).

Наталья Ликвинцева

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

Страсть к самоанализу

Есть у людей, и особенно у русских людей, особое непреодолимое свойство: страсть к самоанализу, к копанию в своей душе, к оглядке на себя. Каждое дело, каждая мысль предваряется бесконечными рассуждениями, почему оно нужно, да нужно ли, почему возникло и т.д. Причем этой болезнью больны не только те, кто склонны к самолюбованию и кто наслаждается каждым своим жестом, преувеличивая его значение. Ею больны в большей даже степени люди скромные и не верящие в свои силы. Зачастую людям даже не удастся ничего в жизни осуществить именно потому, что каждое их усилие сопровождается бесконечными оглядками, должно быть оправдано и объяснено. Такое явление мы встречаем в жизни нормальных людей. Анализ ведет к исключительному интересу к собственной личности. Утверждается крайний эгоцентризм. И эгоцентризм этот может быть двух типов: оптимистический эгоцентризм самовлюбленного человека и пессимистический эгоцентризм человека, не верящего в свои силы. Если первый эгоцентризм не возбуждает сомнений в смысле его оценки и внушает всем даже отвращение, то второй зачастую вызывает симпатию и сочувствие: вот, мол, до чего человек смиренен и скромен, — ни одному своему шагу не верит, все подвергает беспощадной критике и проверке. Интересно подойти к обоим этим явлениям с христианской точки зрения. Если оптимистический самовлюбленный эгоцентризм не может быть христиански оправдан никаким образом, — и о нем даже говорить не стоит, — то пессимистический эгоцентризм

находится в гораздо более сложном положении по отношению к христианской морали; более того, можно сказать, что для многих он является неким самым существенным выразителем христианства.

В крайних своих выражениях и тот и другой эгоцентризм упирается в подлинное, медицински точно определяемое безумие. С одной стороны он ведет к мании величия, с другой к подавленности, тоске, унынию, болезни воли — но всегда противоположению себя миру и людям, даже не противоположению, а к полному выпадению из сознания мира и людей. Человек оказывается замкнутым в себе, пребывающим в своем собственном нереальном, вымышленном и — блаженном или мучительном мире, из которого никакими силами не может выйти на простор.

В самом деле, представим себе такой человеческий путь: человек подавлен своим бессилием, человек точно и внимательно изучил все свои грехи, все срывы и падения, человек видит ничтожество своей души и все время обличает злодеев и скептиков, заводящихся в ней. И человек кается в своих грехах, но покаяние не освобождает его от мысли о своем ничтожестве, в нем он не преображается и вновь и вновь возвращается к единственно для него интересному и дорогому зрелищу — зрелищу собственного ничтожества и собственной греховности. Не только космос или человеческая история, но и судьба отдельного человека, его страдания, его падения, его радости и мечты — все бледнеет и исчезает в свете моей гибели, моего греха. Весь мир окрашивается заревом пожара моей души, — более того, весь мир как бы сгорает в пожаре моей души. А своеобразно понимаемое христианство в это время диктует самый углубленный анализ себя, борьбу со своими страстями, молитву о спасении гибнущей своей души. К Творцу вселенной, к Мiroдержцу, к Искупителю всего человеческого рода у такого человека может быть только одна молитва — о себе, о своем спасении, о своем помиловании. Иногда это молитва о действительно последних и страшных дарах. Иногда Творец вселенной должен исполнить мое молитвенное прошение не о большом — я прошу у Него только «мирен сон и безмятежен»¹. На этом христианском пути человек может достигнуть огромной силы. Мы можем встретить великих аскетов, ограничивших себя во всем,

все направивших на спасение своей души, на борьбу с грехом в ней, мы можем встретить образы огромной мощи и обаятельности. В самом деле, разве не обаятельна такая полная отдача себя на борьбу с собственным грехом, на вечный анализ своих темных помыслов? И разве можно с такого человека спрашивать еще что-либо? Немудрено, если в своей подвижнической борьбе он не заметит мира, не заметит человеческого страдания, если не только не заметит, а сурово скажет и миру, и человеку — отойдите от меня, не мешайте мне бороться с моим грехом. Разве можно спрашивать с такого подвижника любви, раз он занят величайшим делом — делом спасения своей собственной души. В великой истине — что душа человеческая стоит мира — он делает только маленькую поправку: *моя* душа стоит мира. Но по всем законам логики эта поправка вполне допустима, раз я человек, а дело идет именно о человеческой душе. И если у вас есть еще какое-либо сомнение в правильности этого пути, то на помощь вам может прийти огромная сила в виде многовековой традиции христианской аскетической литературы. Вы прочтете в ней, как люди бегали от мира с его страданиями, чтобы он не мешал спасать собственную душу, вы получите точные наставления, почти магически верные и непобедимые, как сосредоточить все мысли на себе и на своем ничтожестве, как поднять к Богу только одну неуклонную и непрестанную молитву, тысячи и тысячи раз произносимую, — «помилуй мя». Аскетическая литература введет вас в тягчайшее и величайшее искусство умного делания, даст вам школу такого делания, научит даже таким подробностям, как вы должны дышать и сидеть, чтобы молитва о спасении вашей души была наиболее действительна, чтобы никто из внешнего мира не помешал вашему совершенству. Если же потом, укрепившись и приобретя силу, вы и вернетесь в мир и будете в нем осуществлять себя, то основное, что вы не должны забывать, это то, что все мирское делание — только поделка, только упражнение ваших добродетелей, а главное остается единственным: это спасение собственной души.

Современные задачи аскетизма

Быть может, нет ни одной темы, в которой пишущему надо было бы так оправдываться, как любая тема, связанная с вопросами аскетики. В самом деле, не имеет ли право читатель требовать, чтобы писатель обращался к нему, говоря всегда по личному опыту, пройдя сам тот путь, который старается раскрыть перед читателем? Не сомневаюсь в законности такого читательского требования и в то же время не сомневаюсь в том, что не могу удовлетворить его.

В этой книжке нельзя найти опытного исследования аскетического пути, до известной степени она написана не изнутри темы, а извне. Более того, если у читателя будет стремление и жажда осмыслить и осознать для себя аскетический путь в современных условиях жизни, — то он целиком и без остатка окажется в том же положении, в каком нахожусь я, приступая к писанию этой книжки.

Иными словами, я заранее признаюсь: эта книжка не ответ на то, каким должен быть и должен ли вообще быть современный аскетизм. Она — вопрос к жизни, ко всем сложным условиям ее, она — вопрос, обращенный не только к другим людям, но и к самой себе. Как будто бы вместо того, чтобы оправдать свою задачу, я окончательно открыла свою беспомощность в ней, совершенно обесмыслила ее. Да, но и оправдывать ее я не хотела там, где не чувствую для этого сил. Оправдание должно лежать в данном случае не в личности автора, а в исключительной исторической злободневности темы, когда и «камни вопиют» о ней.

Я утверждаю, что, несмотря на все оговорки, по существу бывают такие условия жизни, когда не только можно, но и должно брать на себя ответственность за темы, подход к которым изнутри недоступен. И такие условия сейчас налицо. Страшный наш русский опыт у всех перед глазами.

Не касаясь по существу его оценки и смысла, я только выскажу мое твердое убеждение в том, какой метод доставил победу русским коммунистам.

Метод этот — железная внутренняя собранность кадров старой гвардии коммунизма, абсолютное самоотречение во имя своей веры, своей идеи, строгая аскетическая жизнь

революционного подполья, тренировка всех сил души для одной определенной работы. Нужно было годами выносить тюрьмы, изгнание, нужду, нужно было годами жить по чердакам и подвалам Европы, ни на что по существу не надеясь в своей личной жизни, ибо «социальная революция» — когда она придет? Через пятьдесят лет или через триста? Нужна была невероятная волевая и интеллектуальная собранность Ленина и его ближайших помощников, чтобы в известный момент они оказались у власти и могли осуществлять реальное дело своей жизни.

Темный аскетизм коммунистов — может быть, единственный существующий наглядно в современности и в ближайшем прошлом — вот что является нашим непосредственным опытом, вот что мы не только ощутили, но и изучили, с чем имеем дело больше десяти лет. Наша жизнь исковеркана под пятой темного аскетизма Ленина. Исторический лик России искажен рукою аскетического фанатика от коммунизма Феликса Дзержинского. Более того, если сейчас, сильно изнеживаясь и разметаясь, большевизм продолжает существовать в России, то несомненная причина этого лежит в том, что какой-то основной становой хребет коммунистической партии продолжает самоотреченно и аскетически осуществлять свое изуверство. Мы знаем о солдатской шинели Сталина — всероссийского самодержца. Быть может, что у него ничего и за душой нет, кроме этой солдатской шинели. И чем это вероятнее, тем нагляднее жизненное всеисилие всякой самоотреченности. Шинелью Сталина покрыты и охранены коммунисты, утратившие свой первоначальный аскетизм. Чердачность и шинельность — вот что является главной мышцей русского коммунизма. Вот на него мы смотрим года, и чем заворожены, и чему ничего противопоставить не можем.

Итак, аскетизм, в безбожном своем проявлении, является самой наглядной непосредственностью, феноменом, легко поддающимся исключительному восприятию.

Эта тема нам задана, и уклониться от нее мы не можем, потому что она раскрылась нам как реальный метод действия, как основной фон русского опыта. И не надо брать на себя непосильных обязанностей, не надо во что бы то ни стало иметь личный аскетический опыт — чтобы видеть происходящее, чтобы давать ему наименование и чтобы пытаться

противопоставить ему нечто другое, не менее сильное и не менее действенное.

В этом — абсолютное оправдание всякого, кто берется в наши дни писать об аскетизме. И на это объективное и наглядное основание позволяю себе сослаться и я, приступая к изложению современных задач аскетизма.

Но тут необходима еще одна оговорка.

Само собою разумеется, что было бы совершенно недопустимо подходить к аскетизму только как к методу, обеспечивающему успех тех или иных жизненных задач. Недопустимо, например, сделать из нашего опыта такой вывод: если желаешь преуспеть в жизни — разбогатеть, добиться славы и т.д., — то отказывай себе во всем, копи все, что получаешь, на приобретение некоторой духовной ренты.

Отвлеченная духовная ценность аскетического пути вся целиком определяется целью, к которой он направлен. Она дает ему известную тональность, она делает его светлым и просветляющим или темным и омрачающим дух. Но как метод — он, может быть, вообще единственный беспорочный и правильный метод в жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ...*Мирен сон и безмятежен*. — Цитата из Молитв на сон грядущим: «Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко благ и человеколюбец, прости ми. Мирен сон и безмятежен даруй ми. Ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя от всякаго зла, яко Ты еси хранитель душам и телесем нашим, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

*Публикация Татьяны Викторовой и Натальи Ликвинцевой;
предисловие, подготовка текста и примечания
Натальи Ликвинцевой*

К 150-летию со дня рождения И.А. Бунина и П.Б. Струве

И.А. Бунин (1870, Воронеж — 1953, Париж) и П.Б. Струве (1870, Пермь — 1944, Париж), два юбиляра этого года, были связаны многолетней дружбой и сотрудничеством. Оно начинается в 1920 году в Париже и продолжается главным образом в рамках совместной работы в «Возрождении»: в 1925 году П.Б. Струве, основатель и главный редактор газеты, приглашает И.А. Бунина в качестве заведующего ее литературной частью.

С первых номеров «Возрождение» начинает публикацию «Окаянных дней» и других произведений И.А. Бунина. Его имя сопровождает Петра Бернгардовича в размышлениях о «засорении, очищении и обогащении русского языка»*. Иван Алексеевич со своей стороны называет первую годовщину «Возрождения» «нашим общим праздником». Следующий год — произвольного увольнения Петра Бернгардовича — становится годом разрыва с «Возрождением», из солидарности, и для Бунина**.

На присуждение Бунину Нобелевской премии Петр Бернгардович откликнулся речью*** и личным поздравлением****. В 1937 году они встречаются

* Название статьи П.Б. Струве, посвященной И.А. Бунину, опубликованной в: *Возрождение*. 1926. 20 мая. № 352. С. 3–4. Публикуется далее на с. 107 по автографу: РАЛ. MS. 1066/5346.

** Подробнее см.: *Струве Н.А. Bounine revisité*. История одной дружбы // *Cahiers de l'émigration russe*. 1997. № 4. Paris: Institut d'études slaves. P. 126.

*** *Струве П.Б.* Речь, произнесенная в Белграде 20 ноября и оглашенная в Париже на чествовании И.А. Бунина 29 ноября 1933 г. Впервые: *Россия и славянство*. 1933, 1 дек. № 227. С. 2, 5–6.

**** См. публикуемые ниже материалы.

в Югославии; в военные годы общение продолжается главным образом в ходе переписки* между Парижем, куда переехал П.Б. Струве, и Грассом, основным местом жительства Бунина.

Публикуемые ниже материалы** позволяют восстановить этапы этого сотрудничества, которому осенью текущего года будет посвящена выставка в парижском франко-русском культурном центре им. А.И. Солженицына (11, rue de la Montagne Sainte G  nevi  ve).

Материалы публикуются с разрешения Special Collections, Leeds University Library. Редакция выражает глубокую благодарность Ричарду Дэвису, куратору Русского архива в Лидсе (Великобритания).

Татьяна Викторовна

Ответы И.А. Бунина на анкету газеты «Возрождение»***

Париж, декабря 19, 1925 года.

Милостивый государь!

Предполагая познакомить русского зарубежного читателя с основными сведениями о творчестве писателей, проживающих на чужбине, редакция газеты «Возрождение» просит Вас не отказать в любезности заполнить предлагаемый бланк анкеты. За исполнение настоящей просьбы редакция заранее приносит Вам свою сердечную благодарность.

Анкета должна быть возвращена не позже 29 декабря нов. ст. настоящего года.

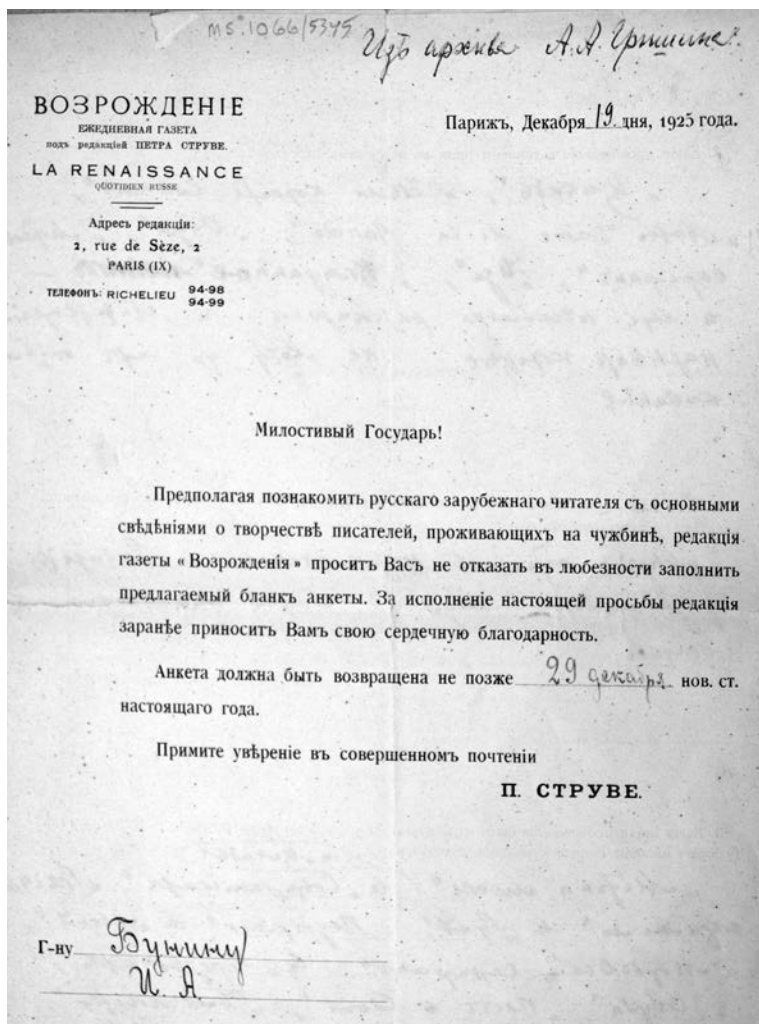
Примите уверение в совершенном почтении.

П. Струве

* См.: Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки русской академической группы в США: Из истории русской зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1968. С. 61 и далее.

** Публикуется по автографам: РАЛ. MS. 1066/5345.

*** Текст И.А. Бунина   The Ivan Bunin Estate (University of Leeds, Great Britain), 2020.

*Ответы И.А. Бунина на анкету газеты «Возрождение». 1925 г.
Русский архив в Лидсе (Великобритания)*

Г-ну И.А. Бунину.

1. Какие произведения закончены Вами в истекшем 1925 году?

Ответ И.А. Бунина: «Цикады», «Дело корнета Елагина», «Notre Dame de la Garde», «Обуза», «Мордовский сарафан»,

«Ида», «Нежданное» <зачеркн.> — и еще несколько рассказов и стихотворений, называть которые не хочу до их опубликования.

2. Какие Ваши произведения остались незаконченными на 1926 год и над чем предполагаете работать в предстоящем году?

Ответ И.А. Бунина: Многие остались незаконченными. Работать предполагаю над одной большой вещью.

3. Какие Ваши произведения были напечатаны в русской зарубежной печати в 1925 году и где? (укажите название газет, журналов и отдельн. изд.)

Ответ И.А. Бунина: «Митина любовь» и «Цикады» в «Современных записках»; «Вечные скрижали» в «Руле», «Подторжье» в «Звене», «Мордовский сарафан» в «Перезвонах», «Обуза», «Плач о Сионе», «Благовестие», «Notre Dame de la Garde» и «Окаянные дни» — в «Возрождении».

Отдельной книгой выпустил «Митину любовь» и другие произведения 1924 года.

4. Какие из Ваших произведений были переведены на иностранные языки и на какие?

Ответ И.А. Бунина: «Митина любовь» и несколько рассказов на французский, немецкий, чешский и итальянский языки. Вышел том рассказов на шведском языке.

5. Не были ли без Вашего разрешения напечатаны, или изданы Ваши произведения в Советской России и какие?

Ответ И.А. Бунина: Не имею сведений.

6. Какие произведения русской зарубежной беллетристики, появившиеся в 1925 году, по Вашему мнению, являются наиболее ценными?

[Пропуск в ответе.]

7. Не можете ли указать на беллетристические произведения, появившиеся в Советской России, на которые необходимо обратить внимание русского зарубежного читателя?

Ответ И.А. Бунина: К сожалению, не могу, — не было, по-моему, ничего достойного внимания.

8. Какие Ваши пожелания, как общего так и частного характера, на 1926 год во всех областях?

Ответ И.А. Бунина: Конечно — гибель большевиков.

Остальное все приложится.

Подпись: И.А. Бунин

Бунин И. А.

1. Какие произведения закончены Вами в истекшем 1925 году?

"Иккаб", "Дети Корнея Есюткина",
 "Notre Dame de la Garde", "Обуза", "Мирдовский
 сарапанг", "Иза", "Немгальное" ~~и другие~~ —
 и еще несколько рассказов и сценариев;
 напечатаны некоторые не могу до сих пор отбросить
 кодаки

2. Какие Ваши произведения остались незаконченными на 1926 год и надъ чѣмъ предполагаете
 работать в предстоящем году?

Многие остались незаконченными. Работать
 предполагается надъ однимъ большим
 цикломъ

3. Какие Ваши произведения были напечатаны в русской зарубежной печати в 1925 году и где?
 (укажите название газеты, журналов и отделы изд.)

"Иккаб" в "Вестнике", "Дети Корнея Есюткина" в "Рух", "Мирдовский сарапанг" в "Переводках",
 "Обуза", "Письма о Сент", "Благодарности",
 "Notre Dame de la Garde" и "Охотники
 дни" — в "Возрождении".
 Отдельно книги вышли "Иккаб" и "Дети Корнея Есюткина" 1924 года.

Ответы И. А. Бунина
 на анкету газеты «Возрождение».
 1925 г.
 Русский архив в Лидсе
 (Великобритания)

4. Какія изъ Вашихъ произведенийъ были переведены на иностранные языки и на какіе?

«Мифы любви» и мѣсто мѣсто
на французскій, нѣмецкій, чешскій и итальян-
скій языки. Вышелъ томъ басенъ
на шведскомъ языкѣ

5. Не были ли безъ Вашего разрѣшенія напечатаны, или изданы Ваши произведенія въ Совѣтской Россіи и какія?

Ни одного стихотворенія

6. Какія произведенія русской зарубежной беллетристики, появившіяся въ 1925 году, по Вашему мнѣнію, являются наиболѣе цѣнными?

7. Не можете ли указать на беллетристическія произведенія, появившіяся въ Совѣтской Россіи, на которыя необходимо обратить вниманіе русскаго зарубежнаго читателя?

Къ сожалѣнію, не могу, — не знаю, по моему,
какого, достойнаго вниманія

Ответы И.А. Бунина
на анкету газеты «Возрождение».

1925 г.

Русский архив в Лидсе
(Великобританія)

8. Какие Ваши пожелания, какъ общаго, такъ и частнаго характера, на 1926 годъ во всѣхъ областяхъ?

Конечно - много больше
благосостояния во всехъ областяхъ

Подпись:

И.А. Бунин

Ответы И.А. Бунина
на анкету газеты «Возрождение».
1925 г.

Русский архив в Лидсе
(Великобритания)

ПЕТР СТРУВЕ

Заметки писателя

Посвящается И.А. Бунину

О русском языке

Засорение и очищение языка. —
Его обогащение*

В своих заметках о русском языке, об его засорении и очищении я хочу поделиться, и делиться не только своими наблюдениями, вынесенными из внимательного и любовного чтения хороших писателей, но также наблюдениями, почерпнутыми из весьма напряженного переживания роста языка, из томительного и утомительного, подчас до каторжности, чтения множества плохо написанных не только книг, но и рукописей.

Может быть, сейчас мало русских писателей, чрез руки которых прошла такая — да позволено будет употребить вместо слова «масса» русское, но более грубое выражение — «уйма» рукописей, как это было со мной. С 1895 г. я почти непрерывно занимаюсь «редактированием» (кстати, эту форму уже невозможно и не следует заменить другой, этимологически более правильной, — «редижирование»), т.е., употребляя русское слово, *правляю* или *выправляю* рукописи. К этой литературно-редакторской работе с 1907 г. прибавилась работа учебно-редакторская: через мои руки прошли сотни студенческих рефератов и десятки кандидатских «сочинений». И многие из них не только прошли через мои руки, но и вошли в мои уши. Будучи весьма чувствителен и внимателен к писанному и к сказанному слову, я весь этот словесный запас воспринимал как живую историю творимого языка. Творимого — и в удачах, или находках, и в порчах, то есть искажениях и утратах, в красоте и в безобразии.

Язык творится двумя путями: сознательными усилиями, выдумками, изобретениями, новизнами отдельных

* Впервые: Возрождение. 20 мая 1926. № 352. С. 3–4.

П.Б. Струве. 1930-е гг.
Фото из архива Н.А. Струве

способных на такие индивидуальные личные изобретения людей и затем каким-то коллективным, массовым, соборным подражанием тех, кто сознательно или бессознательно повторяет, списывает, подслушивает уже написанное или сказанное. Резкой границы между изобретением и подражанием, между повторением и новизной провести нельзя. В некоторых случаях граница эта явно только субъективно воображаемая. В истории языка есть тому различные примеры. Французский социалист философ Пьер Леру думал, что он первый вычеканил или изобрел слово «социализм». В искренности Леру сомневаться нельзя. Но

теперь точно доказано, что слова «социализм», «социалист» появились в печати до Леру и что они, так сказать, объявились почти одновременно и, наверное, независимо на двух языках: французском и английском. Время, или эпоха, родила эти слова множественными и независимыми один от другого индивидуальными актами изобретения. Это, наверное, не единственный пример такого рода, хотя по смыслу слова «социализм»(-сть) и историческому его значению это, быть может, самый разительный и исторически примечательный случай множественного изобретения нового слова или выражения. Мне в моей собственной литературной деятельности пришлось пережить нечто подобное. Размышляя над некоторыми основными и, так сказать, конечными вопросами обществоведения, я для передачи англосаксонского понятия *efficiency*, обобщенно, но точно передаваемого немецким словом *Tüchtigkeit* и менее точно французским многосмысленным существительным *valeur*, или даже просто *force*, изобрел и пустил в оборот определяющее все мое мироощущение и центральное для моего нравственного, социального и политического мировоззрения словосочетание «личная

годность»^{*}. Я считаю себя изобретателем этого русского словосочетания, мною действительно введенного в употребление. И каково же было мое изумление, когда я из одного подстрочного примечания в написанном А.В. Тырковой жизнеописании покойной Анны Павловны Философовой узнал, что это словосочетание в том же смысле употребил еще в 70-х гг. XIX в. основательно забытый к нашему времени публицист и ученый-цивилист П.П. Цытович (кстати, он когда-нибудь получит внимательную и объективную оценку своей мыслительной работы и писательской личности, будет воскрешен в своей крупной и интересной индивидуальности). Я словосочетание «личная годность» не списал у Цытовича и ни в каком смысле не заимствовал у него. Я отчетливо помню весь процесс обдумывания и придумывания мною русского выражения для английского слова *efficiency*, а потому тут налицо было не заимствование, даже не бессознательное припоминание чего-то читанного. Ибо, хотя я знал Цытовича, но никогда не читал его сплошь, не изучал и не вчитывался в его публицистические произведения. В данном случае я просто-напросто изобрел или наново придумал уже ранее, задолго до меня вычеканенное Цытовичем, но, так сказать, литературно пошедшее ко дну словосочетание. Оно в моей работе оказалось крайне нужным и теперь, я уверен, навсегда закреплено в русском языке именно с тем же самым и философски, и практически важным смыслом, который имеют английское *efficiency* и немецкое *Tüchtigkeit*, может быть, вовсе даже не предносившиеся П.П. Цытовичу, а в процессе моего объективно неоригинального, но субъективно самостоятельного и объективно удачного, ибо усвоенного литературой изобретения, сыгравшие такую важную роль.

Засорение в новейшее время русского литературного языка иностранными словами и безвкусными и безобразными заимствованиями из обывательской речи, а также удивительное понижение синтаксической умелости у лиц, стремящихся проникнуть и проникающих в литературу, есть факт,

^{*} Ср. статью «Интеллигенция и народное хозяйство», напечатанную в газете «Слово» от 16 ноября 1908 года и перепечатанную тогда же в «Русской мысли», а затем в моих «Patriotica» (СПб., 1911. С. 362–369). С тех пор я в целом ряде публицистических статей и научных этюдов затрагивал понятие и проблему личной годности.

для меня не подлежащий никакому сомнению, прямо-таки осязательный. Его я воспринял своим глазом, как читатель множества не только отданных в печать, но «зарезанных» мною самим до печатания рукописей; он стоит в ушах у меня, как слушателя множества безграмотных студенческих работ и ответов. Это обезображение языка есть обратная сторона всесторонней и стремительной демократизации России в царствование Николая II.

Эта демократизация означала не столько проникновение «народных» или «простонародных» элементов в язык, сколько разлив в языке и литературе стихии полуобразованности, всегда знаменующей стремительное приобщение к культуре и вообще быстрое и нестройное усвоение языка и культуры новыми и доселе ей чуждыми элементами. Эти перемены происходили в период с конца 80-х гг. до самой войны и революции.

Никогда, быть может, за всю историю человечества средняя и высшая школа не «перерабатывала», выражаясь языком железнодорожным, такой массы «человеческого материала», который выходил из культурной среды, стоявшей гораздо ниже этой принимавшей его школы. Эти толпы всю культуру вообще и словесную в частности брали из школы. Из дому они ничего не приносили. Уровень средней школы в эту эпоху заметно понизился, не потому, чтобы понизился уровень преподавательского состава, а потому, что «перерабатываемая» им школьная масса черпалась из широкого, малокультурного резервуара. В это время вся Россия, до уездных городов, больших сел и казачьих станиц, покрылась сетью гимназий и реальных училищ. Среднее образование и проникало в толщу народа, и разливалось по всей стране. Это был огромной важности и, в общем, здоровый и нормальный процесс. Но по своей стремительности он был разлитием полуобразованности в стране. Она, эта полуобразованность, всего более повинна в порче и засорении языка.

Этот разлив полуобразованности сыграл очень крупную роль и в революции 1917-го и последующих годов.

Но сейчас меня занимает не политическое значение и не общее «социологическое» содержание этого процесса, а его отражение на судьбах языка.

Именно эта волна полуобразованности — при попустительстве правительства и даже высшей интеллигенции — по-

жрала у нас классическое образование и тем самым нанесла русской культуре огромный и в известном смысле непоправимый ущерб. Вообще полубразованность враждебна словесной культуре, а в конце концов развитие литературы вне сознательного и любовного блюдения, вне культуры языка немислимо. О культуре языка и слова французы размышляют и пекутся с XVI в., со времен Ронсара, Дю Белле и Этьеннов, и тот высокий уровень, на котором сейчас стоит во Франции словесная культура всего народа, всецело покоится на этой сознательной культурной работе. А эта последняя во всех странах Запада опирается на традиции классического образования и грамматической выучки. В России же за последние 30–35 лет словесная культура была в полном загоне, грамматическая выучка возбуждала презрение, в литературе и публицистике к ней внушалось отвращение, в значительной мере питавшееся пафосом мнимо-демократического народнического уравниательства. Тогда как «дворянская культура» XVIII и первых десятилетий XIX столетия медленно «опускалась» и потому усваивалась глубже и претворялась органичнее нижестоящими общественными слоями и выходцами из них, безсословная культура 60-х, 70 и 80-х гг. XIX в. просачивалась гораздо быстрее и разливалась гораздо шире. При этом усвоения и претворения не происходило. Происходило нечто подобное тому, чем было ознаменовано раннее Средневековье, — окультурение варварства и с тем вместе неизбежная варваризация культуры — рядом с общим ее подъемом и, в частности, рядом с разительным подъемом среднего уровня чисто научной культуры.

Когда я попал в Университет в конце 80-х гг., я был поражен, в какой мере старые профессора в общем писали и говорили лучше молодых, хотя нередко молодые знали гораздо больше старых. Когда я стал в 1907 г. преподавать в высшей школе (в средней я никогда не преподавал), меня поразили тот же факт; в смысле культуры языка мои слушатели явно стояли на более низком уровне, чем то поколение студенчества, к которому принадлежал я, хотя и наше поколение в этом отношении в общем стояло ниже предшествующих поколений. Я сделал еще другое наблюдение: особенно плохи были в эту эпоху (с 1890 по 1914–1915 гг.) — и остаются до сих пор — переводы с иностранных языков, и в особенности с языка немецкого.

Плохи во всех отношениях. Переводилась масса книг, и опять-таки всего больше с немецкого, но переводили их люди, не владевшие в полной мере ни тем ни другим языком. Отсюда получалось буквальное затопление русской литературной речи плохопереваренными германизмами. Я уже писал, что, начиная с Жуковского, продолжая Павловым, Белинским, Герценом, русский литературный язык испытал сильное влияние языка немецкого. Но это было влияние, в общем, переваренное и претворенное, тогда как в конце XIX в. началось и все усиливалось нечто прямо противоположное.

Немецкие элементы входили в язык в совершенно неперева-ренном, неусвоенном и неосвоенном виде. Я испытывал некие муки, читая плохие переводы с немецкого (всего больше, как я уже сказал, переводилось именно с этого языка), ибо, хорошо зная немецкий язык, я в уме переводил их обратно на язык оригинала. Кстати, это вообще способ испытания перевода: чем легче лицу, знающему язык оригинала, сделать обратный перевод, тем хуже, значит, данный перевод.

Эпоху с 80 х гг. по наше время можно поэтому назвать эпохой обезображения русского литературного языка бурным влиянием немецкой письменности и культуры.

В этом явлении, кроме общей и основной причины — огромного роста переводной литературы, сыграли крупную роль два обстоятельства, оба отчасти политического происхождения.

Рост интеллигенции и в связи с ним рост политической борьбы выбрасывал тогда из высшей (реже из средней) школы многочисленные «неблагонадежные» элементы. Они для продолжения образования попадали часто за границу, и главным образом в области немецкого языка (Германию и немецкую Швейцарию). Язык этих временных эмигрантов почти всегда подвергался ужасающей порче.

Другое обстоятельство увеличивало степень этой порчи. 80-е и 90-е гг. ознаменовались тягой к культуре, к среднему и высшему образованию русского еврейства. В эту именно эпоху в русскую интеллигенцию стали вливаться во все большем и большем количестве еврейские элементы. Они не приносили из семьи даже того знания русской литературной речи, которым обладали выходцы из т.н. «низших» слоев населения, и они же составляли очень большую, все растущую

долю вынужденной временной эмиграции, которая училась за границей (процентная норма устраняла евреев из русских учебных заведений). Кроме того, русский бытовой язык «черты оседлости» был искони, в силу западных влияний, более засорен, чем язык остальной России. По объективным соображениям, приходится удивляться не тому, что выходцы из еврейской среды содействовали этой обрисованной мною «социологически» вполне понятной порче русского языка, а, наоборот, тому, что из этой среды выделились и люди, превосходно владевшие русским литературным языком. Укажу на покойного М.О. Гершензона и на здравствующего до сих пор Н.М. Минского. Гершензон, и по физическому облику, и по выговору, был настоящий местечковый еврей — у него была весьма смешная наружность, настолько забавная, что в Москве добродушно острили на ее счет. Гершензон был ученик по Университету покойного П.Г. Виноградова, человека высокого роста и величественной генеральской осанки. Когда Виноградов проходил по Москве с Гершензоном, то шутники говорили: вот генерал прогуливается с ручной обезьянкой. Этот смешной местечковый еврей писал, однако, по-русски прямо блистательно, с стилистическими тонкостями исторически образованного «эрудита» вроде Шарля Нодье или Анатоля Франса, но, в отличие от них, он был не самоучкой, а образованным филологом.

С Н.М. Минским произошел курьезный эпизод. «Новое время», где его преследовал В.П. Буренин, в своем «Иллюстрированном приложении» напечатало (между 1901 и 1905 г., точно не помню) как новое оригинальное произведение одно из лучших стихотворений Минского, доставленное редакции каким-то шутником.

Однако эти исключения не устраняют того естественного факта, что проникновение в русскую литературу еврейского элемента, выраставшего в «черте оседлости» и в очень значительной части своей учившегося за границей в немецкой высшей школе, естественно приводило к засорению русского языка, вернее, усиливало это засорение речениями и оборотами, которые можно назвать «иудео-германизмами». Но опять-таки не следует преувеличивать в этом процессе засоряющего язык действия или влияния еврейского элемента как такового. Язык чисто русских писателей в эту эпоху часто

носил ужасающие следы немецкого влияния. Забавный пример такого рода представлял покойный очень крупный агроном-экономист Александр Иванович Скворцов. А.И. много читал на немецком языке и даже довольно сносно на нем писал. Но писал по-русски он коряво и безвкусно. В его знаменитом сочинении «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (Варшава, 1890) есть такое место. Изложив взгляды известного австро-немецкого экономиста Э. Закса на экономическое влияние железных дорог, Скворцов между двух точек пишет: «Настолько Закс». Человек, не знающий немецкого языка, не может даже понять этой фразы. А значит она вот что: «Таковы взгляды Закса» или «Вот как высказывается Закс». По-немецки действительно можно только сказать *Soweit Sax*, а по-русски буквальный перевод этого немецкого оборота на первый взгляд просто непонятен. Таких примеров «германизмов» можно было бы привести множество. Один из них, по-видимому, укоренился, проникая в русскую речь с двух концов, с литературного и бытового. Я имею в виду выражение «пара слов». Это буквальный перевод с немецкого *Paar Worte*. По-немецки слово *Paar* превратилось уже в несклоняемое прилагательное-числительное, утратившее свой первоначальный смысл «пары», и значит просто «несколько». По-русски же «пара» означает именно пару (*couple*) и не есть вовсе прилагательное-числительное, каковым оно является по существу в переведенном с немецкого обороте «пара слов». По-русски можно сказать «супружеская пара», «пара сапог», «фрачная пара», но не следует говорить «пара слов», «пара дней», «пара книг» и т.п. «Пару слов» я также систематически, но, по-видимому, так же безуспешно вытравлял из рукописей, как глагол «выглядеть» в смысле немецкого *aussehen* или *aussehauen*. При этом я должен отметить, что германизм этот довольно рано проникает в русскую литературную речь. Я нашел его у такого мастера русского языка, как Языков в стихотворении, написанном в Дерпте в 1824 или 1825 г. («Три элепи»):

Свободен я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу
В часы бездумных вечеров.

Неслучайно, что это выражение (несомненно, ради размера и для рифмы) употребил Языков в свой дерптский период. Вообще же язык этого превосходного поэта свободен от германизмов. Языков, как лентяй и кутила, читал, вероятно, относительно мало, и то заимствование, о котором идет речь, сделано, почти наверное, из разговорной речи или из бытового языка, а не из книг.

Вообще же не следует самому по себе знанию иностранного языка или языков тем или иным писателем приписывать определяющее значение для стиля этого писателя. Наоборот, часто можно наблюдать, что знание иностранного языка предохраняло больших писателей от рабского подражательного к нему отношения. Как это ни странно, но в русском языке Тургенева, который очень хорошо знал немецкий язык, гораздо труднее наблюдать влияние германской стихии, чем у Гоголя, который знал плохо немецкий язык, или у Белинского, который вовсе его не знал. Замечательно, что два мастера русской поэтической речи послепушкинского периода, Ф.И. Тютчев и А.А. Фет-Шеншин (полунемец, может быть, даже с примесью еврейской крови!), мастерски владели и немецким языком. Это обстоятельство, однако, ничуть не отразилось на поэтическом языке их оригинальных произведений (о переводах Фета, как стихотворных, так и прозаических, я бы этого не сказал). Вероятно, Тургенев знал французский язык не хуже, а даже лучше, чем Герцен, но галлицизмами язык Тургенева вовсе не обременен, в отличие от насыщенной ими речи Герцена. Превосходно знал французский и немецкий языки Алексей Толстой, но ни германизмов, ни галлицизмов нет в его стихотворной речи, часто не только отделанной, но и сделанной.

* * *

Работать над очищением языка возможно и следует. Но эта работа может оказаться влекущей на ложные пути, если она не будет соединяться с постоянной мыслью об обогащении языка.

Очищение языка не должно вести к его обеднению, как это случилось в XVII в. с языком французским благодаря

придворно-салонно-академическому пуризму, изгонявшему и новые, и старые слова и обороты.

В общем можно установить некоторые руководящие начала обогащающего очищения языка.

1. Не следует употреблять иностранных слов, когда имеются слова «свои». Но, если таковых не имеется, не следует избегать слов иностранных. Я не случайно упомянул в первой своей статье слова «проблема» и «интуиция». Эти слова незаменимы русскими. «Проблема» по-французски первоначально означала и сейчас прежде всего значит «задача», но теперь это слово в русском, а также немецком языках не означает ни «задачи», ни «задания», ни «вопроса», ни тем более «загадки». «Интуиция» тоже непередаваема русским словом. Буквально «интуиция» означает «воззрение», но смысл этого последнего слова и смысл латинского «интуиция» разошлись. Интуиция не есть также созерцание — созерцание есть «контемплиция».

Пожалуй, можно было бы «интуицию» передавать русским словом «усмотрение». «Интуиция» действительно означает акт и способность непосредственного схватывания или усмотрения «предмета» — усмотрения, именно своей непосредственностью отличного от рассуждения. От «интуиции» образуется прилагательное «интуитивный», удовлетворительно непередаваемое никаким русским словом, — единственное возможное для этого русское прилагательное «воззрительный» менее понятно и удобно, чем «интуитивный», ибо последнее связано этимологически с существительным «интуиция», русское же восходит к существительному «воззрение», за которым, как я уже сказал, укреплен другой смысл.

2. Иностранные слова не только допустимы, но даже желательны, когда они рядом с русскими синонимами имеют за собой долговременное употребление, а тем более когда они выражают какой-то оттенок смысла, невыразимый русским словом.

Долговременное употребление удостоверяется прежде всего чрезвычайно разборчивой на слова поэтической речью. Если рассуждать, отвлекаясь от употребления, обычая, привычки глаза и уха, то иностранные слова «фонтан» и «факел» не нужны, ибо есть прекрасные русские слова «водомер» и «светоч». Но после «Бахчисарайского фонтана» Пушкина

нельзя это слово изгнать из русской речи. Слово «факел» тоже закреплено поэтическим употреблением, хотя «светоч» и красивее, и выразительнее. Слово «пламенник», которое употреблял в том же смысле такой первоклассный поэт начала XIX в., как Батюшков, мало кому известно, и оно заслуживало бы воскрешения, как производное от «пламя». Наши пуристы часто не знают, что есть русские слова, в народном употреблении совершенно вытесненные иностранными, — таково слово «дятловина», еще в начале XIX в. широко употреблявшееся в литературе, а теперь и в ней, и в народном употреблении совершенно исчезнувшее перед иностранным словом «клевер».

Нужны ли слова «изолировать», «изолированный»? Пожалуй, «изолировать» можно заменить словами «уединить», «отъединить», «обособить», но слово «изолированный» употреблял еще такой первоклассный своеобразный и самобытный писатель, как Сергей Тимофеевич Аксаков:

«Имея ум простой, здравый и практический, он [Загоскин] не любил ни в чем отвлеченности и был всегда врагом всякой мечтательности и темных метафизических, трудных для понимания мыслей и выражений. В прежнее время, когда это направление было в ходу, он врезывался иногда, с русским толком и метким русским словом, в круг людей, носившихся в туманах немецкой философии, и не только все окружающие, но и сами умствователи, внезапно упав с холодных и страшных высот изолированной мысли, предавались веселому смеху».

Отвлекаясь от употребления, слово «колоссальный» можно было бы отбросить, заменив его «исполинский», но, как я показал в своей первой статье, слово «колоссальный» прямо-таки излюбил и насадил такой писатель, как Гоголь. Правда, часто встречаешь указание, что Гоголь писал неправильно. Это, конечно, верно, но правильно пишущие писатели вовсе не всегда самые сильные, яркие и оригинальные.

Кстати, слово «оригинальность» («оригинальный») нельзя совершенно изгнать из русского языка. Несомненно, этому иностранному слову следует в целом ряде случаев сознательно и систематически предпочитать русское слово «своеобразие» («своеобразный»). «Оригинальность» и «своеобразие» означают свойство индивидуальное, личности.

«Самобытность» же относится чаще к некоему соборному (коллективному) целому. Отдельный писатель своеобразен, или оригинален, а целая литература всегда самобытна. Но оригинальная литература есть в то же самое время просто противоположение литературе переводной, и, в качестве литературы непередаваемой, литература оригинальная может вовсе не быть самобытной и не состоять из произведений писателей своеобразных.

3. Можно и должно настойчиво обогащать литературный язык новыми или воскрешаемыми к новой жизни словами, заимствуя их из: 1) церковного языка; 2) у хороших старых писателей; 3) из разговорной и, в частности, т.н. «народной» речи. Старые слова почти всегда выразительны и красивы. Часто они пригодны и для выражения отвлеченных понятий. «Проблема» и «интуиция» необходимы, ибо незаменимы, а «суверенный» и «суверенитет» не нужны рядом с старинными и чудесными русскими словами «державный» и «державность», а также «державство» (последняя форма — у знаменитого драматурга В.А. Озерова). Слово «индивидуум», может быть, и не нужно рядом с хорошим русским словом «особь» (впрочем, это слово в русском языке, вследствие невнимания к нему, получило биологический или, частнее, зоологический привкус). От существительного же «особь» неудобно образовать прилагательное, и по этой причине, а также в силу привычки или употребления, прилагательное «индивидуальный» не может быть отброшено.

Не следует забывать, что, поскольку иностранные или заимствованные из других языков слова незаменимы для выражения оттенков, для «нюансирования», их употребление обогащает и расцветивает язык. Об этом часто забывают пуристы-упростители, против которых такой первоклассный стилист на своем языке, как Шопенгауэр, писал:

Der Deuschtümelei keine Konzession!*

Словарь «старых» слов есть богатая сокровищница для обогащения языка, которое, как некое положительное его усовершенствование, плодотворнее и важнее задачи очищения. Это средство в свое время рекомендовали для француз-

* Никаких уступок немецкому пуризму! (нем.).

ского языка в XVI в. великий поэт Ронсар (вопреки противоположному утверждению Буало), великий филолог Этьенн (Stephanus), в XIX в. такой тонкий знаток и мастер слова, как Шарль Нодье.

* * *

Русским писателям, которые хотят в своем мастерстве совершенствоваться, желают работать над своим языком и слогом, надлежит любовно и прилежно читать:

1. Славянскую библию и богослужебные книги.
2. Памятники старой русской литературы.
3. Тех писателей, начиная с Ломоносова, писаниями которых творился русский литературный язык.
4. Произведения старого приказного языка, и прежде всего попросту «Полное собрание Законов», начинающееся с Уложения царя Алексея Михайловича.

В приказном языке есть своя прелесть, своя красота, свое богатство, и этот язык соучаствовал в творении русского слова. Как это ни странно, из всех больших русских писателей, если оставить в стороне М.М. Сперанского, всего полнее и глубже отразили в своем языке влияние русской приказной речи Салтыков-Щедрин и Аксаков. В самом Салтыкове, в этом сатирике-обличителе, было нечто от приказного, от моралиста-ябедника в хорошем и дурном смысле. Аксаков, точно пчела, собрал из сокровищницы русского приказного слова весь мед государственного строительного пафоса и как-то влил его в свою вдохновенную публицистику, столь враждебную «бюрократическому строю» и в то же время столь ему близкую в своих истоках.

* * *

К вопросам развития, засорения, очищения и обогащения языка я еще надеюсь не раз возвращаться. Пока же кончаю свои и без того разросшиеся заметки.

Письмо П.Б. Струве И.А. Бунину*
в связи с присуждением
Нобелевской премии

Белград
Beograd 11. XI, 1933

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваш успех (о котором я прочел сперва в форме, не внушающей доверия и оставляющей место мучительным сомнениям) несказанно обрадовал меня. Без всякого преувеличения могу сказать, что это был один из немногих по-настоящему радостных и счастливых дней в нашей трудной и часто воистину скорбной жизни зарубежом.

Не только — по чувствам, крепким чувствам личной дружбы с Вами. Не только потому, что я высоко ценю Ваше дивное дарование и Ваши произведения.

Но и потому, что судьба, наша общая судьба поставила Вас крупным представителем и самым непререкаемым выразителем истинной, поруганной и растоптанной России, и в Вашем лице признана и почтена эта Россия, которая жива и восстанет в славе и мощи.

Нина Александровна** и Адя*** просят передать Вере Николаевне и Вам свое поздравление и приветы.

Обнимаю Вас и целую руки В[ере] Н[иколаевне].

С душевным приветом,

дружески преданный Вам

Петр Струве.

* Публикуется по автографу: РАЛ. MS. 1066/5346.

** Нина Александровна Герд (1868, Санкт-Петербург — 1943, Париж), супруга П.Б. Струве.

*** Аркадий Петрович Струве (1905, Париж — 1952, Париж), один из пяти сыновей П.Б. Струве.

ПЕТР СТРУВЕ

И.А. Бунин

*Речь, произнесенная в Белграде 20 ноября
и оглашенная в Париже на чествовании
И.А. Бунина 29 ноября 1933 г.**

*Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Боратынский*

Увенчание Нобелевской премией И.А. Бунина есть событие, наполнившее нас чувством национального удовлетворения, и мы ощущаем потребность осознать и выразить это удовлетворение.

Увенчан премией русский писатель, состоящий или, вернее, именуемый «эмигрантом». Иностранцы, которые до сих пор говорят об эмиграции как о выражении старой России, не понимают одного и самого главного, что т.н. русская эмиграция, один из величайших в мировой истории «исходов» абсолютно очень большой и качественно весьма высоко стоящей части населения, что эта русская «эмиграция» есть — по воле истории — представительница и выразительница не только старой России, но и России грядущей, не только прошлого, но и будущего России. Ибо Россия либо распадется, либо возродится как Россия Национальная и Свободная. А идею Национальной и Свободной России несет с собою, хранит и блюдет та группа ее населения, которая, не желая терпеть безграничного и постыдного коммунистического гнета, боролась против него и временно отступила на чужие земли и потому на ходячем политическом и газетном языке и именуется «эмиграцией». Ни один будущий историк русской культуры не сможет обойти молчанием того факта, что эмигрантами оказались такие писатели, как И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, И.С. Шмелев, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов; такие ученые, как Н.П. Кондаков, П.Г. Виноградов, Н.И. Андрусов, М.И. Ростовцев

* Впервые: Россия и славянство. 1933, 1 дек. № 227. С. 2, 5–6.

и А.А. Кизеветтер; такие артисты, как С.В. Рахманинов, А.К. Глазунов, А.Т. Гречанинов, Н.К. Метнер, Н.Н. Черепнин и Ф.И. Шаляпин; такие художники, как Илья Репин, К.А. Коровин, Рерих, Бенуа, Билибин, Яковлев, Борис Григорьев, Судейкин...

Но довольно об этом! Мы сами, русские, не только понимаем, но и ощущаем это всеми фибрами своей души, и нам друг другу тут нечего подробно разъяснять.

Обратимся к Бунину как к явлению единой русской культуры, в которой прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны между собою; обратимся к Бунину как к большому писателю, которому мы обязаны нашим сегодняшним, столь редким для нас, подлинно праздничным собранием.

Всякий большой писатель должен быть понят как духовная индивидуальность, как творческая личность и вдвинут в историческую рамку своей эпохи.

Бунин принадлежит к числу немногих русских писателей, которые являются в одно и то же время стихотворцами, или поэтами в узком, техническом смысле, и поэтами-прозаиками. Это совмещение, в совершенно другом соотношении, присуще величайшему творческому гению России, Пушкину. Оно же характеризует писательский путь Тургенева: Тургенев начал как стихотворец, но приобрел славу как прозаик-художник.

Увенчание Бунина как-то символически совпадает с поминками Тургенева. Это совпадение знаменательно потому, что из всех великих русских писателей к Бунину всего ближе именно Тургенев*. Бунин представляет ту же особенность духовной и писательской индивидуальности, которую мы встречаем у Тургенева. Но только у Бунина она выступает перед нами, так сказать, в еще более сгущенном виде. Основной особенностью дарования Бунина является, как у Тургенева, необычайно яркая и мощная слитность дарования лирического с даром изобразительным и эпическим. Конечно, по сравнению с Буниным Тургенев все-таки гораздо более объективный художник, но это не значит, чтобы Бунин был художник только субъективный, чистый лирик. Нет, он выступает перед нами и как изумительно сильный изобразитель вечной красо-

* Ср. статью Глеба Струве о Бунине как художнике в: Slavonic Review. Т. XI. № 32 (январь 1933 г.).

ты природы и близкой к ней красоты вечных памятников искусства. Но эти дивные картины природы и внешних вещей вообще, эти мощные изображения чужой человеческой жизни так слиты у Бунина с его собственными переживаниями, что Бунина лишь с натяжкой можно назвать романистом или новеллистом, если под этими наименованиями разуместь лишь авторов, просто описывающих и рассказывающих. Простых описаний и простого рассказа у Бунина почти нет.

Таким образом, у Бунина есть в творчестве душевная черта, общая с Тургеневым, но ни о каком влиянии или подражании тут не может быть и речи: Бунин совершенно своеобразный художник, со своей особой физиономией, столь выразительной и яркой, что эта физиономия означает, в сущности, и какой-то особый литературный жанр.

Для того чтобы иллюстрировать сказанное, я должен был бы привести вам ряд характерных мест из лучших произведений Бунина, но время не позволяет сделать это, и я перехожу к социально-психологической характеристике бунинского творчества по его содержанию и по историческому смыслу этого содержания.

Русская литература была в значительной мере литературой народнической, литературой «кающегося дворянина». Эта литература на разный лад, в разном смысле идеализировала народ, понимаемый как простонародье. Эта идеализация началась еще в первой половине XIX века и пышным цветом расцвела во второй его половине. Ей отдали дань в отвлеченном историко-философском смысле славянофилы, ее не был чужд Достоевский, ее в своеобразную форму возвеличения Иванушки Дурачка вылил Лев Толстой. Несмотря на потрясающий реализм своих изображений и режущую остроту своих анализов, Глеб Успенский все-таки с головы до пят народник. И какое-то дикое народничество всецело пронизывает творчество Горького. Чужды народничества, как идеализации народа были только европеец Тургенев, в этом отношении антипод и славянофилов, и своего друга Герцена, и затем Чехов, по социально-психологической линии прямой предшественник Бунина, но отличающийся от последнего тем, что всегда стоял как бы вне традиционных рамок русской интеллигенции и не пришел через общую духовную реторту «интеллигентства».

Если не считать Чехова, который вообще никогда не был «интеллигентом» в точном типологическом смысле слова и к тому же не имел опыта 1917-го и последующих годов, то Бунин первый большой русский писатель, который совершенно, органически и окончательно освободился от чар народничества. Эти не значит, чтобы Бунин не любил русского народа, не любил и не изображал глубоких и трогательных человеческих черт в самых простых людях из его среды, но ему совершенно чужды идеализация простонародья как такового, преклонение перед физическим трудом как таковым, перед «мозолями» и «потом», перед «властью земли», перед необразованностью и некультурностью. Бунину чужд всякий руссоизм и толстоизм.

Народничество в указанном смысле составляло духовное и душевное содержание того типа русских интеллигентов, который влиятельнейший публицист семидесятых и восьмидесятых годов XIX века Н.К. Михайловский окрестил «кающимся дворянином» и к которому принадлежал и он сам.

И.А. Бунин — это русский интеллигент, который бесповоротно перестал быть народником.

Это русский дворянин, который окончательно перестал каяться.

В этом — социально-психологическая нота таких произведений Бунина, как «Деревня» и «Суходол». В этом — историческое значение этих произведений, ставших потрясающим изображением распада стародавних скреп, которыми держалась старая Россия. Значение этого социально-психологического содержания произведений Бунина, появившихся в 1909 и 1911 годах, тем больше, что оно, это содержание, является отнюдь не надуманным или книжным. В ту эпоху Бунин по своей идеологии был радикальным интеллигентом, мало чем отличавшимся от Горького и других литераторов, потом перешедших в стан большевиков. Но органически он был всегда от них бесконечно далек. У него было беспощадное видение действительности, неподкупное чутье жизненной правды, возвышавшееся до подлинного художнического ясновидения. Я отчетливо помню огромное впечатление, произведенное бунинской «Деревней», несмотря на внешнюю бесформенность этого произведения. Впечатление это было сродни произведенному чеховскими «Мужиками». Только

теперь, пережив революцию или революции 1917 года и испив чашу большевизма, мы можем вполне оценить всю значительность и силу, почти пророческую, бунинских изображений.

От социально-психологического содержания и значения произведений Бунина я хочу обратиться к вечному в них. Совершенно правильно было замечено, что в бунинском восприятии мира как-то чарующе своеобразно сожигательствуют любовь и смерть*. Бунин с необычайной остротой чувствует смерть. И в то же время никто из новейших русских писателей с такой полнотой не измерил и не изобразил всепоглощающей силы любви, именно той любви, плотской и в то же время душевной, которая является источником всякой жизни.

Сочетание в одном человеческом духе чувства смерти и чувства любви придает отмеченному мною совмещению в бунинском творчестве глубочайшего лиризма с беспощадной изобразительностью какую-то несравненную, своеобразную и существенную, не только формальную прелесть. И эта прелесть, присущая творениям художника, нашего современника, вызывает образ того русского поэта, чистого лирика, которого когда-то, кик своего друга и соперника, восславил Пушкин. Боратынский воспел смерть:

О, дочь верховного эфира!
О, светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Эта очаровательная хвала смерти из уст певца любви, которому было дано, по его собственным словам, «таинство печали», невольно приходит на ум, когда проникаешь в глубочайший философский смысл бунинского творчества, которому одинаково доступны обе области: сияния и тьмы, жизни и смерти.

* Ср. опять упомянутую выше английскую статью Глеба Струве.

Письмо И.А. Бунина
П.Б. и Н.А. Струве*

33, rue de Lubeck
Paris, XVI

Русский Сочельник

Дорогая Нина Александровна,
Дорогой Петр Бернгардович,

От всей души поздравляем Вас с праздником, обнимаем
и желаем здоровья Вам и Левочке**.

Мы, как видите, уже в Париже и я успел уже полежать не-
сколько дней в постели, — очень страдаю, что-то вроде (лег-
кого пока) аппендицита.

Ваши Бунины.

Когда приедете?

* Архив Н.А. Струве (Париж). Письмо без даты. Написано, ви-
димо, на русский Сочельник 1925 года, который Бунины встреча-
ют в Париже. См. записи в начале января в «Устами Буниных», где
Вера Николаевна упоминает о болезни Бунина (Устами Буниных.
Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1981. Т. 2. С. 132–133). См. также:
Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943) // Записки рус-
ской академической группы в США. Т. 2. Нью-Йорк, 1968.

** Лев Петрович Струве (19.01.1902–03.01.1929), сын Петра Берн-
гардовича и Нины Александровны Струве (Герд). День рождения
Льва совпадает с русским крещенским Сочельником (6/19 января).

33, rue de Lubeck
Paris XVI

Роскошное Счастье

Дорогая Анна Александровна,
Сегодня пишу тебе из Парижа,
Они все очень хорошо,
Вас с удовольствием, отми-
наль и приятель /дорогой/
Ваша и любовь
Анна, как всегда, уже с тобой
и я чувствую уже к тебе
прикосновение и к тебе в сердце,
очень сильно, что ты вост
(моя и моя) ангелочек.
Ваша Анна

Когда увидишь?

Автограф письма И.А. Бунина П.Б. и Н.А. Струве.

Б/д. Архив Н.А. Струве (Париж)

Письма М.М. Винавера сыну Е.М. Винаверу

Ниже публикуется несколько писем Максима Моисеевича Винавера (30.11.1863, Варшава — 10.10.1926, Мантон-Сен-Бернар)¹, основателя партии кадетов, члена Первой государственной думы, эмигрировавшего в 1919 г. с семьей в Париж, сыну Евгению (19.06.1899, Санкт-Петербург — 21.07.1979, Кант). Евгений Максимович стал в эмиграции известнейшим ученым-медиевистом и продолжил дело отца, отредактировав и опубликовав, в частности, неоконченную М.М. Винавером историю Крымского правительства².

Письма охватывают период с августа 1919 г. (написаны из фамильного имения в Cap d'Ail) по декабрь 1925-го (отправлены из Парижа, куда впоследствии переехала семья).

Они отражают этапы выбора двадцатилетним Евгением профессиональной карьеры между обучением в Оксфорде, где он провел начиная с 1919-го, три года в Колледже Линкольна при Оксфордском университете и получил в 1922 г. звание бакалавра по литературе (см. фото 27 мая 1922 в день вручения диплома), и в Париже, где подготовил и защитил в 1925 г. в Сорбонне диссертацию «*Le Roman de Tristan et Iseut dans l'œuvre de Thomas Malory*»³ под руководством Альфреда Жанроя и Джозефа Бедье.

С 1933 г. Е.М. Винавер становится профессором Манчестерского университета, с 1959-го — почетным членом Колледжа Линкольна и Оксфорда, с 1972–1973 гг. — членом-корреспондентом Британской академии и Американской академии Средневековья, а с 1977-го — почетным профессором в университетах Халла и Кента. Он стал также основателем и президентом Международного Артурианского общества (1966–1969), лауреатом Académie Française (1971) и кавалером ордена Почетного легиона (1959)⁴.

Письма позволяют восстановить академическую атмосферу обучения в западных университетах в 1920-е гг., в которой студент-эмигрант с ошеломительной быстротой находит свой путь. Эти письма, быть может, в еще большей степени характеризуют отца в его стремлении помочь сыну при адаптации в чужой среде и выборе карьеры, оставляя ему при этом полную свободу. Наконец, они позволяют восстановить неизвестные страницы «Саги Винаверов» — историю рода, восходящего к Израилю Якову Винаверу, составленную под этим названием одним из членов семьи⁵.

Мы публикуем в завершение этой подборки письмо Ф.И. Родичева, многолетнего друга семьи, позволяющее проследить первые отклики на исследования 27-летнего Евгения в эмигрантской среде и оценить возрастающую в глазах соотечественников ценность его исследований.

Письма публикуются по оригиналам, хранящимся в семейном архиве Винаверов в Париже. Мы выражаем глубокую благодарность Мишелю Винаверу, внуку М.М. Винавера и племяннику Е.М. Винавера, за возможность этой публикации и помощь, оказанную в составлении комментариев⁶.

Более полная публикация переписки М.М. и Е.М. Винаверов опубликована в сборнике: Письма М.М. Винавера сыну Е.М. Винаверу / подготовка текста, предисл. и коммент. Т.В. Викторовой // Русская эмиграция во Франции и средневековая культура Европы: творческая встреча, исследования, переводы. Международная научная конференция. Москва, 13 октября 2017 г. / сост., науч. ред., предисл. Т.В. Викторовой; С.Н. Дубровиной; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Страсбургский университет; Французский институт в России. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 90–113.

Татьяна Викторова

М.М. Винавер — Е.М. Винаверу

Cap d'Ail⁷, 2 августа 1919Дорогой Генюшок⁸,

Ты поставил меня в очень затруднительное положение. У меня недостает для решения твоей проблемы самых существенных данных⁹. Размышляя теперь на покое, я остановился перед основным вопросом: что собственно тебя толкает на изучение именно романской, и в особенности французской, литературы (не филологии, которую ты считаешь, как я понимаю, только подготовительной стадией, а именно литературы). Насколько мне помнится, ты некоторое время колебался в выборе между германскою и романскою литературою. Я не совсем уверен, тянет ли тебя именно в сторону романской, или ты вообще тянешься к литературе, а романская стоит у тебя на первой очереди более или менее случайно.

Если выбор романской литературы у тебя решен окончательно, и выбор этот, как можно полагать, основан на некоем внутреннем сродстве, то решение могло бы склониться в сторону Парижа. Если же ты еще пока не укрепился окончательно и думаешь вообще о литературе, то следовало бы склониться в сторону Оксфорда, с тем, что когда ты окончательно остановишься на романистике, ты прошел бы курс и в Париже. Ибо я вообще не думаю, что вопрос о твоём образовании разрешается [тем], что ты в Париже будешь через год или два доцентом, а в Оксфорде через три года будешь доктором. Думаю, что в том и в другом случае продолжать придется.

Вторая существенная данная, недостающая мне, это работа уже тобой испытанная, в области романистики. Я тщетно попытывался у тебя еще в Париже — и получил только общий ответ, что именно этот пункт тебя связывает, что если бы ты начинал новое, то отправился бы в Оксфорд, а сейчас ты будешь выбит из колеи. Между тем в письме твоём об этом пункте нет ни слова¹⁰. Почему? Убедился ли ты, что работа отсроченная еще не есть работа брошенная? Или ты вообще предпочитаешь пока заниматься специфическими курсами, не ставя на первый план своей работы? Все это темы, которые, по-моему, важнее соображений, в твоём письме выдвигаемых, очень трудно разрешить на расстоянии. Можно и нужно отважиться

лично. И поэтому я бы решил пока так: предпринять все шаги, которые нужны для Оксфорда, а затем мы уже здесь решим после твоего приезда. Письма в Оксфорд, если дело к спеху, мог бы написать Петр Бернгардович¹¹; если дело терпит, я отсюда напишу. Если этот план неосуществим и надо решать тотчас же окончательно, дай мне немедленно ответ на оба мои вопроса, без чего я окончательно решать не берусь.

Живем мы здесь превосходно. Климат у нас божественный: сидим весь день в нормальной человеческой атмосфере; можно читать, писать и думать.

Обнимаю тебя крепко.

Твой папа.

Cap d'Ail, 6 августа 1919

Дорогой Генюшок,

На вопросы мои — особенно на первый — ты дал исчерпывающий ответ, результатом которого, очевидно, может быть одно только решение: оставить тебя в Париже. Я не во всем могу следовать за твоею мыслью — отчасти по недостаточному знанию материала, отчасти потому, что мне, по-видимому, более, чем тебе, сродни неопределенный, дымчатый, «существенный» характер германской поэзии, и менее манит меня четкая — слишком для меня четкая — французская форма, заслоняющая часто второй циферблат. Но в том, что ты сказал, очень много ценного и нового для меня. Будем об этом еще думать и беседовать с тобою. Во всяком случае, для практической цели — для решения вопроса об Оксфорде — это значения не имеет, ибо меня, естественно, интересует только вопрос о том, в какой мере ты сознательно выбрал то, что тебе родственно и над чем можешь плодотворно работать. Однако у меня есть еще один вопрос или, если угодно, условие. Делать в Оксфорде то, что ты можешь делать в Париже, немисливо: нельзя там иметь ни общения с профессорами, ни кафедр парижских, ни библиотек. Это так. Но усвоить для занятий в Париже нечто из оксфордской СИСТЕМЫ, мне кажется, можно. В Оксфорде мне представлялось ценным расширение основной базы твоих познаний. Ты уже отчасти вступил на этот путь, перейдя к систематическим курсам.

Нельзя ли развить эту систему и как-нибудь комбинировать занятия в Париже так, чтобы включить в них дисциплины, имеющиеся в Оксфорде и направленные к подготовке ученых, еще до момента их специализации? Не сомневаюсь, что в Париже и кафедры соответствующие найдутся, да и без кафедры, самому можно создать соответствующую программу занятий и воплотить ее.

А затем то, с чего начался некогда разговор об Оксфорде и что беспокоит меня и маму: твоя физическая тренировка. Ты, вероятно, сам ощущаешь, в какой мере она тебе необходима, — и надо придумать способ, чтоб не на словах, не в проектах только, а на деле осуществлялось нечто наподобие того, что делали бы с тобою в Оксфорде. Ни романская, ни германская, ни англо-саксонская филология тебе в прок не пойдут при той физической вялости и сенсированности¹², которые в твоём возрасте являются результатом тяготения к физическому покою, бороться с которыми можно только принудительными физическими упражнениями. Как это сделать, решай сам, но только дай гарантии, что твои добрые намерения будут исполнены...

<...>

Обнимаю тебя крепчайше, папа

Cap d'Ail, четверг (6/8)

Дорогой Генюшок,

Задал же ты мне работу с твоим Оксфордом и Парижем. Результатом ее я доволен¹³, думаю, что процесс совершил свой полный круг и что решение принято неслучайно. Жалко, правда, потерянного времени, но оно прошло не бесплодно для самого процесса. О потере этой жалею только в том смысле, что опасаюсь, не поздно ли вообще хлопотать, удастся ли наверстать упущенное и попадешь ли ты к осеннему семестру в Оксфорд. (Кстати, не понимаю, почему, уезжая сейчас в Англию, ты расстаешься с нами «на всю зиму»? Ведь до конца октября и в Оксфорде есть каникулы? Ответь, в чем здесь дело?)

Во всяком случае, благословляю тебя на все шаги, связанные с устройством в Оксфорде. Сообщи точно: что тебе нужно. Нужно ли, в частности, письмо к Ростовцеву¹⁴. Мама

хочет написать Анне Сергеевне: она охотно тебе поможет, сама, и, если нужно, при помощи Павла Николаевича¹⁵.

Чтобы не забыть, скажу уже, что мама предлагает тебе оставить зеленое пальто Мише¹⁶, а тебе купить соответствующее пальто в Англии <...>. Видишь, как далеко мы уже ушли в сторону Англии. Говоря всерьез, хочу сказать, что решающим для меня является твое окружение. Я боялся твоего увлечения в одну сторону — сторону немедленного погружения в научную самостоятельную работу. В обратном направлении не приходится бояться таких увлечений, и потому, если ты ощущаешь необходимость учебы, — значит, так и надо.

Что касается всяких личных отношений и удовольствий, то, во-первых, насчет пребывания с нами мною поставлен тебе уже выше вопрос: мне думается, что у тебя будет промежуток для нас; но даже если не будет, то этим приходится пожертвовать; во-вторых, в Россию возвращаться тебе во вс<яком> сл<учае> скоро не придется: и для России нужны теперь люди зрелые, готовые, не недоучившиеся, а как будет на первых порах поставлена наука в возрожденной России, един Бог ведает. В-третьих, касательно Сони¹⁷ вопрос, конечно, труднее. Но не мог ли бы ты возместить ей ущерб путем корреспонденции, начав ее хотя бы теперь же? Она, кажется, способна поддерживать нить корреспонденции, если она ее заинтересует.

А пока целую тебя троекратно от имени мамы и семьи
Твой папа

Cap d'Ail, 24 октября 1919

Дорогой мой Генюшок,

Письма твои радуют меня во всех смыслах: и по изображенным в них занятиям твоим, и по твоему самочувствию, наконец, и по общему их интересу. Удивляюсь также, как ты при столь кипучей научно-общественной-спортивной деятельности посвящаешь нам столько внимания.

<...>

Из твоих сообщений мне не совсем ясно, что с тобою предполагает сделать Кутог. Как ты ни старался объяснить, я все-таки не понял, зачислен ты в старшие или нет и сокращается

ли тебе трехлетний срок для окончания курса или нет. Что касается Монтефиоре¹⁸, то история его письма вот какова. Lucien Wolf¹⁹, который должен был ехать вместе с тобою, не уехал, поняв, что Монтефиоре приезжает в Париж. Я виделся с ним в присутствии Монтефиоре и спросил, отчего он не уехал. В связи с этим он сообщил Монтефиоре, что сын у меня в Оксфорде, и Монтефиоре, который, по-видимому связан с Оксфордом, вызвался связать тебя с оксфордскими кругами. Когда я ему сказал, что ты принят благодаря стараниям Ростовцева и Виноградова, он сказал: «Ну, если он бывает у Виноградова²⁰, тогда он будет знаком с лучшим обществом Оксфорда». Мне казалось потому, что он уже позабыл про тебя, и оттого я не писал тебе. Человек он прекрасный. Кристальной чистоты, — человек, погруженный в науку (не знаю, какова его специальность, кажется, философ), горячо преданный еврейскому делу, с которым он связан и традиционно. Дед его (или отец, хорошо не знаю) был знаменитый Мозес Монтефиоре²¹, известный всему еврейскому миру работами о путях еврейства. <...>. Очень рад буду, если с ним познакомишься, хотя он отнюдь тебе не ровесник (он не моложе меня). Кстати, напиши мне о делах моих знакомых, о Виноградове и Набокове²². Ты, кажется, о них писал уже, но письма пришли в мое отсутствие (хотя, по уверению мамы, они где-то находятся в полной сохранности: письма твои мама вообще решила сохранить). Но имей в виду, что письма твои читаются не только всеми членами семьи, но и Анной Сергеевной²³ (она очень интересуется твоей судьбою), и если тебе придется писать что-нибудь поинтимнее, пиши на отдельном листке, чтобы нас не ставить в неловкое положение.

Относительно предложения Buchanan'a о переводе в Cambridge двух мнений быть не может. Не знаю точно, достаточно ли ты хорошо мотивировал свой отказ: по-моему, мотив самый простой и реальный, что начались уже занятия, которые тебя вполне удовлетворяют, и что плата в Lincoln значительно меньше, чем в других. Впрочем, теперь уже писать нечего. Не знаю, кому ты адресовал ответ; во всяком случае, нужно отдельно благодарить Набокова.

<...>

Целую тебя троекратно. Твой папа

Июль 1923

Дорогой мой Семён,

Пишу в памятный для нас день твоего первого лекции, не забываешь ты мне ответить. Все день думаю о тебе, но пишу не для того, чтобы излагать эти мысли, до этого момента, а чтобы сообщить тебе о прошедшей неделе к тебе, мой. Вечером выехали в среду, в 8 час. ушла и проводила болше не была, пригласившая нас на твой Зей-лекции (на 2^ю не пошла, так как еще в третий день в Париже). Провел с нами в Лондон и С.В. Крамер. Загребел (по совету Крамер) в Hyde-Park Hotel где захватил свой чемоданчик. В Лондон думаю проводил вечер и поспал по своим друзьям, а утром поехал к тебе и заехал до Хемпстада, а утром, сел на поезде, чтобы вернуться в Лондон. Много ты пишешь. Если ты хочешь его увидеть, сохрани. Хорошо от отлучки вночь вставать брать на себя твой милый Сема, к которому мы (особенно мама!) писали все добрую радость. Внимай сам, что нам жить в Вестминстер - у тебя или в Говингтон. Мама, конечно, была в приятнейшей обстановке к тебе, но не знаю, насколько вы это захотели и не пожелали ли вы тебе работать.

А твой прекрасный разговор от мамы и от этой посылки, что все и переживай не могу. Внимай тебе при этом. Твоя

27 февраля 1921

Дорогой мой Генюшок,

Не очень это утешительное имя подходит к эсквайру²⁴, который собирается уже через два года стать бакалавром Оксфордского университета. Но привычка: не могу другого для тебя имени усвоить... <...>

Напрасно ты так огорчился моим намерением сходить в библиотеку. Мне было бы только приятно порыться в рукописях для тебя, и я с удовольствием думал об этом. К сожалению, это не вышло — некогда было <...>.

Я по-прежнему погружен в работу и рад этому. Хочется все двигаться, двигаться без роздыха. Особенно много времени отнимает Комиссия Пред. Собрания. Задачи огромные, а людей мало. Приходится много брать на себя, тем более что нападки на нас все продолжаются, и надо всеми силами отстаивать новое соучреждение.

Ты читал, вероятно, что «Последние Новости» перешли к нам. Мне это работы почти не прибавит, т.к. Милюков явится единоличным редактором²⁵, а я согласился только вступить (точнее, дать свое имя) для демонстрации. Факт сам по себе, конечно, очень отраден: будет открытая трибуна, где можно членораздельно отвечать.

Ответственное настроение здесь сгущается: отражается несомненно черносотенный ступор около «Общего Дела» с г. Пасмаником²⁶ из «парламентского комитета» с Кедриним и прочими. На собраниях, устраиваемых здесь Карташевым²⁷, особенно мрачно выделяется, говорят, студенчество. <...> Как я рад, что тебя здесь нет, что ты так погружен в науку. Боюсь, как бы твой приезд сюда (которого очень-очень жду, считаю уже дни) не нарушил бы твоего душевного состояния.

Жизнь домашняя протекает по-прежнему. Все работают, а о главном молчат...

От дяди Арека²⁸ имел письмо. Тяжело ему — крутом ни одной родственной души — атмосфера убийственная.

Ну, обнимаю тебя крепчайше, дорогой мой.

Твой папа

13 июля 1921

Дорогой Генюшок,

Весьма недоволен твоими письмами из Парижа. Оксфорд лучше тебя настраивал. Главное, что меня интересует, это темп твоей работы. Вот уже скоро трехлетие работаешь. Каковы же виды на будущее?

Имеем мы для тебя некий проектец. С одной стороны, нас удручают сообщения о парижской жаре (36 в тени!), с другой, наше пребывание здесь по-своему знатнейшее. Ванны вообще нельзя принимать галопом, день за днем, а с передышкой через две или даже через каждую ванну. Перед началом пришлось дня три отдыхать, а затем в течение 8 дней принять 6 ванн. Но этот темп оказался для меня слишком скорым — теперь сделана была продолжительная пауза, дня на 4. Значит, мы не только к 26 июля, но и к 1 августа едва ли отсюда выберемся.

По сим основаниям, да и в некоторой мере по пристрастию к тебе, мы решили предложить тебе сделать теперь маленький перерыв в занятиях и приехать к нам сюда на несколько дней. Ввиду жары, поезжай ночью <...>.

Жара и здесь стоит приличная, но все же мы на высоте 450 метров²⁹ и среди зелени, жить можно.

До свиданья, дорогой мой. Брось на миг Тристана и даже Изольду, и приходи в наши более пожилые объятия.

Обнимаю тебя целиком,

Твой папа

<...>

15 ноября 1921 года
18, rue Gutenberg

Дорогой Генюшок,

Радостны были твои письма о ходе работы, но огорчительно то, что сообщила нам Соня о твоём теперешнем душевном состоянии, — охватившей тебя мнительности. Himmelchoch jauchzend — zum Tode betrübt³⁰. Это свойство некоторых натур и с ним ничего не поделать, да и не нужно ничего делать: нестрашно оно. Но в твоём настроении есть

одна временная, случайная черта, о которой хочу с тобой поговорить. Ты намыслил себе план окончания курса, руководимый в некоторой мере, как я понимаю, желанием поскорее стать материально самостоятельным, не быть мне в тягость. Вот это меня огорчает, и я желаю решительно против этой тенденции запротестовать. Наилучшее употребление, которое я мечтал бы сделать из имеющихся у меня средств, — это дать тебе возможность достигнуть полной и совершенной научной подготовки. Ты у меня единственный, и пока что в тебе одном вижу продолжение моей личной исконной мечты о научно-литературной деятельности. Мое материальное положение теперь — особенно ввиду поправившегося здоровья — дает мне полную возможность сделать для тебя решительно все что нужно для указанной цели и так долго, как это будет нужно. Потому ты не имеешь права делать никакого насилия над собою, ни ускорить темп событий. Если тебе нужно еще посидеть в Оксфорде, посиди и отнюдь этим не смущайся. Не знаю деталей, но прошу тебя следовать именно этому пути. А что касается чьих-то смутивших тебя соображений, будто работа твоя слишком обстоятельна и вызывает подозрения, что ты не сам ее написал (!), то я только твоей усталости и нервности могу приписывать значение, которое ты, по словам Сони, придаешь этому абсурду. <...>

Здоровье мое, несмотря на то, что в последние дни (по случаю квартиры³¹ и «Трибуны»³², судьба которых решалась на днях, пришлось выступать и волноваться), — вполне в порядке.

Обнимаю тебя крепчайше
Твой папа

20 февраля 1922 г.

Дорогой мой Генюшок,

Вернулся к домашнему очагу и зажил по-старому. Мама совсем оправилась. В доме тишина — вчера только она была нарушена толпою кадето-эсеров, явившихся на наше чаепитие. Милоков чрезвычайно доволен результатами своей поездки: успех, по его словам, блестящий. Он точно помолодел, порозовел и работоспособен, как в 20 лет. Будет читать миллион

лекций, поедет в Берлин и даже в Софию. В Софию зовет его Харватов, приехавший только что оттуда и рассказывавший вчера у нас, что там в рядах бывшей Врангелевской армии много сторонников Милюкова и «Последних Новостей». Вообще же на Балканах все черно — чернее ночи.

Доставили лишь на днях № выходящей в Петербурге «Летописи дома Литераторов», со статьями Горнфельда, Изгоева, Любви Гуревич, с передовою статьею по поводу Нового года, с отчетом о диспуте Изгоева по поводу «Смены Вех», в котором участвовали Клейман и Н.Д. Соколов. Читал запоем, не мог оторваться. Трудно изобразить душевное состояние, в котором это читаешь. Точно свое — люди те же, среда та же, видишь их живыми, а вместе с тем все как будто чужое, новое или, если угодно, старое, вновь оживающее: опять то же страшное напряжение мысли и воли, чтобы разорвать тенеты, как некогда в предрассветный 1904 год. Мечты до смешного скромны, а на достижение их затрачивается все усилие мыслящей России. Первая мечта — независимая печать, и о ней пишут так, как в доброе старое время писалось о запретной «конспирации». Все же отрадно, что что-то как будто шевелится, кора точно трескается <...>.

Сегодня утром получили по почте нечто вроде телеграммы твоей, извещающей, что «все хорошо» и что «зубрю день и ночь» <...>. Первая часть этой шарады отнесена мамою к твоему здоровью. Вторая не разгадана, ибо здесь ты говорил, что зубрить не приходится. Что же случилось? И отчего не даешь никаких сведений о твоих экзаменаторах? Пребываешь ли все в унынии? Попробуй применить максиму Толстого: «Не бойся, и не будет страшно».

Обнимаю тебя троекратно,

Твой папа

Посылаю тебе вырезанное из газеты стихотворение; скажи лишь кратко: «нравится» или «не нравится».

2 июня 1922

Дорогой мой Генюшок,

Мама все еще не отошла: все еще пребывает в восторженном состоянии и излучает его³³.

А ты, видно, уже вышел из торжественного настроения и погружен в хлопоты. По поводу этих самых хлопот мне тебе хотелось бы сказать вот что. Я очень рад закреплению за тобой осенних лекций, но, сознаюсь, не очень озабочен немедленным решением вопроса о дальнейшем. Очень хотелось бы, чтобы это дальнейшее происходило именно в Оксфорде, а не в любом английском университете. И если бы это не удалось сейчас, я не терял бы надежды, что оно случится сейчас, когда осенью будешь читать там свои лекции, когда твоя работа — в том или ином виде — станет достоянием гласности — не только в Англии, но и в твоей «Romania» здесь. Мне не хотелось бы, словом, чтобы ты быстро отчаливал из Оксфорда и в состоянии отчаяния решался на другое. Я не имею в виду никакого твоего конкретного плана — не могу его заглазно ни осудить, ни одобрить — и прошу тебя потому считаться с моими замечаниями только как с самым общим указанием. Не знаю, в частности, что точно обозначает Windstor³⁴; если, как мама говорит, это так близко от Оксфорда, что можно читать там лекции и жить даже в Оксфорде, тогда, пожалуй, разницы нет. Но, повторяю: не высказываюсь определенно ни за, ни против чего-либо. Хочу только, чтоб ты не насиловал себя и в случае сомнений помнил, что нет абсолютной необходимости решать этот вопрос немедленно.

Судя по твоему вчерашнему письму, ты предполагаешь приехать в конце будущей недели. Если так, то мы сумеем вместе поехать в Савойю³⁵, т.к. наш отъезд предполагается около 10–12 июня. Однако ты из-за этого не сокращай искусственно своего пребывания; сделай все, что тебе нужно. <...>

Сейчас только подали мне твое письмо. К удовольствию моему вижу, детально принимаешь мои предостережения по поводу Оксфорда. Очень рад, что обстоятельства идут навстречу моим пожеланиям. Что же касается до желания твоего идти вразрез с народной мудростью в вопросе о погоне за двумя зайцами, то также нисколько не желаю охлаждать

твой пыл. Дерзай. Только боюсь, что, как обычно, на всякий случай жизни имеются две народные мудрости.

Здоровье мое великолепно. О бывшем гриппе забыл и жалею только, что нельзя по сему случаю устроить тебе вторичную коронацию. Съездил бы в Оксфорд.

Обнимаю тебя крепчайше.

Твой папа.

9 мая 1923 г.

Дорогой мой Генюшок,

Пишу в памятный для нас день твоей первой лекции³⁶, не дожидаясь твоего отчета. Весь день думал о тебе, но пишу не для того, чтобы излагать эти думы, довольно однообразные, а чтобы сообщить твердое решение: едем к тебе, едем. Решаю выехать в среду, 16 мая, в 8 час. утра и пробыть больше недели — присутствовать на твоей третьей лекции (на вторую не успею, т.к. должен еще во вторник быть в Париже). Поедет с нами в Лондон и С.С. Крым³⁷. Заедем (по совету Крыма) в Hyde Park Hotel, где заказываем себе комнату. В Лондоне думаю провести четверг и пятницу по своим делам, а затем поехать к тебе и остаться до четверга, а затем, если потребуется, опять остановиться в Лондоне. Таков план. Если ты находишь его неудачным, сообщи. <...>

Я так преисполнен радостью от мысли об этой поездке, что больше и писать ни о чем не могу.

Обнимаю тебя крепко.

Папа

Hyde Park Hotel (б/д)

Дорогой мой Генюшок,

Сию и думаю: неужели это ласкательное имя применимо к тому стройному, юному профессору в тоге — образ его все носится передо мною и голос слышится. Мне кажется, что вошло в мою душу нечто, что долго будет питать ее, будет раскрываться под разными аспектами, что никогда не могло бы явиться без этого непосредственного зрительного

впечатления. Назвать это радостью — пожалуй, мало. Радость не бывает длительная, непрерывная. Тут случилось нечто большее: явился убедительный для меня, ввиду особенностей моей психики, непререкаемый источник высокого длительного душевного подъема — первый после дней нашей скорби³⁸. Что испытывает, что должен испытывать сам виновник, не знаю; но я хотел бы, чтобы он проникся верою в себя, не мелочною, конечно, самолюбивою гордынею (этого нет и не будет в тебе), а внутренним преклонением перед теми дарами духа, которые даны тебе и перед которыми блекнет все остальное, как мелкое и ничтожное. Пишет тебе это, правда, отец, любящий тебя, но вместе с тем человек довольно строгий и неподкупный в оценке явлений духа.

Иди своим путем, для меня он ясен, — пусть он будет ясен и радостен и для тебя. <...>

Очень крепко тебя обнимаю.

Папа

6 июня 1923

Дорогой мой Генюшок,

После приезда испытываю настоящий *Katzenjammer*³⁹, только заглушаемый усиленными деловыми и газетными занятиями. В чем его причина, точно не знаю: в отеческой ли гордости, которая там питалась как будто всей атмосферой (не определенными словами о тебе, а именно всем окружающим), или в том своеобразном душевном уюте, который на человека, имеющего тягу к вопросам духа, нисходит именно в Оксфорде, — все равно, как ни относиться к англичанам вообще и к оксфордским людям и порядкам в частности: это чувство стоит <...> над этнографией. Много разных мыслей шевелится в голове — большой толчок получили мозги после многих лет движения по инерции.

Сегодня получил от дяди Арека письмо с несколькими строками, относящимися к тебе (это ответ на мое письмо из Оксфорда). Оно так бесконечно трогательно и так насыщено любовью к тебе. У меня еще сильнее разгорелась страсть дать тебе его в спутники по Италии, хотя бы на один месяц. Приедет он сюда в конце июня, около 28, тебя ждем после 20. <...>

Напиши мне, пожалуйста, про нужные тебе словари, — а то боюсь, как бы Ростовцев пока из Рима не уехал. <...>

Завтра твоя пятая лекция — мысленно буду с тобой, и рад буду, если письмо это попадет в твои руки, когда усталый вернешься домой с лекции.

Обнимаю тебя крепчайше.

Твой папа

Написал ли Монтефиоре?

9 июня 1923

Дорогой мой Генюшок,

Хочу прочесть тебе отеческую нотацию. Прошу отнестись тебя с доверием и серьезно к моим словам, не как к предмету спора, а как к предмету раздумья. Огорчило меня серьезно твое отношение к инциденту с тьюторством⁴⁰ в твоём колледже. Пишешь об «ополчившихся вокруг тебя темных силах», прислушиваешься к рассказам шотландца о каких-то личных интригах, рассказываешь об этом армянину, который тебе внушает, что тут козни против иностранцев. В маленьком гнезде, как Оксфорд, где все люди друг друга знают, друг о дружку трутся (так оно везде на свете), из твоего отношения к разговорам вырастут действительные сплетни и интриги, из которых ты не выпутаешься и, к большому твоему же отчаянию, окажешься выкинутым за борт⁴¹. Такие истории в малых университетских центрах нередки. Ты к тому же знаешь, что к числу твоих талантов не принадлежит знание людей и умение легко в них разбираться. И что [те] самые люди, которые теперь тебя поддергивают и настраивают, могут даже без злой воли, а иногда по впечатлительности, иногда по безразличию, не только передавать твои слова, но и вообще оказаться не тем, что ты надеялся их видеть. Это отнюдь не парадокс, что излишняя доверчивость идет рядом с излишнею подозрительностью: в основе обоих пороков — один и тот же дефект — слабость реального мерил. Умоляю тебя потому: быть осторожнее в выводах и сдерживаться в словах. Говорю тебе это с большим убеждением, что, помимо всех приводимых мною упоминаемых соображений, считаю тебя и по существу неправым. Убаюканный совершенно

исключительным успехом, ты забываешь, что ты все-таки иностранец, что тебе только через 10 дней исполнится 24 года и что как-никак у тебя нет еще ни одного почетного крупного научного труда — обычного мерил для профессорской деятельности.

Нет ни одной страны и ни одного университета в мире (говорю со всей убежденностью), чтобы при таких условиях отнеслись к тебе так, как отнеслись в Оксфорде. Ни во Франции, ни в Германии, ни в России — ни в одной стране со сколько-нибудь организованным университетским укладом. А ты вот из-за мелочей все это общее и главное забываешь: меняешь «ориентацию», озлобляешься. Да и вот этот самый колледж твой, на который ты, под влиянием всякого вздора, так озлобляешься, ведь он же хлопочет, а не кто иной, о твоём университетском содержании, — и я не вижу, по совести, ничего зазорного в том, что господа fellows⁴², слыша, что из нескольких придуманных ректором способов один налаживается (ты сам пишешь, что уверен в успехе), постеснялись устранить ради тебя старого тьютора. И то, что они не специалисты, скорее служит в моих глазах оправданием, чем обвинением. Считал ли бы ты более добросовестным и более человечным, если бы они, не зная предмета, ответили старому тьютору, что ты более годен, чем он? Они (т.е. гл. образом ректор) дают тебе дорогу, доверяясь твоему успеху, своей симпатии к тебе (она для меня несомненна), но не устранив пока других. И то я далеко не уверен, не решились бы они и на этот, несомненно тяжелый, шаг, если бы им не сказали, что есть другой способ удовлетворить тебя. Да и насколько я понимаю с самого начала, придуманные ректором способы всегда понимались альтернативно, а не кумулятивно⁴³.

Все эти положительные стороны отношения к тебе ты забываешь под влиянием мелких полуистерических историй. И незаметно для себя подрезаешь тот сук, на котором сидишь. Это бабье настроение необходимо бросить. Следуя ему, ты и сам вскоре втянешься и будешь втянут обесчещенным в сеть провинциальных групп и кружков, друг с другом враждующих. И уже здоровым не выпутаться. Потому конечный совет мой: принимай все эти мелочи хладнокровно — отмежай и во всяком случае храни все про себя. Не прислушивайся к рассказам и не передавай их дальше.

Испорчен ты еще тем, что имеешь около себя человека такой исключительной душевной красоты как Карлейль. По нем ты меришь других. Но знай: глядеть вверх надо, когда ты судишь себя, а когда судишь других, надо глядеть вниз. Взгляни на противоположную ступень лестницы — на нашего земляка Виноградова — и с нею сравни все средние ступени: и ректор, и fellows, и даже ректоршу. А ведь Виноградов еще не «преступный» тип и не исполнен какой-нибудь личной злобы к тебе: просто холодный, безразличный к чужому благу человек.

Карлейль — человек редкий не в одном Оксфорде — подвергается действительным преследованиям и переносит их, по-видимому, так, как они того заслуживают: не волнуясь, не ссорясь и не опускаясь до сплетнической атмосферы. Только при этом условии можно невозмутимо витать в сфере духа. И очень-очень советую тебе: в минуты колебаний и искушений, среди житейских дрязг, заглядываться на этот образ и следовать его примеру.

А про себя скажу: если даже провалится университетское жалование и монтефиоровская история, я буду страшно доволен достигнутыми тобой результатами — только бы ты стряхнул с себя этот не идущий к тебе налет мелкой подозрительности и бодро глядел бы вперед.

Обнимаю тебя крепко, папа

12 декабря 1925

Дорогой мой Генюшок,

Сажусь за единственное, быть может, в жизни моей эпическое повествование. Эпос мой будет иметь предметом точное описание защиты докторской диссертации в Сорбонне⁴⁴.

Событие имело место сегодня. Для присутствия на оном снаряжена была специальная экспедиция в составе мамы и меня. У входа в помещение нас встретили Леля и Соня⁴⁵, считающие себя как бы хозяевами Сорбонны (кстати, Леля сегодня исполнил все нужные формальности, представил бумаги, и ему сказано было: *tout est en ordre*⁴⁶). Проводили нас в очень красивый длинный зал (*salle des thèses* или *salle Liard*), увенчанный портретами Декарта, Паскаля, Боссюэ, Мольера,

Корнеля, Расина и Ришелье, смахивающий в некотором смысле на зал Lincoln Collège'a, в котором ты читал лекции. В углублении — под огромным портретом Ришелье — полукруглый стол, за которым восседает жюри, а впереди — небольшой столик с графином воды, стаканом и сахарницей с сахарным песком (как предусмотрительно!). За этот стол садится диссертант лицом к круглому столу и к Ришелье и спиной к публике, сидящей на скамейках, амфитеатром поднимающихся к выходу. В костюмах никакой торжественности: профессора в пиджаках и жакетах; диссертант в жакете.

К защите представлены были две тезы о Монтене. Одна: «Le vocabulaire et grammaire de la Montaigne», другая — «Montaigne, traducteur de Raymond Sebond» (или Sebon)⁴⁷.

Которая из них главная, а которая дополнительная, я не знаю, но обсуждались они в указанном порядке. Перед каждой из них председатель предлагает диссертанту изложить «brièvement, dans 15–20 minutes à peu près»⁴⁸ то, что он изложил в своей тезе или что хотел бы прибавить. В начале председательствовал декан Brunot, являвшийся и первым оппонентом. Окончив свои возражения, он ушел и передал председательствовать Jeanгоу, который оставался до конца. По первой тезе были, кроме того, оппонентами твои же оппоненты, Jeanгоу и Hugnet; должен был быть и третий твой оппонент, Thomas, но он заболел и заменил его Michaut. По второй тезе оппонентами были Strovsky, Chamard и Gilson. Между обоими тезами (примерно около 3 часов) делается перерыв минут на 20, чтоб дать диссертанту «se reposer»⁴⁹. Но, по правде сказать, отдыхать не от чего. Вся soutenance производит впечатление состязания певцов, по ту сторону стола сидящих, а отнюдь не нападения на подсудимого, против них сидящего. И когда этот подсудимый обладает хладнокровием и на редкие обращенные к нему вопросы либо вовсе не отвечает, либо отвечает полусловами, певцы заканчивают свои роли, крайне собой довольные, и ровно через пять минут выносят диссертанту степень доктора.

Переходя от эпики к лирике, должен сказать, что мною владело чувство изумления и сожаления, когда я глядел на диссертанта: ни одного своего положения не защитил, почти ни на один вопрос не ответил. А вот меньше чем в 5 минут признали годным докторского звания и даже «avec mention

honorable»⁵⁰. Вообще говоря, вся обстановка произвела на меня отличное впечатление. Возражения были очень деловитые и делались в форме в высшей степени галантной. Ничего похожего на наши российские бои. Просто беседа, вероятно, вроде той, которую ты вел при защите своей диссертации в Оксфорде. Говорят все (в том числе и подсудимый) сидя, встают все только на минуту, когда председательствующий объявляет решение: «la faculté après avoir examiné vos thèses a décidé de vous accorder le degré de docteur es lettres»⁵¹. Я назвал это беседою; но и это много. Ответы диссертанта как будто не являются даже обязательною частью ритуала: захочет — вступит в игру, не захочет — не надо. Просто шесть речей, более-менее интересных, и иногда несколько толковых фраз диссертанта. Это, конечно, не доказывает, что, если диссертант имеет сказать нечто интересное — его не будут слушать. Вероятно, наоборот. Оно доказывает только, что для получения степени безразлично, будет ли он говорить и жестоки ли будут его оппоненты. (Сегодня, как я сказал, возражения были очень основательны.) В частности, о твоих будущих оппонентах скажу: Jeanroу, при внешности живых мощей, однако, очень мил; во время диспута, видимо, очень заинтересован предметом и очень приятно возражает, без малейшей доли упрямства и самолюбия. Очень мило даже председательствует: после вступительной речи перед второю тезою благодарит диссертанта за его «exposé sobre et précis»⁵². Это exposé, длившееся около 25 минут, было, видимо, написано на листочке, лежавшем перед оратором, но говорил он его изустно, лишь иногда переворачивал листочки. Второй оппонент, Hugnet, начал с того, что читал тезу в рукописи, признав ее достойной степени (un travail estimable)⁵³, и остается при этом мнении и сейчас, хотя имеет сказать ряд «objections»⁵⁴. Этих objections было очень много (ни одно из них не было опровергнуто диссертантом), — в конце он резюмировал свои возражения, сказал даже, что автор читал, конечно, Montaign'я и читал и книги о нем, но совершенно не ознакомился с писателями, современными Монтеню и его предшественниками, что без этого нельзя писать о грамматике и vocabulaire⁵⁵, но и после этого закончил свою речь комплиментом о «travail estimable» и проч., и проч. Не знаю, видел ли ты когда-нибудь Hugnet. Это человек очень

крупной наружности — розовые щеки, седая голова и такая же борода, — видно, большой знаток языка, очень точный в своих мыслях, но отнюдь не придирчивый. Не знаю, выздоревает ли твой Thomas, — он только вчера заболел; но заместитель его, Michaut, совсем bon enfant⁵⁶. Сравнительно еще молодой, крупный, черный мужчина, испытывающий, по видимому, больше страстей при нападении, чем подсудимый при защите.

Вот все впечатления. А теперь кульминация. Вчера еще мы говорили с Мочульским⁵⁷, который говорил, что при защите нужно быть «concilient»⁵⁸, не очень упорствовать. Сегодня я все это воочию увидел и хочу тебе преподать несколько советов, вроде тех, которые Полоний дает Лаэрту⁵⁹. Вот эти полониевские максимы в применении к защите тезы:

1. Все люди желают быть правы.
2. Иные любят больше истину, чем свою правоту, но и это сорт редкий.
3. Потому нужно отстаивать свое мнение грациозно, не впадая в азарт и, главное, не уничтожая противника.
4. Отстаивать свое мнение надо единожды, и если ответ не удовлетворяет оппонента, надо не углублять спора, а легким оборотом переходить к очередным делам, а если этого нельзя, то промолчать.
5. Вся процедуру нужно воспринимать в высшей степени хладнокровно <...>.
6. Взирать вперед на все происходящее как на комедию архаического происхождения, являющуюся приятным дивертисментом между двумя трудовыми периодами.

Кстати, о дивертисменте. Имелся таковой у твоих родителей на сегодняшней репетиции. Представь себе: я, раздеваясь, сунул куда-то шляпу, а когда хватился, ее не было на том месте, где должна была быть. Мы были уверены, что кто-нибудь утащил ее.

Как вернуться без шляпы? С мамой, при мысли от той картины, случился истерический припадок смеха — была опасность, что удалят ее из зала. Лели и Сони уже не было (они ушли на свои лекции). Что тут было делать? Мама побежала на улицу и купила мне заглазно новую шляпу. Так как смех ее душил и вдобавок ей нужно было отправиться на концерт⁶⁰,

то она оставила меня с новой шляпой и ушла. А через пять минут нашлась старая шляпа, и я вернулся домой с двумя шляпами. А мама, оказывается, полконцерта не могла слушать из-за душившего ее смеха. И теперь все, не уставая, смеются.

Веселая была *soutenance* — хорошее предзнаменование⁶¹: выкинем нечто в таком роде и на твоей.

Обнимаю вас обоих крепчайше

Папа

Ф.И. Родичев⁶² — Е.М. Винаевру

9 февраля 1926 г.

La Paisible,

Pully (Vaud)⁶³

Дорогой Евгений Максимович,

От всего сердца благодарю Вас за присылку мне книги о Тристане. Очень ценю Вашу память, и очень ценим самую книгу. Она напомнила мне годы моей ранней юности, когда о Тристане и Изольде читал в учебниках немецкой литературы. Я тогда очень интересовался этими сагами.

Очень радуюсь Вашим успехам и думаю, что Вы в будущем расширите круг Ваших изучений не только французко-английских, но и немецко-франко-английских.

Не переводили ли иные их этих сказаний в славянские литературы — немецкие, например?

Я радуюсь Вашим заграничным успехам, но не хочу отказаться от надежды, что результаты Ваших изучений Вы когда-нибудь будете сообщать и русской молодежи...

Примите приветы мой и жены моей и передайте его и Вашим родителям, и Вашим сестрам.

Искренно преданный, Ф. Родичев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Максим Моисеевич Винавер родился в состоятельной еврейской семье в Варшаве и закончил юридический факультет Варшавского университета. Его деятельность отличается преданностью

идеям демократии, либерализма и гражданского равенства, что отразилось, в частности, в активном участии в «Обществе для распространения просвещения среди евреев», в созданном им «Еврейском историко-этнографическом обществе», в редакции журнала «Восход» (единственном еврейском периодическом издании на русском языке), а также в участии в издании альманаха «Еврейская старина».

² Наше правительство: Крымские воспоминания 1918–1919 гг. Париж, 1928.

³ «Роман о Тристане и Изольде в произведениях Томаса Мэлори» (*фр.*).

⁴ См. подробнее: *Winaver H.M. The Winaver Saga. London, 1994. P. 166–194.*

⁵ *Ibid.* P. 10.

⁶ Некоторые бытовые детали и подробности личного характера опущены, пропуски отмечены многоточием в угловых скобках.

⁷ Имение на средиземноморском побережье в Cap d'Ail, неподалеку от г. Вильфранш (Villefranche) и Ниццы. Оно было приобретено М.М. Винавером еще до эмиграции вследствие частых поездок за границу. После прибытия семьи Винаверов во Францию весной 1919 г. оно стало их первым местом жительства, в нем находили приют многие русские эмигранты.

⁸ Уменьшительно-ласкательное от «Геня, Евгений, гений», как М.М. Винавер называл сына.

⁹ В этот момент двадцатилетний Евгений, записавшись на филологический факультет Сорбонны, сомневается в правильности своего выбора и все более склоняется к желанию обучаться в Оксфорде, где надеется оказаться ближе к кельтским источникам интересующей его легенды о Тристане и Изольде.

¹⁰ Ответные письма Е.М. Винавера пока не обнаружены.

¹¹ Струве, Петр Бернгардович (1870, Пермь — 1944, Париж) — общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, социолог, философ, участвовавший совместно с М.М. Винавером в либеральном движении в России в начале века. Евгений Винавер был дружен с его сыном Глебом Петровичем Струве (1898–1985) со школьной скамьи в Санкт-Петербурге и в годы параллельного обучения в Оксфорде. Они также совместно участвовали в международных съездах, в частности, в Белграде в 1967 г.

¹² Чувствительности (от *фр.* sensibilité).

¹³ Е.М. Винавер был принят в Lincoln College при Оксфордском университете.

¹⁴ Ростовцев, Михаил Иванович (1870, Киев — 1952, Нью-Хейвен) — русский и американский (в эмиграции) историк античности. Специалист по социально-экономической истории Древнего Рима и эллинизма, а также по античному Причерноморью. Автор науч-

ных и популярных работ, публицист. Академик Российской и Берлинской академий, профессор Санкт-Петербургского и Йельского университетов, почетный доктор. Близкий друг М.М. Винавера в Петербурге, с которым он впоследствии основал русское отделение в Сорбонском университете. См.: *The Winawer Saga*. Op. cit. P. 386.

¹⁵ Речь идет о супругах Милоковых, друзьях семьи. Павел Николаевич (1859, Москва — 1943, Экс-ле-Бен) — известнейший политический деятель, историк и публицист, с которым М.М. Винавер выступил одним из основателей партии кадетов. С 1916 г. П.Н. Милоков стал почетным доктором Кембриджского университета. Его супруга Анна Сергеевна (1861–1935, Париж), дочь ректора Московской духовной академии, была близка супруге Максима Моисеевича Розе Георгиевне Винавер (1872, Москва — 1951, Париж) еще в России, в ее салоне встречались виднейшие общественные деятели, юристы и литераторы. Роза Георгиевна живописно описала эти вечера. См.: *Винавер Р.Г. Воспоминания / подготовка к печати и комментарии В.Е. Кельнера и О.А. Коростелева // Архив еврейской истории*. Т. 7. Под ред. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012. С. 11–134.

¹⁶ Михаил Максимович Винавер (1906–1920) — младший брат Евгения, умерший несколько месяцев спустя от заражения крови в возрасте 14 лет.

¹⁷ София Максимовна Винавер (1904, Санкт Петербург — 1964, Париж) — сестра Евгения, ставшая, по стопам М.М. Винавера, доктором юридических наук, крупным адвокатом. Во время Второй мировой войны была юридическим советником при Комитете сопротивления генерала Шарля де Голля; с 1946 г. заняла пост секретаря комиссии по статусу женщин при ООН.

¹⁸ Монтефиоре, Клод Джозеф Голдсмид (1858–1938, Лондон) — еврейско-английский религиозный мыслитель, писатель, внучатый племянник сэра Мозеса Монтефиоре.

¹⁹ Lucien Wolf (1857–1930, Лондон) — еврейско-английский журналист, историк, дипломат, адвокат по защите прав евреев и других притесняемых народов. См. об их сотрудничестве с М.М. Винавером: *The Winawer Saga*. Op. cit. P. 387–390.

²⁰ Виноградов, Павел Гаврилович (1854–1925) — историк-медиевист и правовед, ученик В.И. Гурье, профессор Императорского Московского университета, посвятивший свою диссертацию «Исследованиям по социальной Англии в Средние века» (1887). С декабря 1903 г. — профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. Сохранил связи с Московским университетом, почетным членом которого стал с 1916 г. В начале 1917 г. удостоен звания рыцаря Англии. В 1918 г. стал британским подданным.

²¹ Монтефиоре, Мозес Хаим (Sir Moses Haim Montefiore; 1784, Ливорно, Италия — 1885, Рамсгит, Великобритания) — один из известнейших британских евреев XIX в., финансист, общественный деятель.

²² Набоков, Владимир Дмитриевич (1869, Царское Село — 1922, Берлин) — юрист, политический деятель, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии. Отец писателя В.В. Набокова. Сотрудник М.М. Винавера по работе кадетской партии в России и деятельности Второго Крымского краевого правительства, в котором Винавер был министром внешних сношений, а Набоков — министром юстиции. В эмиграции Набоков и Винавер сотрудничали, в частности, в издаваемом Милюковым журнале «The New Russia», выпускавшемся на английском языке русским эмигрантским Освободительным комитетом.

²³ А.С. Милюковой. См. примеч. 15.

²⁴ Esquire (от *лат.* *scutarius* — «щитоносец») — почетный титул в Великобритании (первоначально, в раннем Средневековье, этим титулом награждался оруженосец рыцаря).

²⁵ Милоков редактировал «Последние новости», одно из самых читаемых эмигрантских периодических изданий, начиная с апреля 1921-го по июнь 1940-го. В 1923 г. М.М. Винавер создал при его участии газету «Звено», сначала как еженедельное литературно-политическое приложение к «Последним новостям», а затем как самостоятельный еженедельный журнал.

²⁶ Пасманик, Даниил Самойлович (1869, Гадяч — 1930, Париж) — русский публицист и общественный деятель еврейского происхождения, врач, приват-доцент медицинского факультета Женевского университета (1899–1905), деятель сионистского движения. Во Франции с 1919 г. Редактор (вместе с В.Л. Бурцевым) газеты «Общее дело».

²⁷ Карташёв, Антон Владимирович (1875, Пермская губерния — 10 сентября 1960, Ментон) — последний обер-прокурор Святейшего правительствующего синода; министр исповеданий Временного правительства, богослов, историк русской церкви, церковный и общественный деятель. В эмиграции с 1919 г. Председатель Русского национального комитета в Париже; участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Вместе с Сергеем Мельгуновым был одним из редакторов и идеологов парижского еженедельника «Борьба за Россию». Преподавал русскую историю на историко-филологическом факультете русского отделения Парижского университета.

²⁸ Артур Винавер (1869, Варшава — 1942, Треблинка), брат М.М. Винавера. Тяжесть атмосферы в доме связана с недавней утратой Михаила (см. примеч. 16), подававшего большие надежды,

в частности, обладавшего ярким писательским талантом (см.: The Winawer Saga. Op. cit. P. 167). В утешение родителям София Винавер-Гринберг называет своего первенца Михаилом (род. в 1927 г.), он станет всемирно известным драматургом. В его пьесе «Par-dessus bord» («За борт») один из персонажей напоминает о трагической судьбе «дяди Арека», погибшего в лагере смерти Трехлинка.

²⁹ Письмо написано из нового фамильного имения в Menthon-Saint-Bernard в Верхней Савойе (Haute Savoie), куда семья переехала по совету французских врачей М.М. Винавера, страдающего от сердечных приступов. Продажа имения в Cap d'Ail позволила приобрести живописную усадьбу на берегу озера Анниси (Annecy), где у Винаверов часто останавливалась, в частности, художница Зинаида Серебрякова, написавшая портреты некоторых членов семьи. В этом имении Максим Моисеевич мирно скончался 10 октября 1926 г. во время прогулки в саду.

³⁰ На седьмом небе — опечален до смерти (нем.). Фраза, употребляемая в психологии для обозначения биполярного расстройства, когда фазы глубокой депрессии сменяются преувеличенной эйфорией.

³¹ Винаверам удалось приобрести квартиру в 16-м округе Парижа на ул. Eduard Fournier. Она стала, по воспоминаниям Нины Берберовой, одним из культурных центров русского Парижа, подобно квартире-салону Винаверов в предреволюционном Петербурге на ул. Захарьевской. В новом парижском салоне встречались разные поколения русской эмиграции, от Милюкова, Мережковских и Бунина до молодых поэтов «парижской ноты» и неизвестных читателей «Звена» и «Еврейской трибуны».

³² В этот период М.М. Винавер активно участвует в издании журнала «Еврейская трибуна», выходившего на русском, французском и английском языках. См.: The Winawer Saga. Op. cit. P. 393.

³³ Письмо написано пять дней спустя после вручения диплома бакалавра по литературе в Оксфорде. См. фото Е.М. Винавера и Р.Г. Винавер (27 мая 1922 г.). М.М. Винавер не смог присутствовать на церемонии из-за болезни.

³⁴ Город на юго-востоке Англии, в 60 км от Оксфорда.

³⁵ См. примеч. 29.

³⁶ После получения оксфордского диплома бакалавра Е.М. Винаверу предложена должность лектора по французскому языку и литературе Линкольнского колледжа, где он преподавал вплоть до 1928 г., параллельно с чтением лекций в Оксфордском университете.

³⁷ Крым, Соломон Самуилович (1867, Феодосия – 1936, Тулон) — премьер-министр Крымского краевого правительства. В 1919 г. эмигрировал во Францию, где участвовал в правлении Крымского

землячества и деятельности парижской группы Партии народной свободы.

³⁸ Вероятно, аллюзия на смерть сына Михаила. См. примеч. 16, 28.

³⁹ Похмелье (*нем.*).

⁴⁰ От *англ. tutor* — наставник. Исторически сложившаяся в Англии особая педагогическая должность: к новичкам — студентам в первые годы обучения — приставляется куратор из более опытных студентов и профессоров.

⁴¹ Интересно, что внук Максима Моисеевича и племянник Евгения Максимовича Мишель Винавер написал в 1969 г. пьесу под названием «За борт» (*«Par-dessus bord»*), где описал схожую ситуацию на материале производственных отношений работников современного предприятия. «За бортом» оказываются большинство персонажей — «сокращенных», не выдержавших конкуренции с «современными технологиями» и т.п. См.: *Викторова Т.* «За борт» Мишеля Винавера: диалог с Борисом Шлецером // Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией. *L'œuvre de Michel Vianver: entre la France, L'Amérique et la Russie.* М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 168–185.

⁴² Товарищи, одноклассники (*англ.*).

⁴³ Суммарно, методом накопления (от *лат. cumulatio*).

⁴⁴ Евгений Винавер продолжил свое обучение в Сорбонне, где предоставил в 1925 г. на соискание докторской степени сочинение «*Le Roman de Tristan et Iseut dans l'œuvre de Malory*» (см. примеч. 4). М.М. Винавер накануне защиты сына посетил две описываемые в письме защиты для ознакомления с особенностями французского академического ритуала.

⁴⁵ Дочь Софья Максимовна и Лев Адольфович Гринберг (Лёля), поженившиеся в этом году. Лев Адольфович (1900, Киев — 1981, Париж), сын эмигрантов, станет известным парижским библиофилом и антикваром. Он, в частности, открыл в Париже антикварный магазин «*A la vieille Russie*», продолжив семейное дело Золотницких-Гринбергов, начатое в Киеве. Магазин быстро превратился в картинную галерею и культурный центр русской эмиграции.

⁴⁶ Все в порядке (*фр.*).

⁴⁷ «Лексика и грамматика у Монтеня», «Монтень, переводчик Раймонда Себонда».

⁴⁸ Коротко, примерно за 15–20 минут (*фр.*).

⁴⁹ Отдохнуть (*фр.*).

⁵⁰ Почетным доктором (*фр.*).

⁵¹ По результатам ознакомления с представленными трудами факультет присуждает вам искомую степень доктора филологических наук (*фр.*).

⁵² Краткое и точное выступление (*фр.*).

⁵³ Достойный труд (*фр.*).

⁵⁴ Возражений (*фр.*).

⁵⁵ Лексике (*фр.*).

⁵⁶ Добряк, славный малый (*фр.*).

⁵⁷ Мочульский, Константин Васильевич (1882, Одесса — 1948, Камбо) — литературовед, переводчик; в эмиграции — преподаватель русского языка и литературы в Сорбоннском университете, автор «духовных биографий» Гоголя, Достоевского, Владимира Соловьева и Андрея Белого.

⁵⁸ Покладистым, сговорчивым (*фр.*).

⁵⁹ См.: *Шекспир В.* Гамлет. Акт I, сц. 3.

⁶⁰ Роза Георгиевна входила в Совет Российского музыкального общества за границей. В архивах Б.Ф. Шлецера (Витебск, 1881 — Париж, 1969) сохранились ее письма, описывающие парижскую музыкальную жизнь, в частности, концерты талантливой русской пианистки Ирины Энери.

⁶¹ Soutenance (защита) прошла блестяще, судя по последовавшему стремительному развитию карьеры Е.М. Винавера. Диссертация в этом же году опубликована в престижном французском академическом издательстве Champion.

⁶² Родичев, Фёдор Измайлович (1854, Петербург — 1933, Лозанна) — российский политический деятель. Член Государственной думы I, II, III и IV созывов (1906–1917). Друг и соратник Максима Моисеевича в петербургский период его работы, он разделил с семьей Винаверов этапы беженского существования в Крыму и Греции и поддерживал с ними связь из Швейцарии, где развернулась его собственная деятельность в эмиграции.

⁶³ Город на побережье озера Леман (Léman) в Швейцарии.

*Подготовка текста, предисловие и комментарии
Татьяны Викторовой*

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Мишель Никё

«Неизреченное»:
Мистический опыт Юлии Данзас

Среди богоискателей Серебряного века Юлия Николаевна Данзас (Афины, 1879 — Рим, 1942) занимает уникальное место. Внучатая племянница секунданта Пушкина при его последней дуэли, Юлия Данзас восходит к ветви французского дворянского рода, нашедшей убежище в России после революции, а по материнской линии к знатному византийскому гуманисту XV века Иоанну Аргиропулу. Отец, поверенный в делах русского правительства в Греции, издав в Париже в 1887 году на французском языке «Естественную историю верования» («*Histoire naturelle de la croyance*», под псевдонимом U. Van Ende) — вера с материалистической точки зрения, — покончил с собой в 1888 году. В неизданной автобиографии 1934 года Юлия Данзас пишет об этой драме, которая во многом определила ее духовный путь:

«Чем больше он [отец] углублялся в материалистическую догму, тем больше он видел ее несостоятельность: он терял свою “научную веру” и другой веры не знал. От жуткой пустоты ума жизнь опостылела ему, и эта внутренняя драма, в тайну которой никто, даже моя мать, не был посвящен, кончилась самоубийством. От нанесенной себе раны отец выжил еще час, и в своей агонии он взывал к тому Богу, Которого он не знал, умолял мать молиться

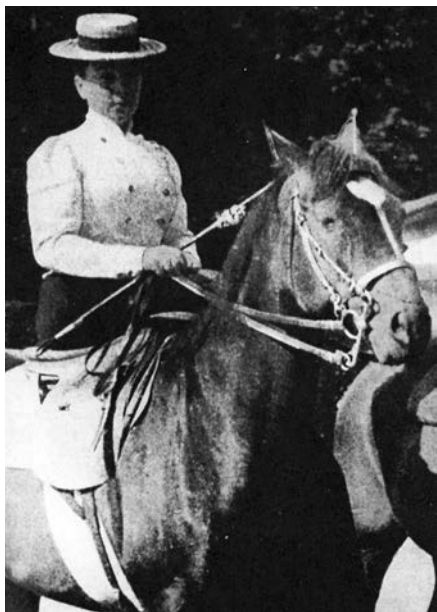
за него. “Скажи детям, чтобы они за меня молились!” Поспешно вызванный священник не успел прийти вовремя. Мне тогда было чуть ли не восемь лет; я была младшая и любимица отца. Прежде чем нанести себе смертельный удар, он пришел в мою спальню, сел на мою кроватку, удалив няню, очень удивленную этим ночным визитом. Я проснулась; отец взял меня в свои руки и долго всматривался в мои глаза. Это был такой глубокий, такой напряженный взгляд, что я смутно догадалась о чем-то, мне непонятном. Не было произнесено ни одного слова, и я снова уснула, не подозревая ужасную драму, которая происходила дома. Я никогда не смогла забыть этот взгляд; много позже, когда я в свою очередь испытала муки сомнения и беспомощного поиска истины, я поняла, что в этом неомощном прощании с любимым дитятей отец завещал мне последнее усилие своей мысли.

Моя мать, разбитая смертью моего отца и смертью старшего брата (унесенного скарлатиной спустя два месяца), покинула Петербург и поселилась на несколько лет в деревне, в нашем имении на юге России. Врачи предписали это долгое пребывание в деревне для моего брата Жака [Якова] (единственного оставшегося в живых), который имел слабое здоровье. Мой брат учился дома, и я училась вместе с ним, несмотря на то что я была моложе него на три года. Благодаря этому обстоятельству я получила образование, намного превышающее то образование, которое обычно получают девушки. Я училась латинскому, греческому языку, получила полные подготовительные знания к юридической карьере, которую хотел предпринять мой брат. Учеба меня страстно увлекала; к тому же я была жадна к чтению, и в моем распоряжении была огромная библиотека, накопленная пятью поколениями больших любителей чтения. Мое чтение практически не контролировалось: моя мать удовлетворялась тем, что крепко заперла шкаф с современными романами; в остальном она предполагала, что девочку вряд ли могли привлекать “толстые неудобоваримые фолианты”, которые она сама ни разу не открыла. Именно эти “фолианты” я и глотала с увлечением. В 15 лет я уже прочитала всех историков, от классиков античности до XIX века, всех

философов, и в особенности материалистов XVIII века: Вольтера, Руссо, Юма, Монтескье, — все прочла, вплоть до Большой Энциклопедии! К счастью, крепкое здоровье предохраняло меня от всякого болезненного любопытства: безнравственность XVIII века скользила по мне и не интересовала меня; я даже не старалась выяснять то, что мне казалось позорным и омерзительным. Но, если моральный дух остался неиспорченным, ум подвергся глубокому отпечатку того потока атеизма, которым я упивалась. Ничто не противостояло этому влиянию. Не было никакого религиозного воспитания, как это обычно бывает в России, в моей семье и в ее окружении соблюдали некоторые религиозные обряды, как пасхальное причащение, придавая ему лишь значение традиционного обычая, обязательного для лиц “хорошего общества”. Для моего гордого молодого ума христианство казалось

бабьим суеверием, которому уступали временами по традиции и по снобизму.

Мне было 16 лет, когда мне случайно попала в руки “Исповедь” св. Августина; я сначала пробежала ее без интереса, сопоставляя ее стиль с красивой латинской прозой классиков, но вдруг эта книга меня увлекла. Она открыла мне неведомые горизонты. Впервые в моей жизни я увидела, что христианство — великая философская система, прямо приступающая к рассмотрению проблемы зла и других мучительных вопросов человеческой мысли;

*Юлия Данзас в молодости.
Из книги дьякона Василия ЧСВ (фон Бурмана) «Леонид Федоров. Жизнь и деятельность» (Рим, 1966)*

я увидела, что эта философская система могла удовлетворять великих мыслителей. Новый мир открылся мне, и я решила изучить христианство с точки зрения философии и истории.

Я сначала обратилась к русским священникам, но получила только неопределенные или детские ответы. Надо было искать другое. Исторические занятия, которым я всецело предавалась, меня научили исследовательскому методу возвращения к источникам. Итак, я взялась за источники христианства. У меня было много карманных денег, которые я тратила в основном на книги; я купила творения Отцов Церкви и их читала беспорядочно. Но две книги произвели на меня большое впечатление: творения св. Василия Великого и св. Иустина Философа. Я увидела, что христианская догма развивала, уточняла их, гениальные интуиции платонической философии. Какими далекими и глупыми мне показались глумления Вольтера! Но я еще не была христианкой. Я восхищалась глубиной христианской мысли, но сердце оставалось немым, Иисуса я не знала. И в течение лет 15 я барахталась в мучительном агностицизме, в поисках истины, которая казалась мне неуловимой. Часто, как во сне, я чувствовала на себе прощальный взгляд моего отца, который я теперь понимала. Этот взгляд побуждал меня найти то, что мой отец тщетно искал»¹.

«Бурная, многогранная, всесторонне-богатая жизнь»

Духовный поиск Юлии Данзас длился долго и прошел через несколько этапов: чтение «Жизни Иисуса» Ренана, благодаря которому «она впервые почувствовала, чем Христос является для христианства, остававшегося у нее в области отвлеченных умозрений»², эссе о «Запросах мысли» (книга издана в Москве в 1906 году под псевдонимом Ю. Николаев; переиздана в 1908 году), исследование о гностических течениях (В поисках за Божеством: Очерки по истории гностицизма. М., 1913), вступление в орден мартинистов, член-корреспондент Лондонского общества психических исследований, занятия в Париже с крупными историками религии

(Л. Дюшен, А. Люшер), знакомство с проф. А. Гарнаком, поездки в Италию по художественным центрам маленьких итальянских городков и по следам св. Доминика и св. Франциска Ассизского, прием (общий) у папы Пия X (в 1909 г.), посещение всех известных православных монастырей (одевшись крестьянкой), заведование благотворительными заведениями императрицы Александры Федоровны в качестве ее фрейлины (с 1907 г.), посещение право-монархических петербургских салонов (где она познакомилась с русскими иерархами) и религиозно-философского общества (и то и другое вызвало разочарование), предсказание старца о. Алексея [Соловьева; 1846–1928] в Зосимовой пустыни в январе 1914 года («Крепись, много предстоит, тяжелый путь, кровавый путь, Господь поддержит...»), заведование полевым подвижным складом Красного Креста при 10-й армии с начала войны и с 1916 года героическое участие в боях в чине урядника казачьей сотни (награждена Георгиевским крестом), учреждение (в 1918 г.) Союза соборной премудрости с целью найти или вновь обрести «тот путь, который приведет к Единому Синтезу всех чаяний человеческого духа», работа научным сотрудником в отделениях культов и инкунабулов Публичной библиотеки, лекции в Вольной философской ассоциации и, наконец (после смерти матери), в ноябре 1920 года, присоединение к католицизму в церкви св. Екатерины с выбором восточного обряда (по настоянию о. Леонида Федорова, экзарха русских католиков, который «неповинен» в ее обращении к католицизму, но сделался ее духовным отцом), основание монашеской общины Святого Духа в трехкомнатной ее квартире на Петроградской стороне вместе с Екатериной Александровной Башковой, машинисткой в строительной конторе (в сентябре 1921 г.), постриг в марте 1922 года (под именем Юстины), «активное сопротивление» антирелигиозной политике большевиков.

Последовали арест (11 ноября 1923 г.) вместе с другими русскими католиками, 8 лет тюрьмы (в Иркутском политизоляторе) и лагеря (на Соловках с 1928 г. и на ББК), досрочное (по ходатайству М. Горького и Е. Пешковой) освобождение в январе 1932 года, эмиграция в 1934 году (из Берлина брат выкупил ее), работа в качестве доминиканки-терцианки в журнале доминиканского центра «Истина» по изучению

России «Россия и христианский мир» (Russie et chrétienté), для которого она пишет (в 1934–1939 гг.) статей двенадцать об истории христианства в России и о православном богословии (с осуждением софиологии о. С. Булгакова и др., религиозного национализма, дуалистических и протестантских влияний, которые мешают, по ее мнению, православию быть «кафолическим», каким оно было искони). Она также публикует (анонимно) первое свидетельство женщины о лагерях — «Красная каторга», составляет подборки советской прессы о положении молодежи, рабочих, женщины, интеллигенции в СССР и пишет около 200 рецензий на книги и статьи о России и СССР. В 1939 году она переселяется в Рим, где кардинал Тиссеран заказывает ей опровержение антирелигиозной советской пропаганды («Католическое богопознание и марксистское безбожие»³), и издает на итальянском языке книгу о «трагической императрице», которую она хорошо знала и предостерегала от нездорового мистицизма.

Такова была, вкратце, «бурная, многогранная, всесторонне-богатая жизнь»⁴ Ю. Данзас.

Мистика как высшее познание

Юлия Данзас хорошо знала мистику, ее историю, ее творения, ее виды (и извращения, например у оккультистов, у хлыстов, на радениях которых она побывала), и она сама испытала в начале 20-х годов мистическое озарение, которое она передает в публикуемой «исповеди».

Уже в своей первой книге «Запросы мысли» Юлия Данзас отводит мистике исключительную роль. Мистика является высшей формой познания, когда наука, искусство или даже современное христианство, сведенное к моральному или гуманистическому учению, не способны утолить «тоску неведения»:

«Мистика начинается там, где жажда познания опережает точные данные, добытые эмпирическим путем. <...> Без мистики жизнь быстро опошляется»⁵.

«Христианство в Европе⁶ было загублено отсутствием мистики... <...> Европа уверовала в логику и отвернулась от мистики. Но познание, углубляясь, приводит неизбежно к сознанию близости неведомого, и мистическое

чувство вновь вспыхивает и озаряет мысль, залетевшую над бездной» (с. 179).

Мистика может проявляться и вне религии, но религии она необходима:

«Христианский Бог порою так далек.... Но христианская мистика так близка в своем всеобъемлющем величии.....

Мистическое чувство — одна из загадок нашего сознания. Смешение его с религиозным чувством — характерная ошибка нашего времени. Мистика вполне отделима от религии. Но религия без нее — мертвечина.

Паскаль был мистиком, и поэтому даже в своих религиозных сомнениях является образцом истинно религиозного человека. Толстой был лишен всякого мистического чутья, и потому его плоское, утилитарное Богоискательство не имело даже отдаленного сходства с религией и могло быть сочтено за религиозный порыв лишь в наше безверное, духовно-нищенское время, утратившее всякое понимание религиозного чувства⁷.

Мистиками могут быть даже атеисты, как, например, Шопенгауэр, Ницше, Геккель⁸. Ибо мистика есть свойство духа, а не рассудочное влечение и может проявляться в сознании помимо всякой религиозной концепции, для формулировки которой необходимо участие разума. <...> Мистика — сознание близости Неведомого, ощущение родства с вечностью»⁹.

Для Ю. Данзас христианство прежде всего и изначально — мистика, а не моральная или социальная проповедь. Но «популяризация» христианства изменила его первоначальную суть, лишила ее мистической струи, ведомой лишь избранным:

«Религия, проникнутая мистикой, дает своим посвященным радости просветленного созерцания, восторги экстаза. Но эта мистика дается лишь немногим избранным, она — не удел толпы, опошляющей ее своим дыхани-

ем, оскверняющей ее своим непониманием. Она — удел высокой уединенной мысли» (с. 235).

«Род людской отвык от созерцания непостижимых тайн Божества и приучился только умиляться перед изливанием Христовой крови, перед язвами на святом теле Христовом. В этом подчеркивании *страдания* в спасительной миссии Сына Божьего кроется немощь мышления, неспособного парить у вершин Божественного созерцания¹⁰; сияние Божественного Света почти недоступно человечеству, ищущему у алтарей Христа не радость духовного озарения, а подкрепление в жизненной борьбе. Для толпы христианство стало религией только Распятого Господа, а не Воскресшего и Присносущного»¹¹.

От влияния гностицизма, который Ю. Данзас рассматривает как эзотерическое учение для «посвященных», стремящееся к мистическому познанию Сущности, равно как от нищенства (религия для сильных духом), Юлия Данзас с трудом освободится. Она дорожит остатками мистики у западных мистиков¹², у созерцателей-аскетов или в православной литургии:

«Дивная мистика, доньше частями уцелевшая в нашем богослужении, — неясна и непонятна громадному большинству, никогда не узнавшему красоты хотя бы восторженных канонов Октоиха или мистики похоронного пения, воспевающего загадку соединения духа с телом и разлучения их, воспевающего усыновление человеческого духа светом Божества: “От Девы воссиявый миру, Христе Боже, сыны света тою показавый”... В нашем богослужении уцелели обрывки древней восточной мистики — и ныне теряются в непонимании. Нам просто непонятен мистицизм. <...> Кому же, даже из служителей Церкви, доступна во всей своей полноте истинная, древняя мистика света и духа, просветления и одухотворения, мистика человечества, познавшего себя храмом Божественного Духа?.....» (с. 219).

Книга «Запросы мысли» — не столько «трактат агностической философии», как Ю. Данзас сама определила ее

в 1934 году, сколько прославление мистики, против рационализма и обмирщения христианства. Но личное, живое единение с Богом Ю. Данзас испытает много позже.

Мистический опыт

В октябре 1920 года Юлия пишет:

«Я знаю, что во мне совершился глубокий, окончательный перелом. Раньше я жила по собственной воле — не в смысле мелкого эгоизма, а в том, что я сама создавала себе цели и ради них отдавала все. А теперь назрел момент отказа от собственной воли, чтобы завершить жизненный круг вкушением неизведанных еще мною радостей.

“Ин тя пояшет и ведет, аможе не хочети”¹³. В этом ведь тоже — великая, таинственная радость. Здесь — путь конечного, высшего счастья, заповеданного миру великими знатоками человеческой души, — Пахомием и Бенедиктом, Домиником и Игнатием¹⁴.....

<...> Теперь мне понятно, почему я так часто чувствовала свое одиночество и отчужденность от мира, хотя сама отдавалась этому миру с таким страстным увлечением, хотя сама жила такой бурной, многогранной всесторонне-богатой жизнью. Где-то в тайниках моей души всегда раздавался таинственный призыв к “единому на потребу”¹⁵, хотя перестала я его слышать уже в юные годы и свою детскую мечту о монашестве вспоминала только как ребячество»¹⁶.

Юлия смотрит теперь на всю свою прожитую жизнь как на провиденциальный путь:

«Агнец, закалаемый от начала мира... <...> с юных лет вложил в мою душу тоску неизбывную, уготовляя меня к созерцанию страшной Твоей чаши»¹⁷.

Я искала Тебя потому, что уже обрела Тебя в высших областях моего духа, и только помраченное сознание мое еще не вмещало Тебя» (с. 24).

Богоискательство, начатое с изучения истоков христианства и гностицизма, с приверженности к стоицизму, на-

конец воплотилось в распятом и воскресшем Христе. Не было, по-видимому, внезапного обращения, а постепенное созревание таинственного призыва к Божественному откровению. Выбор католичества — вторичен: религия предков отца Юлии привлекла ее своей исторической ролью, своей вселенскостью и своим воинствующим духом.

О своем мистическом опыте Юлия (уже сестра Юсти-на) пишет в публикуемой рукописной тетради (60 страниц) времени ее краткого монашества (сентябрь 1921 г. — ноябрь 1923 г.). Такой самоанализ — описание мистического опыта как отторжения «я» от всего мирского для созерцания «Неведомого», «единой Реальности» — не имеет аналога в русской традиции, где преобладает аскетическая литература.

Для того чтобы удостоиться озарения, Юлии пришлось, не без борьбы со своим «старым я» (описанной в «Наедине с собой» в удивительном прении «я» с «не-я»), совлечь с себя свою «внешнюю оболочку» (с. 5 рукописи), свою гордыню, отказать от своей воли, чтобы целиком отдаться воле Божией:

«Ради Тебя отдаю не только материальные блага, но и духовные. Нищета и всяческое уничтожение вместо прежнего блеска и всеобщего поклонения, — то было первое бремя, поднятое мною с радостью и легкостью, ибо познала я мишурность этого блеска и тщету всякой суеты» (с. 25).

«...Господи, вся, вся, вся я Твоя! Возьми меня, испепели, уничтожь в Себе..... Спаси меня от моей слабости, развей мое ничтожество, дай мне исчезнуть в Тебе от себя самой, — уничтожь эту самость, это “я” постылое и гнусное, которое смеет жить помимо Тебя» (с. 40).

На сомнения и вопросы сестры Юстины Христос отвечает:

«Ты идешь вверх, и потому познаешь ныне в твоём восхождении ко Мне высшие формы страдания» (с. 43).

«*Ego ante te ibo: Tu me sequeris*¹⁸...» (с. 45).

Это не «голоса», а диалог души с самой собой — «внутренние слова», по определению Иоанна Креста. Как и для него, и других мистиков, путь к свету проходит через ночь:

«Через кровь и страдание постигается глубина Твоей божественной тайны, затем наступает полная тьма душевная, мрак беспросветный, и только погрузившись в эту тьму, пережив и преодолев ее, возможно узреть зарю Твоего света. Только через ночь идем мы к сиянию дня, только через страдание к радости» (с. 8).

Мистический опыт, который не длится долго и бывает нечасто, описан почти клинически:

«Начинается освобождение.... Что-то спадает, совлекается.... Разве это я, где-то на Петроградской стороне?.... Обстановка, житейские дразги, окружающие лица, служебные обязанности и интересы, лекции, слушатели, — все это куда-то проваливается, исчезает... Остаюсь одна я, но и я не та.... Мое имя, адрес, мое прошлое и настоящее, — все куда-то ушло, растаяло.... Остается что-то другое. Это мое истинное я, сбросившее всю внешнюю оболочку, как лишнюю одежду. Но что-то еще мешает, стесняет, давит... Это моя индивидуальность не дает мне уйти совсем туда, в Реальность, из мира призрачного» (с. 4–5).

Юлия чувствует на себе Божий Взор, «ласкающий и ма-нящий, невыразимый, неизъяснимый» (с. 12), она ослеплена яркостью озарения. Испытанная таким образом вера не покинет больше Юлию; она с ней выдержит все тяготы, прежде всего «красную каторгу».

Это не выразить словами...

Мистический опыт по существу невыразим словами. По психологу и философу Уильяму Джеймсу (в книге «Многообразие религиозного опыта», 1902 г.; русский перевод вышел в Москве в 1910 г.), *неизреченное* (*ineffable* — по-английски и по-французски) является первой характерной чертой мистического опыта, вместе с интуитивной формой познания, кратковременностью опыта и бездеятельностью воли. Все эти признаки, как мы видели, налицо в исповеди Юлии Данзас.

Все мистики прибегают к чувственной, эмоциональной, образной лексике, чтобы описать неземные открове-

ния. Юлия Данзас, начитавшаяся мистической литературы, пишет:

«Что-то лепечут уста, частью свое, частью давно сказанное другими, — отдельные слова, вырвавшиеся из сердца с усилием, напоминающим физическую боль, или отдельные выражения, всплывшие беспорядочной вереницей в памяти.....» (с. 36).

Она ссылается на Библию, в основном на Псалмы и на Новый Завет, которые она цитирует, часто по памяти, на церковнославянском языке (который «изливает елей в душу») и по-латыни, на две излюбленные книги: св. Августин (не только его «Исповедь», но и его «Монологи» («Soliloquia»)), и «О подражании Христу и о презрении всей суеты мира», которая приписывается Фоме Кемпийскому¹⁹ (и его же «Soliloquium animae»):

«Я всегда любила “Исповедь” Августина, — пишет Ю.Н. в своей тетради размышлений «Наедине с собой», — она была моей настольной книгой и неразлучной спутницей (даже на войне, в казачий период моей жизни), еще в те времена, когда мое искание истины еще не вылилось в формы богоискательства, когда богоискательство еще не привело меня к католичеству» (с. 77).

Ю. Данзас ссылается главным образом на западную мистику, потому что восточная мистика, несмотря на распространение исихазма (постижение Бога при помощи повторения Иисусовой молитвы), осталась по преимуществу аскетической и не дала таких «исповедей» души и мистических излияний²⁰. Немногочисленны описания личного мистического опыта, как в беседе прп. Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. В Россию западная мистика проникала (в высшие слои общества) при Александре I (в виде мартинизма, пиетизма, с именами Юнг-Штиллинга, Эккартсгаузена, г-жи Крюднер, И. Лопухина, А. Лабзина и др.²¹) и потом, в эпоху Серебряного века, как реакция на засилье материализма и позитивизма («нигилизма») 60–80-х годов.

После Владимира Соловьева католичество уже не ассоциируется с «польским вопросом» и пользуется благосклонностью

части интеллигенции, которая обращается к творениям западной религиозности. Первая четверть XX века ознаменовалась научным и издательским освоением западной религиозности, и в особенности мистики, и личными обращениями. В 10-е годы в Петербургском университете при кафедре всеобщей истории Л.П. Карсавин читал лекцию «История мистики в средние века»; в 1913 году он защитил диссертацию о религиозной жизни в Италии XII–XIII веков, в 1918 году издал в Петрограде очерк (ставя себя «вне конфессиональных предпосылок и пристрастий») о католичестве²². В этом же году выходит в Москве его перевод «Откровения» блаженной Анджелы из Фолиньо. С. Булгаков испытывает в Ялте (в 1921–1922 гг.) «римское искушение» и считает себя «вселенским христианином»²³. Поэты Эллис (Лев Кобылинский; 1879–1947), эмигрировавший в 1911 году, и Вячеслав Иванов примут католичество в эмиграции (Эллис вступит в орден иезуитов). Поэт Сергей Михайлович Соловьев (племянник философа) публикует в Москве в 1917 году брошюру «Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия» и входит в 1920 году в общину русских католиков восточного обряда. В 1913–1918 годах выходит «Слово истины» — «православно-кафолический журнал» последователей В. Соловьева, среди которых княгиня Н.С. Ушакова, двоюродная сестра А. Столыпина. В 1917–1918 годах образуются разные экуменические (хотя слово еще не в употреблении) кружки (Общество поборников воссоединения церквей, основанное П.М. Волконским, Союз Вселенского Церковного Единения В.П. Зубова, Союз Соборной Премудрости Ю. Данзас и др.). В Москве женская община терциарок-доминиканок матушки Екатерины (Анна Абрикосова), с которой Юлия Данзас была в контакте, просуществует с 1917 по 1923 год. Здесь приведены лишь несколько примеров «католического возрождения» первой четверти XX века, которое, как и его связи с православной интеллигенцией, еще мало изучено.

Жизнь и творчество Ю. Данзас вписывается в духовное возрождение Серебряного века, хотя у нее нет и тени приспособления к модному течению богоискательства. Ее глубокий мистический опыт не имеет конфессионального направления, он универсален.

Рукопись написана по старой орфографии. При переводе на современное правописание сохранены характерные для Ю.Н. написания (ужь, есlib, творительный падеж женского рода на -юю); приведено к норме только употребление дефиса (или его отсутствие) при частицах (то, же,нибудь,либо). Сохранены обильные авторские многоточия. В косых скобках указана страница рукописи (нумерация Ю. Данзас).

Исправлений в рукописи мало. Мы приводим наиболее существенные из тех, что можно разобрать. они чаще всего имеют стилистическое значение (уточнение, смягчение или усиление выражения).

Мы благодарим РО ИРЛИ за разрешение на эту публикацию²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Curriculum vitae». Berlin. 9 mars 1934. Archivio Storico di questa Segreteria di Stato (Ватикан). Перевод с французского наш. Благодарю за помощь для получения этого документа Л. Петтинароли, автора фундаментального исследования о «Русской политике Святого престола» (*Pettinaroli Laura. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Publications de l'École française de Rome. 2015; электронная версия: <http://books.openedition.org/efr/2933>).*

² *Василий ЧСВ [фон Бурман], дьякон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Roma: Publicationes scientificae et litterariae «Studion» monasteriorum studitarum. 1966. № III–V. Книга переиздана в Львове в 1993 г.; глава о Ю. Данзас (сотня страниц) переиздана в журнале «Символ» (1997. № 37).*

³ Слово «католическое» взято здесь в своем этимологическом смысле (кафолическое, вселенское) и не противопоставляется православияю.

⁴ Как Ю.Н. сама определила свою жизнь в своих размышлениях 1914–1922 гг.: *Николаев Ю. [Данзас Ю.] Наедине с собой. РО ИРЛИ. Ф. 451. № 1. С. 74* (издано нами в журнале «Звезда», ноябрь 2017 г.).

⁵ *Николаев Юрий. Запросы мысли. СПб, 1906. С. 125–126.* Далее страницы этого издания указаны в данной главе в круглых скобках после цитаты.

⁶ Включая Россию.

⁷ Н. Бердяев тоже отвергал «моралистическое, кантовско-толстовское понимание религии, которое видит в моральности самую сущность человеческой природы» (Мистика и религия // Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. XXV).

⁸ Эрнст Генрих Геккель (Haesckel; 1834–1919), естествоиспытатель, философ, выдвинувший «монизм» как слияние религии и науки. Отец Ю. Данзас посвятил ему свою книгу.

⁹ Николаев Ю. Наедине с собой. С. 13–14 (запись 1914 г.).

¹⁰ Примечание Ю. Данзас: «Эта идея нашла глубокое выражение у одного из средневековых мистиков: *si nescis speculari alta et caelestia, requiesce in passione Christi, et sacris vulneribus eius libenter habita* (Thomas a Kempis. De imitatione Christi. II. Cap. I, 4)». [«Если не умеешь созерцать горнее и небесное, успокой душу свою в страдании Христовом и в святых язвах Его обитай с любовью» (перевод К.П. Победоносцева)].

¹¹ Николаев Ю. [Данзас Ю.] В поисках за Божеством. СПб., 1916. С. 430–432.

¹² Св. Августин, Франциск Ассизский, Фома Кемпийский, св. Тереза — «великая мистическая истеричка» (с. 228).

¹³ Ин 21: 18.

¹⁴ Николаев Ю. Наедине с собой. С. 73–74. Игнатий — св. Игнатий де Лойола (1491–1556), основатель ордена иезуитов.

¹⁵ Лк 10: 42.

¹⁶ Николаев Ю. Наедине с собой. С. 74 (1 января 1921 г.).

¹⁷ Неизреченное. С. 1–2 рукописи. Далее в круглых скобках после цитаты указана страница рукописи.

¹⁸ «Я пойду перед тобою» (Ис 45: 2); «Иди за Мною» (Ин 21: 19).

¹⁹ После ряда переводов в XVII в. (1647 на старославянском языке) и в XVIII в. (не менее 4 переводов) М.М. Сперанский дал в 1819 г. перевод с французского перевода и в 1869 г. К.П. Победоносцев с латинского оригинала.

²⁰ См.: Котельников В. Православная аскетика и русская литература. СПб.: Призма, 1994.

²¹ См.: Пытин А.Н. Религиозное движение при Александре I [1916]. СПб.: Академический проект, 2000.

²² «Сочетая научное исследование и философское созерцание, Карсавин увидел в католичестве не просто исторический институт, а таинственную реальность мистического Тела Христова» (предисловие М. Меерсон-Аксенова к фототипическому изданию: Католичество. Брюссель, 1974. С. 1). Л. Карсавин — участник собраний религиозной философии, устраиваемых Ю. Данзас в 1920 г. в качестве заведующей отделением петроградского Дома ученых (по протекции М. Горького).

²³ Булгаков С. У стен Херсониса (издано впервые в 1991 г.).

²⁴ Рукопись из ф. 451 РО ИРЛИ, № 2. «Неизреченное» полностью переведено в нашей биографии Ю. Данзас: *Niqueux M.*, [Julia Danzas (1879–1942)]. De la cour impériale au bagne rouge. Genève: Éd. des Syrtes, 2020. 390 с.

Юлия Данзас

Неизреченное

/1/
I

*Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis!*¹

Агнец, закалаемый от начала мира... Вечно закалаемый, вечно раздробляемый, вечно скорбный под непостижимым гнетом скорби всего мира.... Да разве делима от Тебя мировая скорбь? Ты в ней познаешься, Ты всю ее вместили в Себе, и все страдание, доступное нашему познанию и нашему воображению, — лишь капля едина в той чаше бездонной, что Тебе Одному лишь ведома в полноте недоступной нам горечи. И Ты ее испиваешь.... От начала мира.... Ты ее наполняешь Своею же кровью, вечно проливаемой. Тайна страдания, — тайна Твоей крови, окропляющей мир.... Через мировую скорбь познаем мы Тебя, но только в Тебе познаем глубину мировой скорби.....

Я несу к Тебе разбитое сердце. Думалось мне, что разорвалось это сердце от нестерпимой /2/ печали, ныне же знаю, что вся скорбь моя — лишь капля единая в той чаше горечи, Тобою испиваемой за всех и за вся. Знаю, что и меня призвал Ты, по непостижимой Твоей воле, приблизиться к этой чаше, и с юных лет вложил в мою душу тоску неизбывную, уготовляя меня к созерцанию страшной Твоей чаши.

Ты призвал меня.... Но кто я? Когда стою я перед Тобою, вся жизнь моя былая передо мною проносится, отраженная, как в зеркале, вмещающем целую панораму в небольшом квадрате стекла. Вижу свое прошлое и знаю, что никогда, ни в один момент своей жизни, не чувствовала я себя живой по-настоящему, не могла отделаться от сознания какой-то нереальности всех моих переживаний. Точно во сне, хотя бы и ярком, жизненном, в котором всегда все-же ощущается иллюзия каким-то необъяснимым чувством, — так и во всей моей жизни испытывала я всегда это странное, смутное сознание иллюзорности всей жизненной моей обстановки, /3/ и всех моих поступков, и даже помыслов. Единственным

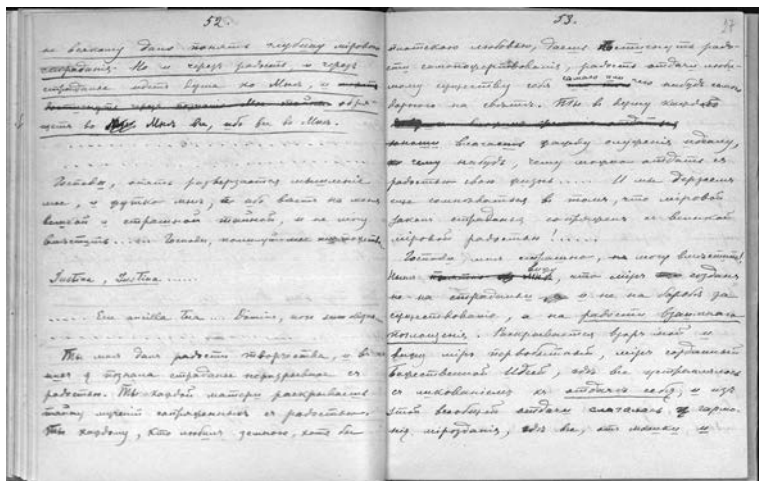
реальным ощущением было у меня смутное чаяние пробуждения. И это пробуждение наступило, когда я познала Тебя, когда я ощутила Твою реальность и постигла, что Ты Сам — Единая Реальность, и все призрачно, кроме Тебя.

Отчего не всегда с одинаковой силой охватывает меня это ощущение? Отчего заслоняет Тебя иногда та жизнь, которая не реальна? Как может призрак заслонять Сущность? И как может этот призрак вырастать из моего собственного я? Как может моя индивидуальность сливаться с окружающей иллюзорностью и отрываться от Тебя и Твоей извечной истинной Реальности?

Ты зовешь меня, и я иду к Тебе. Но мне надо отрешиться совершенно от себя, ибо иначе не нахожу к Тебе пути. Ты зовешь не меня, а что-то, что я должна освободить от меня самой, — что-то во мне обитающее, но мною не /4/ вмещаемое, — что-то близкое Твоей реальности, но закованное в узы моего «я», моей призрачной индивидуальности, в которой нет истинной сущности, но есть густой туман, заволакивающий Твой свет. Рассеять надо этот туман, отстранить от меня все то, что не Ты.... *Cupio dissolvi et esse tecum*².

*Rape me et eripe ab omni creaturarum indurabili consolatione, quia nulla res creata appetitum meum valet plenarie quietare et consolari. Junge me tibi, inseparabili dilectionis vinculo, quoniam tu solus sufficis amanti, et absque te frivola sunt universa*³.....

Начинается освобождение.... Что-то спадает, совлекается.... Разве это я, где-то на Петроградской стороне?.... Обстановка, житейские дразги, окружающие лица, служебные обязанности и интересы, лекции, слушатели, — все это куда-то проваливается, исчезает... Остаюсь одна я, но и я не та.... Мое имя, адрес, мое прошлое и настоящее, — все куда-то ушло, растаяло.... /5/ Остается что-то другое. Это мое истинное я, сбросившее всю внешнюю оболочку, как лишнюю одежду. Но что-то еще мешает, стесняет, давит... Это моя индивидуальность не дает мне уйти совсем туда, в Реальность, из мира призрачного. Она тоже призрачна, эта индивидуальность, сотканная из низших элементов моего бытия и тесно охватившая то внутреннее, единое нечто, что является моим истинным я, но уже не я.... Нет больше членов, но я вся превратилась в порыв; нет больше глаз и зрения, но все напряглось

Страница рукописи Юлии Данзас «Неизреченное»
(Рукописный отдел Пушкинского дома. Ф. 451)

во взоре, вперенном туда, к Неведомому, близкому, манящему, бесконечно дорогому, единому Реальному.....

Спали еще какие-то оковы... Стало еще легче, свободнее, порыв усилился.... И навстречу ему тоже глянул Взор, неописуемый и невыразимый.... Я Его вижу, хотя нет зримого образа, я Его чувствую на себе, хотя не знаю, как объяснить тайну этого Взора, меня пронизывающего, властно /6/ призывающего..... Я точно цепенею под Ним, вся отдаюсь Его власти.... Но то, что во мне видит без органов зрения и ~~ощущает~~ чувствует без внешних ощущений, — не замирает, не застывает, а наоборот живет каким-то бурным порывом. Нет движения, а ощущается ускоренность движения, — все неподвижно, и в то же время ощущается стремительность порыва.... Ты меня притягиваешь этим взором, и мое «я» ~~стремится~~ рвется к Тебе неудержимо, как крупица железа к магниту. Твой взор — бездна, и в нее я кидаюсь в бурном и сладостном порыве.....

...Delectatio mea, gaudium meum, pax mea, suavitas mea, dulcedo mea, refugium meum, sapientia mea, portio mea, possessio mea, thesaurus meus⁴.....

Ты — Радость мира, потому что Ты и скорбь мира. Вся скорбь в Тебе и в ней Ты творишь тайну Света неугасимого. Через страдание надо идти к Тебе, потому что Ты — Сам Страдание наше, собранное воедино из /7/ миллионов страждущих сознаний, и в Тебе исполняется всякое страдание, и превращается в радость озарения.

«Лик скорбный, венчанный терновым венцом».... О, как понятно, что этот Лик смутно видим даже не познавшим Тебя! Недаром люди не верующие в Твое божественное бытие все же готовы поверить, что Ты существуешь как ~~совокупность~~ ~~человеческих~~ грёза, созданная совокупностью человеческих мечтаний о Тебе, и жажды утешения, — что Твой призрак создан слезами и кровью миллионов людей, и этими слезами, этой кровью оживотворен до реального бытия..... О прости им, не ведущим Тебя, Единая извечная Реальность! Они не знают, что все призрачно, кроме Тебя. «Люди сидящие во тьме и сени смертной»⁵.... они не видят Твоего света, потому что ищут его в сиянии славы и блеска, и не знают, что ты, Свете Тихий, зришься в кротких лучах заката, «пришедше на запад /8/ солнца»⁶, — в лучах озаренных багровым переливом, точно отблеском крови..... ~~Точно~~ Как восход и заход солнца, — его первая животворная ласка и его последнее присутствие перед надвигающейся тьмою, — одинаково пламенеют в кровавой окраске, так и светлый лик Твой, Солнце правды, сияет нам в лучах кровавой зари. Через кровь и страдание постигается глубина Твоей божественной тайны, затем наступает полная тьма душевная, мрак беспросветный, и только погрузившись в эту тьму, пережив и преодолев ее, возможно узреть зарю Твоего света. Только через ночь идем мы к свету сиянию дня, только через страдание к радости. Ибо Радость и страдание неразрывно слиты, и нет первой без второй, ~~нет~~ ~~познания истинной радости без глубокого стра[дания]~~ и чем глубже познается одна, тем острее ощущается и другая. Оттого в Тебе безмерна /9/ Радость и безмерно страдание, что Ты — исполнение всяческих и всесовершенство бытия.

Даже в нашей убогой, искаженной земной жизни, как неразрывна скорбь с радостью! И только та радость достойна такого наименования, в коей скорбь и страдание сплелись неотделимым от нее основным элементом. Не радостью, а ничтожною утехой можно назвать все то, что дает одно лишь

пошное удовлетворение. Но в истинной радости — скорбь неизбывная, как в муках творчества, как в сладости самопожертвования.

Скорбь и радость сливаются.... Не оттого ли в нашем искаженном теле есть потребность страдания и даже боли, как дополнения к всякому наиболее острому наслаждению? Всякое извращение нашей природы все же имеет какой-либо глубокий смысл, ибо вся наша природа — сплошное искажение, кривое зеркало, отражающее то, чего мы уже постигнуть не можем.....

Все лишь через Тебя познается, ибо Ты, — /10/ в Твоем Богочеловечестве, — раскрываешь нам ту божественную идею человеческой природы, которой суждено было исказиться до неузнаваемости в нашем обезображенном отражении. И душа, замкнутая в этом отражении, рвется к Тебе, чтобы познать себя и свою истинную сущность, — и в этом порыве сбрасывает с себя оковы личности, ища полного слияния с Тобой, полного растворения в Тебе. Но нет полного распада личности, ибо остается сознание. И слияние с Тобой не уничтожает сознания, а только расширяет его до необъятных пределов. Ты Сам — источник всякого познания и всякой мудрости. И кидаясь в Твою бездну мы идем не к «нирване», не к конечной *μεγαλή αἴνεια*⁷ гностиков, а к полноте познания, к тому свету, где нет уже и тени неведения.....

«Безвестная и тайная премудрости Твоея явил ми еси»⁸..... Все шире и шире раздвигаются грани разумного восприятия, /11/ и откровения мудрости Твоей льются живительной влагой в жаждущие уста. И перед мысленным взором проносится картина творения, — творения первозданных светил таинственным Словом, проявившим зиждительную Волю, как первый акт благодати и в то же время насилия над аморфной материей, подчинив ее незыблемым законам.... Благодать и насилие слиты, как радость и страдание, — таково все «творение, сотворенное под солнцем»⁹, такова Жизнь, Тобою данная, и оттого в Тебе — все, ибо Ты — сама Жизнь. И если еще выше, выше, взлететь к Тебе, то можно понять, что такое страдание..... Но я не могу. Разум насыщен до физической боли, и ничто уже не воспринимает. Нет, не в разуме дело: не разумом постигнуто то, что угодно Тебе мне открыть. Но теперь Ты не хочешь больше открывать мне ничего: ибо

безмерна милость Твоя и ведаешь Ты мое /12/ ничтожество, мое убожество. Ты знаешь, что я не могу вместить, и Твоя любовь дает мне покой от невместимого. Познания требовала душа моя, и Ты даешь мне прозреть, что не могу я снести яркости Твоего озарения. И вновь, любящей рукой, тихо опускается завеса перед моим утомленным, испуганным взором. Вместо ослепительного света пусть будет полумрак... В этом полумраке я Тебя чувствую, ощущаю Твою близость... О, ничего, ничего мне не нужно, кроме Тебя! Пусть даже познания Тебя не будет, пусть неразгаданной для меня будет скорбь в Твоем взоре, — лишь бы чувствовать мне на себе этот Взор, ласкающий и манящий, невыразимый, неизъяснимый.....

Постепенно возвращается деятельность внешних чувств; начинается мелькать ~~какие-то~~ зрительные образы, резкие и колеблющиеся, как световые пятна после напряжения зрения в сиянии яркого солнца. И опять /13/ всплывает среди полутьмы столь знакомый, дорогой образ, — кроткий Лик, венчанный терновым венцом ~~с бесконечною скорбью~~ ~~в бездонно-глубоком взоре~~, орошенный слезами и кровью..... Катаются на землю слезы, пролитые над всею земною скорбью, — катается кровь, пролитая за всю мировую скверну..... и так мучительно хочется подползти к этому Образу, и принять на себя каплю этой крови, этих слез. Какое блаженство было бы, — почувствовать на себе, на своем лице, эту святую каплю.... Но я недостойна.... *Domine, non sum digna*.... Воспринять на себя каплю этой крови значило бы понести хоть малую долю этого страдания. А я только прибавила Ему страдания: все зло мною содеянное, все зло во мне таящееся, все что во мне есть низкого, скверного, подлого, злостного, — все это там, на челе Его, стекает каплями Его святой крови, вместе со всем злом /14/ ведомым мне и неведомым.....

Domine, non sum digna..... Отчего же даешь Ты мне взи- рать на тайну Твоего страдания? Недостойна я даже мысленно поднять к Тебе взоры, а между тем Твой Лик стоит передо мною, и являешь Ты мне Его — помимо моей воли, помимо всякого устремления моей мысли. Везде вижу я Его, — во всем пережитом и во всем мною познанном. Вижу Его в бесконечной панораме прошлого, в истории бесплодных мук и усилий человеческого рода, в каждом разбитом порыве, в каждом вопле души надорвавшейся в своем стремлении к Неведомой

истине, — в ~~каждом~~ безумной тоске надломленной гордости, и в тихом стоне смирения и покорности.... И не только в трагедии каждой отдельной души вижу Его, но еще более того в страдании безымянных масс, уносимых стихийными катастрофами, покрывших горами трупов поля сражений, где бились они за непонятные /15/ им цели.... Кровь катается с Твоего Лица, вся кровь «пролитая от начала мира, от крови Авеля до крови Захарии сына Варахина»¹⁰.... И вся кровь ныне льющаяся, и вся имеющая быть пролитой, — вся она на Тебе, вместе с бременем непостижимого зла и страдания, прошлого и будущего, — зла совершенного и зла еще не содеянного.....

Всегда, в течение всей моей жизни, видела я этот Лик, кровью и слезами орошенный. Сперва далек был он мне и словно чуждым казался, но чувствовала я ~~Его жуткую силу~~ жуткое, властное влечение к Нему. Потом все ближе, ближе... И вот теперь я подошла к Нему вплотную, и порою уже не вижу Его, когда исчезают всякие зрительные образы, когда воспринимается Его иным, неописуемым внутренним восприятием, и вливается эта Сила в меня, растворяя в себе мою душу.... А потом вновь, как сейчас, опускается завеса, /16/ и снова начинается сознательная жизнь с нормальными чувственными восприятиями. И тогда вновь стоит перед мною неотступно окровавленный кроткий Лик, но еще глубже и загадочнее Его скорбный взор, ибо теперь чувствуется какая-то жуткая близость к Нему, какое-то непонятное, страшное единение моей духовной сущности с Ним, меня призывающим, меня воспринявшим, ко мне приходящим, — когда угодно Ему, а не мне, ибо воля моя растворилась в Его хотении...

О, не могу я ничего выразить! Зачем пишу я это? Так ли я понимаю Твое веление? Ничего я не знаю, ничего не могу, постигаю только свое ничтожество. А Ты ко мне приходишь и отдаешь Себя, чтобы меня воспринять и расплавить в Тебе, точно в огне.... Не могу понять, чего Ты от меня хочешь, ибо несоизмерима Твоя воля с моим ничтожеством. Почему даешь Ты мне глядеть /17/ на Твой Лик, проникать в бездну Твоего взора? Ненужна я Тебе, ничего не могу, слишком я убога и бессильна, не могу приять на себя хоть малой доли того, что Ты мне являешь. Отступи от меня, ибо немощна я и безмерно грешна, и не может Твой свет отражаться

в оскверненной моей душе.... Возьми жизнь мою, кровь мою, душу мою, волю мою! все, все — Твое.... Но не мучай меня непосильным призывом.. Не достойна я, больна неисцельно....

*Domine, non sum digna, ut intres sub tectum meum, sed tantum dic verbo, et sanabitur anima mea*¹¹... ..

(Окончание в следующем номере)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, помилуй нас!» (молитва перед причастием; см. Ин 1: 29).

² «Имею желание раствориться и быть с Тобой» (см. Флп 1: 23).

³ «Восхити меня и отторгни от всякого преходящего утешения в созданиях, ибо не может ничто сотворенное в полноте насытить мое желание и в полноте утешить меня. Свяжи меня с Собою неразрывным союзом любви, ибо в Тебе Едином исполняется желание любви, и без Тебя все напрасно» (Фома Кемпийский. О подражании Христу / Пер. К.П. Победоносцева. III, 23, 8. Далее цитируется по этому переводу).

⁴ «Удовольствие мое, радость моя, покой мой, пленительность моя, сладость моя, пристанище мое, мудрость моя, часть моя, собственность моя, сокровище мое» (молитва св. Бонавентуры; см.: *Méditations sacerdotales sur la messe de chaque jour* par R. Decrouille. T. 1. P.: René Haton éd., 1891. P. 328).

⁵ Мф 4: 16.

⁶ Из песнопения вечерни («Свете тихий»).

⁷ *Megalè agnoia* — «великое неведение».

⁸ Пс 51 (50): 8.

⁹ Еккл 1: 14.

¹⁰ Мф 23: 35; Лк 11: 50.

¹¹ «Господи, я недостойна, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только одно слово, и выздоровеет моя душа» (ср. Мф 8: 8). Молитва перед причастием.

Публикация, предисловие и примечания Мишеля Никё

К 85-летию юбилею Жоржа Нива

ЖОРЖ НИВА

Француз в России сто двадцать лет спустя после маркиза де Кюстина

Первая «оттепель». Такое выражение придумал Илья Эренбург. Владимир Дудинцев назвал это время иначе в нудном и морализаторском романе, заглавие которого звучало странно, как некий призыв к диссидентству: «Не хлебом единым». Как слова Христа могли появиться на обложке советского романа? В то время небольшой рассказ «Рычаги» Александра Яшина ходил по рукам, его буквально вырывали друг у друга. В рассказе работа механизмов социальной машины противопоставлена жизни, настоящей жизни, — жизни, где люди не были рычагами и гайками гигантской машины, запущенной Вождем и Главнокомандующим в белой шинели в фильме «Падение Берлина»; машина была похожа на машину Тэнгли, однако внутри текла кровь. Достаточно было объявить о необходимости искренности, чтобы спровоцировать коренной перелом в литературе. На семинаре проф. Николая Гудзия я был свидетелем, как он подошел к одной студентке, чтобы сообщить ей, что узнал о реабилитации ее отца, и та разрыдалась. Тысячи бывших заключенных безмолвно возвращались из ГУЛАГа. Молодой поэт и критик Марк Щеглов, один из самых блестящих участников семинара Гудзия, умер от костного туберкулеза; в своих статьях он осудил мнимую красоту романов Леонида Леонова, одного из столпов советской литературы, и потребовал «правды в деталях». Некролог Марку Щеглову совместно написали Твардовский и Пастернак.

XX съезд КПСС осудил культ личности. В октябре 1956 года на устном экзамене по предмету «Актуальные вопросы» можно было вытянуть тему «Перегибы культа личности»; что и произошло на моих глазах с одной студенткой, которая упала в обморок, прочитав доставшийся ей вопрос, а преподаватель ее утешал и предложил вытянуть другой билет.

* * *

Таким был СССР, когда я приехал осенью 1956-го. В воздухе витало что-то новое, это была вовсе не та коммунистическая страна, которую я себе представлял. Это была неожиданная страна. В газете «Правда» радостно рапортовали о том, что исчез последний чистильщик обуви — частник. Почти везде в центре мировой столицы коммунизма можно было видеть маленькие возвышения, на каждом восседал важный гражданин, а чистильщик долго возился у подножья этого уличного трона, чтобы навести блеск на подставленные ему роскошные ботинки. Рядом целая армия женщин в тулупах и с желтыми вениками в руках сметала снег, тут же пытались

Выступление Жоржа Нива на вечере памяти коллег-славистов Жаклин де Пруайяр, Мишеля Окутюрье и Вероники Лосской. 15 апреля 2019 г. Париж, культурный центр им. А.И. Солженицына

пробираться по гололеду инвалиды войны с культями ног на досках с колесиками. Повсюду держался терпкий запах плохочищенного горючего, но к этому быстро привыкаешь и перестаешь замечать. На перекрестках стояли небольшие бочки с квасом, казалось, что мы попали на гравюру Ксавье де Местра (1763–1852) около 1830 года, представляющую русские ремесла. В сквериках были видны деревянные *Мишки*, детские качели с медведями, везде продавалось мороженое, даже зимой. Машин было немного, но они были великолепны — тщательно отмытые ото всей окружающей грязи. Автобусы, которые ходили по маршруту от здания университета на Ленинских горах до старого здания университета на Моховой, были оснащены по последнему слову техники. Метро еще так далеко не доходило. Крестьяне ордой заполняли вокзалы, эти толпы выплескивались в центре, закупали там продукты, уезжали с полными авоськами муки, черного хлеба, овсяных хлопьев, везли все это в свои деревни, где ничего невозможно было достать.

Зимой инвалиды на каталках куда-то подевались, последний частный чистильщик обуви перешел на государственную службу, полным ходом шли приготовления к VI Международному фестивалю молодежи. Пришлось принимать группы молодых энтузиастов из стран капиталистического мира, а они приехали — кто в облегающих джинсах, кто с бородой: по этим приметам и распознавали достойных осуждения *стиляг*, которых старушки, сидя на лавочках в парках, провожали испепеляющими взглядами и недобрым словом. Все обожали Жерара Филиппа, восторгались Ивом Монтаном, который приехал осенью 1956 года с Симоной Синьоре посмотреть на утопическую страну будущего коммунизма, но быстро почувствовал себя неловко, видя бросающееся в глаза неравенство, стал диссидентом, сначала тайно, потом и открыто.

Той же весной 1956 года начинается действие в рассказе Василия Аксёнова «Коллеги». На медицинском факультете в Ленинграде вот-вот должно начаться распределение. Можно было получить назначение в другой часовой пояс с разницей в шесть часов, куда-нибудь в Якутию, в забытую Богом деревеньку на севере Сибири, или остаться ассистентом на факультете. Это рассказ о дружбе трех товарищей — мрачного Максимова, мужественного Карпова с пальцами виртуозного

хирурга, плохо одетого и немножко смешного Зеленина. Они расстанутся, но будут учиться в школе жизни, узнают, что у советской жизни есть криминальная теневая сторона, но они наизусть знают песню Монтана:

С цветком в ружье под барабанный бой
Идет вперед, а в сердце лишь любовь,
За ним сержант следит в момент любой,
Поскрипывает пояс с кобурой.

Радость жизни, правда и свет все еще маячат впереди, они до сих пор носят имя социализма, «что-то большое, мощное сильное и делающее добро полезное» (Вильфредо Парето, «Трактат по общей психологии»). Рассказ Василия Аксёнова был написан как раз в это время, опубликован в 1961 году. Он показывает, как формируется советское бунтарское поколение *шестидесятников*, они очень отличаются от тех бунтарей, кто был на баррикадах в 1968 году в Париже и в Нантере. Формирование этого поколения во Франции пришлось на чуть более ранний период, но кое-что их роднит.

Так что же французы? Они появились в Москве осенью 1954-го, когда французское правительство подписало с советским руководством договор об обмене студентами. В МГУ среди иностранных стажеров только они приехали из капиталистических стран — из *капстран*, как тогда говорили, — все остальные были из стран социалистического лагеря. С одним исключением: еще были итальянцы, их отправила в СССР Итальянская коммунистическая партия. Среди делегации был Берлингуэр, который в будущем станет лидером ИКП. За два года до этого приезжал еще один французский студент, Мишель Окутюрье, сын корреспондента Франс-Пресс, работавшего в Москве в конце войны, будущий переводчик Пастернака. Приезжал и Клод Фриу, который станет официальным переводчиком Маяковского. Оба они были учениками Пьера Паскаля, «католического большевика», который 17 лет провел в Стране Советов и покинул ее только в последний момент в 1933 году благодаря вмешательству Э. Эррио, как раз накануне убийства Кирова и начала чисток.

Осенью 1956 года приехал в Москву и я, меня тоже направил в СССР Пьер Паскаль. Я получил стипендию как сту-

дент по обмену. Стипендия, которую нам перечислили, была огромна, в десять раз больше, чем стипендия моего соседа по блоку в общежитии. Блок был таким: крохотная прихожая, санузел с душем, две симметричные комнаты, узенькие, с диваном, столом, радиорепродуктором, выключить который было никак нельзя, но можно было уменьшить звук так, что было почти не слышно. У Саши 200 рублей, у меня 2000, я часто давал ему «взаймы». И когда ему придется подписать статью против меня и других французских студентов, которые ведут себя «недостойно», якобы «кладут ноги на стол и никогда не убирают за собой», — Саша бился в мою дверь, застыл на пороге и сказал мне: «Ты должен считать меня свиньей». Мы остались друзьями, я навещал его в колхозе, где жили его родители; только спустя много лет я узнал, что эта дружба испортила его карьеру.

Французы! В первую оттепель приехало около десяти человек, было много трагикомических эпизодов. Для меня все закончилось принудительной высылкой последним самолетом 10 августа 1960 года в Хельсинки. Это было после смерти поэта Бориса Пастернака и как раз незадолго до моей свадьбы с Ириной Емельяновой, о которой уже было официально объявлено — мы уже записались в ЗАГС. Она и ее мать Ольга Ивинская были арестованы сразу после.

Персонаж фильма Андрея Смирнова во многом списан со всех тех французов, приехавших по обмену, и в частности с меня. Андрей заходил ко мне в студенческое общежитие на Ленинских горах в зоне Г на 6 этаже, блок 636. Образ моего соседа у него вышел очень удачно, так же как и холл, где мы организовали танцевальную вечеринку, и еще две женщины, которые были приставлены следить за нами, у которых был свой кабинет на университетском радио. Многие другие детали переданы верно, были и занятия, на которые я ходил в старое здание на Моховой, в центре города, куда студенты набивались битком, чтобы послушать профессора Бонди, замечательного пушкиниста; было и интервью, которое брал у французских студентов журналист Radio-France в моей комнате, и многие другие детали. Но не все, потому что многие моменты фильма взяты из историй других французских студентов, побывавших на стажировке в Москве, например у Луи Мартинеса и Женевьевы Жоанне. Кроме того, у фильма своя

собственная удивительная фабула, о которой мы еще поговорим, и все-таки француз из фильма, возможно, не кто иной, как *маркиз*, посетитель любопытный, талантливый, потому что он учился в музыкальной школе, играл джаз в баре на Монпарнасе, неплохо знает математику; на стажировку его направили из Эколь Нормаль, как Окутюрье, Фрийу, меня, и еще других. Герой немножко флегматичен, как маркиз из фильма Сокурова «Русский ковчег». Фильм держится на этом персонаже, как браслет на нитке, эпизоды, сменяющие друг друга, все связаны с Пьером, но на самом деле фильм не совсем о нем.

Сюжет этой картины, как и во всех фильмах Смирнова, — это подлинная Россия, которую сложно узнать, жестокая, но великолепная. От эпизода к эпизоду мы продвигаемся вперед — так совершается *разоблачение*. В финале мы видим знаменитый знак V Черчилля, когда Кира показывает этот победный жест своему приятелю-диссиденту, фотографу Валере, которого забирает КГБ как раз в момент, когда она подходит к его дому.

Это не «*русский ковчег*», куда поднимались все деятели русской истории этого момента первой оттепели, как у Сокурова, и вовсе не великолепие Эрмитажа, где слава и преступление выставлены в одном из самых прекрасных дворцов мира, но это также *некий путь*: в фильме Смирнова лодка Харона заменена старым тряским автобусом, который везет француза в Переславль-Залесский, как в романе Аксенова, где автобус везет двух друзей в затерянный уголок, куда-то в Карелию, к третьему другу, который работает там врачом.

Но ветвь оливы, принесенная голубем, — это здесь потаенная Россия, страдающая, выжившая и способная сострадать. Под крайней жестокостью — дар сострадания.

Теперь о фабуле. Француз Пьер Дюран учится в Эколь Нормаль, приезжает в Москву со стипендией в сентябре 1957 года, то есть после Фестиваля молодежи, на котором две тысячи молодых французов открывали для себя *святая святых* Революции. Вот они сидят втроем на набережной Турнель в Париже, один уезжает в Москву, другой в Алжир, где начинается война, а третья — молодая девушка, бунтующая

против своей буржуазной матери, Николь, которая продает газету «Юманите» перед проходными заводами и отказывается верить слухам о репрессиях в Будапеште, считая их клеветой, — она остается со своим народом в Париже (в противоположность своему прототипу Женеви́еве Жоане)...

Все трое партийцы, включая Пьера Дюрана, но он наименее фанатичен. Именно ему предстоит посмотреть на социализм на местах, в действии — он отправляется в СССР будто новый маркиз де Кюстин. Но только у нового де Кюстина — мать русская, а приемный отец погиб во время депортации в Равенсбрюк. В отличие от маркиза, путешествовавшего по России 1839 году, Пьер говорит по-русски, причем не на грассирующем русском наречии французских эмигрантов, потому что его мать — перебежчица, которая в Берлине тихо перешла с советской дипломатической службы на свободу. В Высшей нормальной школе Пьер посещает лекции Альтюсера и собрания ячейки компартии.

Покидая страну ревизионистского социализма в 1958 году, Пьер, вероятно, еще не пересмотрел своих убеждений. Он, наверно, останется коммунистом, не станет сдавать партбилет, хотя, найдя своего настоящего отца, — и это центральный эпизод фильма — он узнает о темной стороне коммунистической утопии...

История отношений между Францией и Россией — это история *«возвращений из России»*: начиная с книги Ш.Ф. Массона «Секретные записки о России», опубликованной в 1800 году, до Андре Жида и его «Возвращения из СССР», за которым год спустя последовала публикация «Поправок к моему “Возвращению из СССР”». Литературный жанр возвращения из России процветает и по сей день.

Но в фильме речь идет не о «возвращении», а об «отъезде в СССР», Пьер Дюран знает, направляясь в СССР, что он зачат в Крыму, это было любовное приключение его матери, а его родной отец — русский дворянин Татищев. Во время поездки в СССР французскому стажеру предстоит сделать два больших открытия, которые можно назвать политическим воспитанием и воспитанием чувств.

С одной стороны, эта оттепель — первое дыхание свободы, поэзии, замечательно воплощенное в образе Валеры, молодого фотографа, который берет с собой Пьера на съемку

на балетные курсы в Большой театр, потом приводит его на открытие подпольного джаз-клуба, в гости к художникам андеграунда, дает ему почитать первый диссидентский журнал, — словом, это безумная и рискованная радость молодой России, стряхивающей с себя сталинизм, России, в которой начинает бродить закваска свободы. С другой стороны, Россия перенесла ордалию, подчинение большевизму, перерождение власти в опасную тиранию, какой свет не видывал со времен Ассирии, как говорила Надежда Мандельштам.

Это два полюса фильма; а сюжетная линия о сыне, который находит своего родного отца, нужна здесь только для сочленения этих полюсов. То, что могло бы быть повествовательной натяжкой, стало достижением и победой Смирнова, потому что он глубоко убежден, что оба открытия его персонажа — это на самом деле единое целое. В фильме «Белорусский вокзал», снятом в 1970 году и принесшем режиссеру огромную славу (за которой последовала долгая опала, как реакция на фильм «Осень»), уже было подобное парадоксальное соединение сюжетных линий: встреча четырех бывших приятелей, фронтовых товарищей, которых разбросала судьба. Им не удается наладить мирную жизнь и устроиться, примирить беспечность безразличной юности (действие происходит также в момент первой оттепели, но она показана иначе) с воспоминаниями о невыразимо тяжелых испытаниях, которые им пришлось пережить вместе. Потребовалась целая череда случайностей, нужно было спасти парнишку, которого ударило током, — для этого четверем товарищам пришлось быстро спускаться в задымленное, мрачное подземелье, где находятся электропровода и трубы различных коммуникаций, чтобы вновь обрести сплоченность (один за всех и все за одного), о которой для них пела когда-то медсестра в батальоне, гимн, написанный для Смирнова Булатом Окуджавой. Смирнов создает переплетения судеб, в этом есть и точность, и таинство. Таков закон его фильмов.

В фильме «Француз» тоже в роли Парки выступает воля случая, и после задорной сцены, где Кира и Валера начинают пританцовывать, изображая джаз, а потом толкают завязшую в снегу машину, Пьер находит родного отца — каторжника, — который не раз смотрел в лицо смерти, но выжил в огромном кровавом месиве народов, в сталинской мясорубке, выжил

только благодаря животворящей ненависти. Для того чтобы отыскать отца, живущего не под своей фамилией, Пьер проводит расследование, и мы видим разные стороны жизни советского общества, и в первую очередь силу всемогущего и всеведущего КГБ. Пьер сразу по приезде получает предложение о сотрудничестве, и хотя он не предоставляет никакой четкой информации офицеру, занимающемуся его делом, он получает от куратора адрес своего отца, поиск которого стал его главной целью, хотя в этом сюжете нет ничего фрейдистского... Другие не менее яркие встречи помогают герою двигаться дальше: две сестры-аристократки, о которых мы поговорим чуть позднее; пожилой автомеханик, который выныривает из-под машины, весь в машинном масле, он сидел с «Графом» в лагере, но тот отказался посвятить его в свой план побега. В ответ наивному (и всегда флегматичному) Пьеру, который его спрашивает: «Он, быть может, спас вам жизнь?» — с уст механика, который видел ад в другом каторжном лагере, в Джезказгане, слетает одно лишь уничтожающее слово: «Сопляк!» Так разные этапы «хождения в русский народ» Пьера видны и в этой очаровательной сцене с пританцовыванием под джазовый мотив, и в этом отшивании французского «сопляка» механиком, вылезающим из ямы.

* * *

Посмотрим этапы развития сюжета.

Первый этап. Ленинские горы, Высотка в духе чикагских небоскребов, которая похожа на свастику с птичьего полета, строительство Главного здания МГУ закончено в год смерти Сталина, в 1953 году. Жизнь французских студентов, их соседи по блоку, обличительная статья, которая должна бы их поставить на место («Давайте больше не будем»), маленькие чаровницы, которым поручено их закадрить. Вызов к ректору. Сосед, который берет поносить красный свитер Пьера, девушка, которая приглашает Пьера на белый танец, та, что смотрела фильм «Фанфан Тюльпан» четыре раза и которая шепчет французскому стажеру на ухо: «Женитесь на мне! Я хочу уехать, хоть на луну, только бы подальше отсюда...»

Второй этап: уроки балета в Большом, Пьер приходит туда, потому что его интересуется Мариус Петипа, родоначальник

реформ русского балета конца XIX века; Пьер присутствует на репетиции, влюбляется в очаровательную Киру (ее роль исполняет балерина Большого театра); этот персонаж вдохновлен Майей Плисецкой. Дочь врага народа, расстрелянного в 1939 году, звезда Большого театра, всегда находилась под негласным давлением из-за своего происхождения.

Третий этап: обманное требование искренности в советской литературе. Главный редактор одного литературного журнала, тучный человек в брюках на подтяжках, с громогласной речью, уверенный в себе, принимает Пьера у себя дома, в своей элитной квартире (в одной из московских высоток). Редактор разговаривает с Пьером, как «коммунист с коммунистом, а не как с иностранцем». Пьер говорит о своей матери и об отце (Дюране), умершем в депортации, мы видим в первый раз на фото его мать, фотография сделана год назад, летом: с нее прекрасная женщина пятидесяти лет на пляже Лазурного берега на нас смотрит уверенно и независимо.

Четвертый этап — это открытие светского общества. Фотограф Валера (прекрасно сыгранный Евгением Ткачуком), с которым Пьер познакомился на занятиях в Большом театре, вводит нового знакомого в свои круги. Именно Валера дает Пьеру тайком почитать диссидентский журнал «Грамотей» (настоящее его название «Синтаксис»), который печатают на ризографе. Выпускает его некий Александр Гинзбург, впоследствии назначенный Солженицыным управлять его Фондом помощи политическим заключенным ГУЛАГа на средства от продажи книг «Архипелаг ГУЛАГ». Валера приводит Пьера к своему отцу в тот момент, когда старик, ухом припав к радиоприемнику, слушает ВВС. Он без ума от Черчилля, был тяжело ранен при Сталинграде, потом получил десять лет, «для профилактики!» — ворчит его сын.

Пятый и предпоследний этап.

Именно с этой встречи с отцом Валеры начинается цепочка, которая приведет Пьера к его отцу, родному отцу; сначала нужно было посетить двух пожилых родственников со стороны матери, Марию и Ольгу, которых сыграли с большой точностью и убедительностью Наталья Тенякова и Нина Дробышева, две знаменитые артистки.

Старушки стараются восстановить в памяти воспоминания о семье, учебу в Смольном институте благородных девиц (переведенном в Новочеркасск из-за Гражданской войны), Сорбонну, потом выясняют, кем им доводится Пьер, перебирая всякие названия родственных связей: видно, как вся пряжа аристократической жизни распущена течением времени, Первой мировой войной, революцией, Гражданской войной.

Несмотря на ссылки в ГУЛАГ, несмотря на потерю всего, что имели, им удалось сохранить несколько фотографий, только они могут разгадать, что там, в этом пожелтевшем сокровище, — все изображенные на фотографиях кажутся статистами, вышедшими из какой-то оперы, министры-однодневки, исчезнувшие камергеры.

Не был ли такой-то в ссылке на Соловках? Не пытали ли его на Секирной горе*, где сажали на ночь на пятиметровой высоте на поперечной балке? Не танцевал ли такой-то вальс с тобой? Не примкнул ли он к Корнилову и прошел весь Ледовый поход... Маня, когда мы его видели в последний раз? Его загребли в тридцать первом, помнишь? Но потом его выслали. А потом Казахстан, Дзезказган... Сестры знают ГУЛАГ вдоль и поперек. Пьер узнает также, что значит «быть третьим» на грязной лестничной клетке в подъезде, чтобы распить бутылку водки, закусив черным хлебом. Но после знакомства с представителями пролетариата на черной лестнице Пьер оказывается среди диссидентов, в более обеспеченных слоях населения. Вот он идет с Валерой и Кирой в полулегальный подвал, где виртуозно талантливые ребята-энтузиасты играют все — от Муллигэна до Армстронга. «В Москве есть всё», — поясняют ему... Поездка Пьера в Лианозово, «наш светский Барбизон», к художнику Оскару Раби-

* На самой высокой точке Большого острова Соловки, на Секирной горе, находится Вознесенская церковь-маяк, которую называют Секирной (11 км от Соловецкого монастыря). Здесь располагался СЛОН — штрафной изолятор для провинившихся узников. Одна из пыток заключалась в том, что их сажали на балку старого алтаря на высоте пять метров над землей. Их оставляли там на целые сутки. Потом их сталкивали с лестницы, очень крутой, почти вертикальной обледелой лестнице (Лестнице мучеников), и когда несчастный скатывался вниз, на нем не было живого места, он был уже не жилец.

ну (умершему в Париже в 2019 году), напомнила мне, как мы бывали в гостях у художников, в том числе, конечно, у лианозовцев и у известного полуподпольного коллекционера Георгия Костаки. Мы видим один из излюбленных сюжетов Рабина: банку с огурцами, селедку и бутылку водки на картоне, где кисточкой Оскара наложено несколько слоев краски, — дары мира бедного голодному взгляду. Мир разбитый, воющий на луну, который скоро предстоит вблизи увидеть Пьеру, когда он найдет своего отца.

Новогодний праздник у Самошкина, композитора, который пишет музыку для модных фильмов, показывает кусочек сладкой московской жизни, с небольшим драматическим эпизодом повздоривших из-за ревности соперников за сердце балерины Киры, которая объявляет всем, что ее отправят в Париж на гастроли с Большим театром, — так заканчивается прелюдия к встрече Пьера со своим настоящим отцом, бывшим зэком Алексеем Аполлоновичем Татищевым, который на каторге получил кличку Граф.

* * *

Шестой и главный этап. Мы подступаем к одной из самых продуманных тем, сцене, снятой тщательно и волнующе волшебником Андреем Смирновым.

Эта сцена не уступает эпизоду с безумной дрезиной и беглецами, мчащимися на ней куда глаза глядят, сквозь лес, в первом его фильме «Ангел», или сцене из фильма «Белорусский вокзал», когда четыре фронтовых товарища выходят из подземелья, где протянуты электрические кабели всей Москвы, или еще сцене расстрела в деревне в фильме «Жила-была женщина» со слепым священником, который вытягивает вперед руки, чтобы дойти до стены, у которой он будет расстрелян. Граф — вышедший на свободу зэк — живет тихой жизнью в небольшом, но с богатой историей городе Переславль-Залесский, около Ярославля, родины Александра Невского. Француз едет на дребезжащем автобусе вглубь древней Руси. Снег (фильм полностью черно-белый), какой-то спотыкающийся пьяный, женщины-дворничихи, которые долбят дорогу, расчищая ее от гололеда, покосившиеся и почерневшие бревенчатые домишки, как у Шагала или на полотнах Рабина, по-

возки, запряженные лошадьми... отель, в котором паспорт иностранца вызывает панику, нерадушный прием у дверей «Хлебокомбината № 2», где Граф работает ночным сторожем. На всем видна печать великолепной красоты и душераздирающей скудности — это жизнь простая и грубая, но в которой сокрыто таинство *солидарности*. Пьеру еще предстоит завоевать доверие Татищева, все повидавшего зэка, который валится от усталости на свою койку, не снимая ушанки, прямо в потертом ватнике, в углу общей комнаты, не слушая молодого иностранца, который к тому же, возможно, стукач, подосланный КГБ.

Фотография матери Пьера, где Татищев держит ее на руках на крымском пляже в 1931 году, наконец приоткрывает лицо Графа.

«Забавно, прямо как опера какая-то!» — произносит мрачный и побитый жизнью человек, хрупкий богатырь, судьба которого слита со славной Россией, непобедимой во всех испытаниях.

Фотография сработала! Пьер отцу рассказывает о своем детстве в Оверни на ферме, где его мама Лиля повторяла ему: «Помни, ты русский дворянин! Ты Татищев!» На прощанье Пьер сыграет отцу «Лунную сонату» на расстроенном пианино...

Пьер и Граф, чтобы уйти из общежития, подальше от перепалок сварливых соседей, закрылись в актовом зале Дома культуры. Им его открывает старенькая женщина с добрым и усталым лицом... * Лицо Александра Балueva, который великолепно играет Графа, светлеет в течение этой долгой ночи со внезапно обретенным сыном, который был зачат во время короткого пляжного романа с Лилей. Отец недоверчив и насмешлив («Ты пьешь водку, как француз»), саркастичен, когда Пьер говорит ему, что он член французской коммунистической партии («Чувство юмора у Господа неподражаемое!»). Он выглядит таинственно; видно, несмотря на шрамы, что лицо у него еще молодое, когда в клубах дыма он вспоминает Михайловскую артиллерийскую академию, где он учился до революции, и долгие годы каторжных работ («Мы жили только

* Роль исполнена Верой Лашковой; именно она в молодости перепечатывала на машинке журнал «Синтаксис», который выпускал Алик Гинзбург. Через нее Смирнов хотел связать в своем фильме нить вымысла и реальную жизнь.

ненавистью!»), удавшийся побег, выигранные таким образом шестнадцать месяцев свободы, третье погружение в ГУЛАГ после ссоры в бане с опером из-за шайки воды, два инсульта — и заново учиться ходить! Говорить! Учиться снова жить, жить с ненавистью в сердце, учиться подчиняться законам космоса.

Когда Граф вынимает из старой матерчатой сумки, с которой никогда не расстанется, сверток и протягивает его Пьеру, тот разворачивает его и видит несколько рукописных листов, — тогда мы входим *в утро магов*^{*}; на листах записан парадокс Бертрана Рассела, теорема неполноты Геделя — в молодости Татищев был блестящим математиком, вел диалог с лучшими специалистами по вопросам логики 1930-х годов; он возобновит беседы о логике ночами на Колыме с астрофизиком в больничном блоке. Он доказывает существование Бога с помощью математики, то, что отказался делать Паскаль^{**}.

Пьер и Граф говорят друг другу «до свиданья» перед воротами хлебозавода, метет метель. «Держись, Француз!» — говорит Граф. «Спокойной ночи, Граф», — отвечает Француз. Больше они не увидятся. Ночью Граф упал в котельной, в больнице ничего сделать не смогли. Пьер организует похороны. Приглашает священника и трех женщин, чтобы они пропели «Вечная память». Пьер раздает по несколько купюр могильщикам и священнику. Плохонькая лошаденка тащит сани, полные соломы. Фильм мог бы на этом закончиться, так силен эмоциональный накал, красота ослепительна — все сдержанно, достойно, Граф так научился владеть собой — Бог в конце концов сделал его разумным. Две России встретились на глазах у мальчишки-француза: та, что ненавидела Алексея Аполлоновича Татищева, и та, которую он воплощал.

Эпилог: воспитание Пьера не окончено. Будет еще ночь любви с Кирой, она не поедет на гастроли в Париж, поскольку КГБ запретило. Нужно, чтобы Пьер узнал все жестокости режима, узнал, что ничего не изменилось. Кира в слезах про-

* Знаменитая гностическая книга Повеля и Бержье (1960), где авторы пытались раскрывать тайны человеческого мозга и истории с помощью оккультизма.

** Тем самым Граф доказывает положение, обратное тезисам Повеля и Бержье.

вожает его в аэропорт Внуково, она его любит, но КГБ стал поперек. Кира бежит встретиться с Валерой, который тоже в нее влюблен, но видит лишь машину воронок, который увозит его на Лубянку. Четвертый номер журнал «Грамотей» не выйдет, Алик Гинзбург уже арестован (это первый арест, за ним последуют еще три). И это очередь Валеры. Неужели снова «заморозок»?

Да, это новое обледенение. Но фильм заканчивается победным жестом Черчилля, буквой V, которую Кира показывает вслед машине, где сидит Валера между двумя сотрудниками органов в штатском. Портрет Черчилля мы уже видели у отца Валеры. Будем терпеливы! Будет новая оттепель... На экране идут титры и появляются слова: «Памяти Александра Гинзбурга и его друзей, тех, кто хотел жить не по лжи». Солженицын и его слова «жить не по лжи» появляются в финале, как буквы на стене Бальтазара в книге Даниила.

* * *

Оттепель, новый заморозок; Смирнов не любит, чтобы его фильмы рассматривали как Эзопов язык применительно к современной ситуации. И тем не менее многие, посмотрев этот фильм, думают о другом похолодании, сегодняшнем. Именно так часть зрителей в Москве поняли этот черно-белый фильм, созданный перфекционистом кинематографа, который работает над каждой деталью, поскольку «Бог в деталях».

Некоторые параллели действительно настораживают: снова диссидентов, таких как Валера, арестовывают, они проводят по несколько недель или месяцев в тюрьме, без сталинских перегибов, но чувствуется упрямое желание восстановить «порядок». Вдова Алика Гинзбурга говорит в своем интервью «Новой газете» по поводу фильма: «“Француз” — это кинороман о коротком дуновении свободы в стране, которая была несвободна». Дыхание 1957–1960 годов, дыхание Аксёнова, Бродского, Горбаневской и многих других. Это «фильм о России и для русских», говорит Арина. События фильма происходят больше чем полвека назад. «Но, — добавляет вдова Алика, — есть страны, у которых прошлое — как бумеранг, который постоянно возвращается».

Итак, этот француз, который едет в Россию, чтобы увидеть социализм и своего отца, — не самое ли парадоксальное творение Андрея Смирнова? Антуан Риваль очень хорошо играет свою роль посетителя, конечно, более внимательно, чем Кюстин, о котором Джордж Кеннан говорил, что его «Путешествие в Россию» было в 1839 году полно предубеждений, а стало по-настоящему верным изображением России сто лет спустя, в 1939 году. «Я вернусь», — обещает Пьер Кире. Мы не знаем, вернется ли он. Но он покидает СССР в поту от страха, с микрофильмом последнего номера «Грамотея» в кармане. У него перед глазами все еще стоит задумчивое лицо Графа, будто жгучий филигранный оттиск, как воспоминание о великой и отверженной России, ставшей мудрее, но не прощающей своих палачей.

Как далека утопия, о которой мечтала Россия, которой она питалась, питалась и отравилась! Существует ли она еще где-то в закоулках души? Не ее ли увозит Пьер вместе с рукописью своего отца, в которой математически доказаны существование Бога и теорема Геделя, проверенные на Колыме, запрещенные к вывозу? Можно ли вывезти Россию? «Где мы?» — произносит, появляясь в задымленном подвале, запыхавшись оттого, что поднял чугунную крышку канализационного люка, один из четырех приятелей из фильма «Белорусский вокзал». — «В России!»

Перевод с французского Екатерины Белавиной

ЖОРЖ НИВА

Большой Успенский,
или Потаповский, переулоч:
легенда, которая сильнее, чем жизнь*

«На участке возводилось вымышленное лирическое жилище, материально равное ему на кирпич перемолотой вселенной». Так в «Охранной грамоте» поэт Борис Пастернак описывал свое опьянение от Консерватории, в которой слушал Вагнера. Вокруг поэта тоже возводилось «лирическое жилище», равное вселенной. В конце своей жизни поэт решился на риск новой и неслыханной простоты, его жизнь тогда была поделена между собственным домом в Переделкино и дачей, которую снимала Ольга Всеволодовна Ивинская, его последняя возлюбленная, женщина, вдохновившая его на создание образа Лары в «Докторе Живаго», к которой обращено его стихотворение «Август»:

Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бедне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.

Книга Ирины Емельяновой «Легенды Потаповского переулка» — это «лирическое жилище», в котором живут три щедрые, воодушевленные женщины, которые, несмотря на то что реальность порой оказывается кошмаром, — лагерь, подневольный труд, унижение — никогда не теряют безусловного дара радости жизни и, каждая по-своему, может быть, даже не подозревая о том, благодарят за все так, как благодарил псаломщик. Ось рассказа и столп этого лирического жилища — это поэт, и в частности, это его смерть, его похороны, 2 июня 1960 года, когда его открытый гроб несут через поля с его дачи к кладбищу у церкви при летней патриаршей резиденции.

* Статья написана в феврале 2020 г., к переизданию французского перевода книги Ирины Емельяновой «Легенды Потаповского переулка».

Воспоминания восходят к детству маленькой девочки, которую поэт практически усыновил, пока ее мать сидела в одном из лагерей ГУЛАГа. Затем к юности ее матери, затем к ее бабушке, женщине с характером, дворянке, развенчанной социально, но не морально, которая тоже прошла через лагерь. Географически текст охватывает собой Москву, начиная с Потаповского переулка, бывшего Большого Успенского, где в одном из советских домов в 1930-е годы бабушка получила квартиру на шестом этаже, за которой наблюдали шпики и старушки, все время собиравшиеся, и зимой и летом, на крошечном квадратике скамеек вокруг бюста Ленина, — и он простирается аж до Центральной Сибири, до Тайшета, куда в 1960 году отправили мать и дочь, делает сибирский крюк в три тысячи верст, чтобы потом вернуться в один из многочисленных мордовских лагерей.

Мнемозина, муза памяти, не так легко ей говорить, нужна передышка в испытаниях, письменный стол в мирном местечке, чтобы углубиться в воспоминания и вновь выстроить лирическое жилище. Для Ирины таким местечком стал Париж, после ее эмиграции из брежневского СССР, через четыре года после отъезда мужа, поэта Вадима Козового, уехавшего до нее вместе с их сыном Борисом. Об этом сыне говорит и героиня второй части книги, Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой: «великолепный, сосредоточенный, мрачный». В этой книге Мнемозина говорит многими голосами, хотя основной голос — тот, который «собирает другие голоса», — это голос Ирины Емельяновой, которой Ариадна заявляет в одном из писем, имея в виду Пастернака: «Ты дитя его души». Из двух детей, родившихся от любви Ольги и Бориса, ни один не выжил, но поэт особенно любил Ирину, дочь Ольги от первого брака, и Дмитрия, ее сына от второго брака; оба стали почти сиротами после первого ареста Ольги в 1949 году за ее связь с поэтом. Ирина тогда еще училась в школе, позже она будет учиться в Литературном институте имени Горького — институте, готовившем писателей, поэтов, прозаиков и переводчиков. Переводчица Ирина, она также и полноправный писатель, а это ее «лирическое жилище».

Мне придется вспомнить свои встречи с автором этой книги, поскольку речь в ней заходит и обо мне. Осенью 1956 года, по моему приезду в Москву, когда я поселился в университете

имени Ломоносова на Ленинских (прежних Воробьевых) горах, в «зоне Г», в комнате 636, некий студент исторического факультета мне однажды сказал: «Хочешь, я познакомлю тебя с семьей, в которой сидели все?» Все — это бабушка, Мария Николаевна, и мать, Ольга Всеволодовна. Тогда это были еще не совсем все, всеми они станут позже, после моей высылки *mapu militari*, накануне нашей свадьбы, когда и саму Ирину, вместе с матерью, отправят в один из мордовских лагерей, и дуэт превратится в трио: она станет третьей женщиной в семье, познавшей ГУЛАГ. Конечно, это были уже не сталинские времена, ГУЛАГ уже не был стопроцентными воротами ада и медленной смерти, но все же имели место и хрущевские гонения: зарисованные Ириной пейзажи лагеря, или портреты верующих женщин, свидетелей Иеговы, баптистов или пятидесятников, которых она описывает в конце первой части, удивительно рельефны. Коммунизм, хотя и считал, что он уже искоренил религию, «опиум для народа», на самом деле был от этого далек, по крайней мере на Западной Украине, откуда и были эти женщины, встреченные Ириной. Духовные песнопения лагерниц, та помощь, которую они оказывали молоденькой зечке из Москвы, их абсолютная вера в приход Антихриста, за которым, конечно, последует Второй Пришествие, — все это незабываемые страницы.

Итак, я познакомился с этой семьей, а затем и с самим Классиком, то есть с Борисом Леонидовичем Пастернаком, сыном художника Леонида Пастернака, знававшего Толстого и создавшего иллюстрации к его «Воскресению». В моем савойском доме есть прекрасная литография, на которой изображен Толстой за работой в своем яснополянском кабинете, подписанная Леонидом и посвященная Борису Леонидовичу. В один прекрасный день Классик пришел в Потаповский переулок, переполненный радостью оттого, что нашел две последних литографии: одну он подарил Дмитрию, брату Ирины, а вторую мне, ее жениху.

Каким чудом, каким соединением звезд мои самые первые шаги слависта, студента-стажера в Москве после года учебы в Сорбонне, привели меня в эту семью, к этому поэту, в этот свет радости, смеха, поэзии, каким сияло жилище Ольги Всеволодовны? По правде сказать, я тогда вообще не осознавал, какое счастье мне выпало, какая позолоченная солнцем удача

приоткрыла мне эту дверь в Россию. Дверь, которая открылась и из которой я так никогда и не вышел, несмотря на то что меня выслали, лишили Ирины, несмотря на потерю всего, что в те годы напряженной юности составляло центр моей жизни, а стало испытаниями на пути влюбленного, но еще желторотого юнца-слависта, каким я был в 1956-м. А четыре года спустя произошла та моя госпитализация в Москве, о которой говорит Ирина, высылка на последнем самолете в Хельсинки, а спустя неделю после этой высылки арест сначала матери, потом дочери, море грязи, выливаемое советской пропагандой на обеих женщин и на «жениха, привязавшегося к долларам Нобелевского лауреата»... Это были годы напряженного счастья, за которыми последовало острое страдание, два года моей военной службы, несколько месяцев в Алжире, ранение, долгое ожидание, когда же хирург закончит с моим товарищем, чтобы заняться мной. Товарищ так и остался на столе, а я выжил.

Думаю, что фантазия, живость, веселость, но порой и суровость суждений Ирины вошли чудесным образом в саму ткань этой книги. Да, в семье царили поэзия и радость; то, что для Запада стало «делом Пастернака», то есть присуждение Нобелевской премии, разворачивание гебистской истерии, ГУЛАГовские испытания, — не изменили той глубинной радости, какую мне довелось разделить. Сам поэт, всегда подетски веселый, любящий всевозможные встречи с маленьким народом, но совершенно теряющийся в тех юридических войнах, которые вели вокруг него, в Париже или в Милане, те, кто претендовал на руководство его издательскими делами, был одновременно и путем к этому «лирическому жилищу», и самим жилищем.

Ирина упоминает множество сцен, в которых мы с ней вместе: в Потаповском переулке в Москве, у хозяйки Маруси в Баковке, возле Переделкино, или на той простенькой веранде, которую я снял у двух колхозников, назвавшись литовцем. Мне приходилось им без конца рассказывать (придумывать) о жизни в Литве. Чтобы пройти из Баковки в Переделкино, нужно было спуститься в «ущелье», перейти по мосту-дамбе пруд в бывшем самаринском имении, снова подняться в деревню писателей, признанных Сталиным. Я вновь побывал в этих местах три года назад, все изменилось, вместо изб

теперь зажиточные коттеджи, один аляповатее другого, забегаловка там, где напивался Александр Фадеев, пока не покончил с собой; с другой стороны от дороги, ведущей в Переделкино, элитный ресторан, дом поэта стал музеем, на калитку бросают тень высокие бетонные стены будущей роскошной резиденции...

Мы подолгу катались на лыжах с ее старой учительницей английского Инессой; мы ходили в театр, и я отлично помню постановку «Разбитого кувшина» Клейста театром Грюндгенса, о которой пишет Ирина. Поэт тогда еще был в полной форме, его глубокий голос а-ля Шаляпин раздавался над толпой, когда мы пошли за кулисы и когда немецкие актеры просили у него подписать книги каждому из них. Его мировая слава, его любовь к немецкой литературе, и в частности к Клейсту, которого он переводил, его любовь к театру, итогом которой стало то, что пьеса «Слепая красавица» оказалась самым последним его произведением, — все это сошлось здесь. Создавалось впечатление, что весь мир отзывался в нем, через него, и что он сам отзывался сквозь весь мир. Он взрастил в наших сердцах наивную веру в будущее.

Тот роман я читал именно там, в свой первый приезд, в самиздатовском формате, но был он для меня, начинающего, очень труден, и я начал чтение с конца: стихи Юрия Живаго, эпилог были понятнее, и я продирался сквозь роман задом наперед — мое первое чтение шло «наоборот». Может быть, именно поэтому я не разделяю мнение Ирины о начале романа с его старинным налетом в стиле романов XIX века об испорченных гимназистках... Ослепительность стихов Юрия Андреевича, медленное восхождение к началу романа, предпосылки революции привели меня к завершению этого сложного начала, центра паутины, к которому сходятся нити, как на рождественской елке, не введение в музыкальную тему, как в старинной музыке или у Диккенса, но как разрешение тем покорности и бунта в романе и в России... Конечно, после этого я перечитывал роман множество раз, теперь уже «от начала до конца», и так преподавал его студентам. Он у меня всегда под рукой, всегда можно взять и перечитать, волшебное утешение в любой момент жизни.

В Оксфорде, между теми двумя годами, что я провел в Москве, я познакомился с двумя сестрами поэта, меня принимал

у себя блестящий собеседник, профессор Исайя Берлин, который советовал сестрам не печатать «Доктора Живаго»: христианский мистицизм романа, поэзия в конце ему не очень нравились. Я не раз присутствовал при работе над английским переводом романа, которым занимались Маниа Харари и Макс Хейворд. Принимал в этом участие и Георгий Катков, внук великого Каткова, издателя Достоевского. Мне казалось, что вся великая русская литература собралась там для работы над усовершенствованием этого перевода, что и тут я оказался в сердце «Живаго», Живущего.

Портрет матери, который Ирина рисует в книге, предельно точный, слегка ироничный, порой немного суровый, пронизанный любовью. Лара, героиня романа, Лара из «Против дома с фигурами», Лара из «Опять в Варыкине», Лара чудесных иллюстраций, которые сделал к роману Александр Алексеев, — это она, эта женщина, воплотившая для меня русскую красоту, русскую впечатлительность, русскую веру в жизнь и в победу счастья над всеми несчастьями. В любви, связавшей ее с поэтом, не было ничего случайного: в обеих была та же детская, юношеская жилка, страстная, всегда доверчивая к жизни, к Богу, который мог принять форму и самоотдачи на волю случая, и Гефсиманского пути. Она была словно воплощением одного из этих стихотворений, как написала Ольге Ивинской Ариадна Эфрон, прибавив еще, что жизнь полосата, как зебра. И эти чередующиеся полосы жизни, то пылающего счастья, то страдания, раскаленного в горниле испытаний, были у них сцепкой жизни, любви, поэзии, принятыми целиком и нераздельно, без жалоб и упреков. Ирина справедливо подчеркивает *сострадание* — сострадание без слащавости и ханжества, сострадание столь естественное, как воздух, которым дышат, часто приводившее к расточительности, выходившей за пределы разумного. При этом, как мы увидим, в жизни Ольги несчастий вполне хватало. Сперва трагическое самоубийство ее первого мужа, убежденного коммуниста. Затем второй ее муж, с 14 лет разоблачавший кулаков и, похоже, тайно донесший и на мать Ольги, Марию Николаевну, и преждевременно погибший в 1942-м. Сразу после войны Ольга работала в редакции «Нового мира», где и завязалось ее счастье с Пастернаком, за которое ей придется поплатиться двумя арестами, двумя лагерными сроками...

Книга Ирины Емельяновой, помимо перекрестных портретов поэта и ее матери Ольги, помимо новых деталей хроники «Дела Пастернака», дает еще и трогательный портрет Варлама Шаламова, автора «Колымских рассказов», давно влюбленного в Ольгу Всеволодовну; тут же и потрясающая подборка писем ее матери и бескомпромиссной Ариадны Эфрон, вернувшейся в СССР еще до возвращения отца, матери и брата, которые все потом погибнут трагически, хотя и каждый по-своему. Ариадна вернулась из ненависти к буржуазному Западу, достойная наследница всех тех русских революционеров и революционерок XIX века, писавших русские «социалистические романы», чему в свое время отдал щедрую дань и Пастернак («Лейтенант Шмидт», «Спекторский», первые части «Доктора Живаго»). А в конце книги Ирина рисует трогательный портрет своей преподавательницы английского, Инессы Малинкович, с которой мы объездили на лыжах окрестности Переделкино и которая потом эмигрировала в Израиль. Именно Инесса Захаровна познакомила Ирину не только с поэзией, но и с живописью, пока мать была в лагере. Она была «крысоловом», спасавшим детей из большевистского Гамельна. Портрет, нарисованный ее тогдашней ученицей, ставшей потом другом на всю жизнь, показывает нам очень талантливую еврейскую женщину, которая не могла сделать ту интеллектуальную карьеру, какой заслуживала (потому что в СССР свирепствовал негласный закон *numérus clausus*) ученица великого компаративиста Леонида Пинского, прошедшего через ГУЛАГ и вернувшегося потом к своим верным ученикам (я перевел и издал по-французски его «Минимы»). Эмигрировав в Израиль, оказавшись там в одиночестве, она попала в Иерусалиме в среду иудеев-фундаменталистов, жила в квартале, где в субботний день проезжающую машину закидывали камнями.

Помимо всех этих портретов, по сути в книге собраны замечательные наблюдения о времени, до сих пор мало изученном: советская Россия времен начала Оттепели, 1956 год. Роман «Компетентные органы» сына Андрея Синявского, замечательного юмористического писателя, писавшего под псевдонимом Гран, видимо, из подражания отцу, писавшему под псевдонимом Терц, рисует нам совсем другую картину этой же «Оттепели». В «Легендах» у Ирины они, конечно,

тоже тут как тут, эти вездесущие, всеведущие компетентные органы! Они тут как тут, чтобы провести обыск сразу после похорон поэта, 3 июня 1960 года (меня при этом не было, так как я вернулся в свою комнату в студенческом общежитии университета); именно они допрашивают Ольгу, затем Ирину. Ирина противостоит им даже лучше матери, та хоть и опытная зечка, но фаталистка. Вся атмосфера пронизана их присутствием, будь то у хозяина дома Кузьмича, у хозяйки Маруси, у московских соседей снизу (или в моей студенческой комнатухе в МГУ). При их господстве над всем обществом, одни от этого живут в постоянном внутреннем страхе, другие же предпочитают жить так, как будто их просто нет. Поэт и Ольга принадлежали ко вторым.

Но видны в книге и другие приметы СССР: в нем так давно привыкли к беспорядочному кочевью населения, что можно передвигаться почти инкогнито. И еще переписка, несмотря на все препоны цензуры, преодолевает огромные пространства советской империи. Так из лагеря на Беломорканале в лагерь на Алтае философ Алексей Лосев пишет письма своей жене и получает от нее ответы. Когда Ирина будет читать материалы дела своей матери в архивах КГБ, в тот краткий промежуток времени, когда их открыли, она будет сидеть рядом с еще одним читателем, просматривающим дело Эфронов. Конечно, там могут встретиться фантазмагорические доносы, в стиле тех, что с таким смехом и ужасом описал Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» или Синявский в «Спокойной ночи». Черт тут, конечно, хорошо поработал, но рядом с этим хватает и доброты.

«Первый арест — первая любовь», — говорит Ирина, имея в виду свою мать; иными словами, первый арест — это как первая любовь, волшебная и хрупкая! Русское общество еще переживало последствия неслыханного потрясения, его население перепахали вдоль и поперек, но в мордовских деревнях, куда вклинили множество лагерей, продолжалась все та же архаичная жизнь, как и в прошлых веках.

И благословенных дней немало описано в «Легендах»; именно это и придает книге столь привлекательный, столь оригинальный колорит. Кроме того, тютчевские цитаты как-то естественно ложатся на русскую осень, шелковую и золотую, вслед за которой на русскую землю приходит суровая

зима, чтобы потом воскресить ее весной, сияющую и невредимую:

Какое лето, что за лето!
 Да это просто колдовство —
 И как, спрошу, далось нам это
 Так ни с того и ни с сего?

Живаго переписывает эти стихи себе в тетрадку. Они присутствуют, как в романе, так и в жизни, — светлые дни, которые мне посчастливилось разделить в последний год жизни поэта и которые и сегодня могли бы показаться мне чем-то немыслимым, если бы я сам их тогда не пережил. Потому что нам сегодня все еще кажется, что СССР в то время был полностью погружен в ту тьму, о которой пишет Олег Волков, прошедший через соловецкий лагерь. Я видел пруд самаринского парка, я жил в квартире в Потаповском переулке, который поэт называл порой его прежним именем — Большой Успенский. Я бывал в доме Маргариты Сизовой, который описывает Ирина, в одном из тех редких старых особняков, переживших пожар Москвы 1812 года. Москва и Переделкино стали вехами в моей жизни.

Даже в лагере, где Ирина слушала духовные песнопения пятидесятниц, женщин с Западной Украины, аннексированной Сталиным, побывавших сначала в нацистских лагерях, а затем отправленных, как «пособницы нацистов», в советский лагерь, а при Хрущеве, этом великом «либерале», после первого освобождения повторно арестованных и вновь оказавшихся в лагере, — они все же не отчаивались и пели свои песнопения, несмотря на холод или жару, несмотря на все тяготы. От них лучился свет, и Ирина чувствовала себя омытой им от раздражения. И даже Шаламов, «Колымские рассказы» которого столь безжалостно кратки и жестоки, даже он, смягченный той любовью, которую он сохранил к Ольге Ивинской, исправляет мир, восстанавливает «ткань внутренней жизни».

Это *восстановление* жизни, это *исправление* последствий зла и жестокости, это тоже Россия, Россия жестокая и сияющая, вся пронизанная нежностью и грубостью. И еще состраданием, тем состраданием, которое, по сути, живет в этой

книге и спасет ее героев, ставших материалом «лирического жилища», филигранно сокрытого в реальности. Или это потому, что, как говорит Ариадна в письме, поэзия сопротивляется дольше прозы? Здесь все вращается вокруг поэзии, подлинной поэзии, той, что сопротивляется всему, поэзии поэта, прислушивавшегося к зэкам в обледенелой канаве, сгрудившимся вокруг печурки, которая не греет, мечтавшего о другой «сестре моей жизни», в которой мифы о золотом руне или лермонтовский «Демон» преобразили бы обедневший мир.

Да сохранит Господь и эту Россию, и «лирическое жилище», и это сострадание, и эти души, сопротивляющиеся дробильной машине!

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

ЖОРЖ НИВА

Скалолазание профессора Стайнера

Я бежал. И нашел своего первого Гомера. Возможно, все остальное было к этому времени лишь сноской внизу страницы.

Джордж Стайнер. Перечень опечаток

В одном из своих многочисленных трудов, в которых он требовал *реального присутствия* смысла в тексте, Джордж Стайнер писал о «сугубо личном гостеприимстве, которое мы должны оказать своей смерти». Это загадочное выражение самого сокровенного, внутреннего осознания своей конечности и диалога с собственной смертью вспоминается мне сегодня, когда Джордж Стайнер продолжает свой диалог со смертью в мире ином, а не на страницах книг, не в лекциях и беседах. Бывало, в его словах звучал гнев, обращенный не столько к собеседникам, сколько к тому, что он считал всеобщим врагом своей эпохи (и нашей тоже): *заглушению смысла*.

Было что-то от чародея в Стайнере-учителе, мастере, иногда гуру. «Ты меня заколдовал, зачаровал и до того заговорил, что в голове у меня полная путаница», — говорит Сократу скептик Менон. Сам Сократ сравнивает себя со скотом, который приводит в оцепенение всякого, кто к нему прикоснется. Диалог «Менон» посвящен определению понятия «добродетель». Для Стайнера задача состояла скорее в том, чтобы найти определение *жажде смысла*. Он искал смысл повсюду, как в политике, так и в поэтике, как в жертвоприношении Авраама, так и в «Ректорской речи» Хайдеггера. А также в своих собственных романах, блестящих по форме, но уязвимых, так как слишком тщательно проработанных. Они подобны *големам*, чей создатель-алхимик чересчур хорошо орудует пробирками. Стайнер и сам осознал это, но потребность писать, выражать в литературе «сценарий мысли» была в нем сильнее. Он говорил: «Настоящие художники всегда спонтанны. К сожалению, я не могу причислить к ним себя». Что это, горестное признание с оттенком манерности? Он знал,

что его романам далеко до полного обновления смысла, доступного лишь Толстым и Рембо.

Стайнер хотел бы быть Сократом, то есть мастером исключительно устного слова. Но его обширная библиография убеждает нас в том, что это ему не удалось: слишком много книг! Его удачи в каком-то смысле были и его поражениями. Сократ-писатель — уже не Сократ! Но лучшие из его книг сохранили что-то от «сказа», от того учителя, которого я слышал в Женеве, где, с его позволения, посещал его лекции о Шекспире. У этого учителя был лукавый взгляд, «сухая» рука, которую он часто прятал, быстрая речь, бархатный и мощный голос, которым он цитировал «Бурю» и всего Шекспира наизусть, пересказывал все предыдущие интерпретации его текстов и не оставлял от них камня на камне. Он был воплощением того, каким должен быть учитель... Вот только в аудитории почти не было настоящих учеников: большинство составляли дамы из высшего женевского общества. Стайнер, как святой Августин, ненавидел «рынок болтовни», коим является риторика, но все же иногда ей предавался. Эту дурную привычку он сам в себе осуждал...

В книге «Учителя и ученики», блестящей по своей эрудиции, скрытой за афишируемой ложной скромностью, Джордж Стайнер не разоблачает, но частично приоткрывает нам себя. Он не написал, подобно Бердяеву, своей «Интеллектуальной биографии». Лишь «Перечень опечаток» содержит несколько искусно введенных в текст личных деталей, хотя это прежде всего обзор прочитанных книг. Своего рода интеллектуальной биографией можно считать все его тексты, собранные вместе. *Учитель* для него — это человек, соединяющий Глагол и Жизнь, иными словами, доктор Фауст. Учитель Фауст был предан своим учеником Вагнером, так как предательство ученика лежит в основании узла интеллектуальной страсти (с элементами эротизма, мазохизма, вампиризма), связывающей учителя и ученика. Читая «Бытие и время» Хайдеггера, Гуссерль обнаружил, что его самый способный ученик, собственно, отверг идею феноменологии как науки. Он также предал и Ясперса, но после поражения нацизма просил у него помощи. Он же сосал кровь у самой юной и самой талантливой своей ученицы Ханны Арендт, которая к тому же была еврейкой, а тридцать лет спустя вернулся к диалогу с ней — диалогу стар-

шого и младшего. Арендт, вернувшись в Германию, яро защищала своего бывшего учителя и любовника...

«Кто может, тот *делает*, кто знает, тот *учит*». Эти слова Гёте завораживали Стайнера. Он был блестящим учителем, *маэстро*, его наперебой приглашали самые престижные университеты по всему миру, подобно тому как все оперные театры приглашали Герберта фон Караяна или Пласидо Доминго. Но при этом университеты побаивались этого Диогена от филологии: они его приглашали, но не предлагали штатной должности, или *tenure*, как говорят в Америке. В конце концов должность предложила мирная Женева, и в ней он прожил десять лет. Именно там мы с ним и познакомились. Покидая Женеву, он сказал нам в профессорском совете, что вместе с ним уходит и поиск *смысла* в филологии...

Ученик, о котором Стайнер мечтал, но которого у него по-настоящему так и не было, незримо присутствует в его книгах. Книга «Учителя и ученики» в гораздо большей степени посвящена учителю, чем ученику. Впрочем, если учителю не хватает учеников, ему достаточно удвоиться, утроиться и так далее... Гетеронимы португальского писателя Фернандо Пессоа он приводит в качестве примера дионисийских страданий каждого *маэстро*, вынужденного придумывать себе несуществующих учеников. Рейш и Кампуш, два призрака португальского писателя, называют себя учениками Каэйру — третьего призрака; все трое сосуществуют в атмосфере подозрений, близости и ревности, характерной для отношений учителя и его любимых учеников. Четвертый гетероним — сам Пессоа — за ними наблюдает и их разоблачает... Подобно судебному следователю, Стайнер разбирает несколько примеров «учителей и учеников» в литературе: Флобер и Мопассан, Эзра Паунд и Т.С. Элиот, не умалчивая о сексуальной составляющей таких дуэтов, как Абеляр и Элоиза, Хайдеггер и Ханна Арендт, Алкивиад и Сократ.

Перечитывая «Учителей и учеников», я был удивлен тому вниманию, какое Стайнер уделяет французскому философу Алену. Сегодня Ален совсем забыт, издательству «Плеяда» не удастся распродать шесть тысяч страниц его четырехтомника, который был выпущен в 1950–1960-х годах, американские университеты не посвящают ему ни одной диссертации, в то

время как о Деррида или Делезе их пишут сотни. Тем не менее Стайнер им восхищался, возможно, даже завидовал этому простому учителю средней школы, распространявшему свою мудрость посредством многочисленных «Суждений», у которого, вне всякого сомнения, были тысячи учеников в самом прямом смысле этого слова... Стайнер, который обычно с предубеждением относился к французской университетской традиции, непоправимо отмеченной *печатью монументальности и догматичности*, видимо, считал Алена исключением, достойным далекого Монтеня.

Возможно, свою роль в этом сыграл почти религиозный атеизм Алена, его «радость мыслить», которая соперничала с Богом. Как и Алэн, Стайнер всегда был очень близок религиозному, оставаясь при этом вне его. Он постоянно возвращался к диптиху Сократ и Иисус, первый в окружении учеников, второй — в окружении апостолов. Момент, когда Христос отправляет своих апостолов на проповедь, был для него ключевым, и, по-видимому, он относил его и к себе: «Идите, оставьте Меня! Предайте Меня, если нужно (подобно апостолу Петру)». Этот наказ ученикам идти своим путем был для него краеугольным камнем подлинного учения настоящего учителя, такого как Заратустра у Ницше. «Я наказываю вас потерять меня, чтобы обрести себя; когда вы все отречетесь от меня, я вернусь к вам». Интересно, знал ли Стайнер, что все христианские богослужения заканчиваются словами Христа, отсылающего от Себя апостолов? Сам он называл это «бегством от волшебника», заимствуя название романа Айриш Мёрдок «Flight from the Enchanter».

Читая диалоги Платона, мы часто испытываем желание бежать от Сократа. Российский театральный режиссер Анатолий Васильев блестяще и с изрядной долей юмора продемонстрировал это в 2008 году на фестивале в Авиньоне: дотошные вопросы Сократа заканчиваются в его спектакле настоящей рукопашной. Иногда кажется, что, подобно Сократу, Стайнер решил уморить нас, задавив горами цитат, и что он не боится вызвать драку. Уморить, чтобы пробудить.

«Иудаизм — это учение», — повторял Стайнер. Иудаизм, хотя и не всегда прямо названный, вне всякого сомнения, за-

нимал центральное место в его творчестве. Если для иудея Текст, окруженный бесчисленными толкованиями, — это отечество, если Бог воспринимается им как Отец маленького ребенка, которого Он учит ходить, Отец, Который все больше отстраняется по мере того, как ребенок делает следующий шаг, другими словами, если утрата Бога является доказательством Его существования, то профессор Стайнер — настоящий иудей и даже — кто знает? — настоящий Отец, который, подобно Богу, отстраняется, когда к нему пытаются приблизиться... «Я всю жизнь задавался вопросом о взаимосвязях между негуманными науками и бесчеловечностью». Это редкое признание, возможно, приоткрывает нам суть его учения, его подспудную цель, которая была также его глубокой болью.

Негуманные науки и бесчеловечное в противовес гуманным или гуманитарным наукам и человеческому... То есть предательство гуманитарных наук и фабрика бесчеловечного. Эта взаимосвязь позволяет определить центральную проблему XX века: систематическое уничтожение человека, фабрику бесчеловечного, то есть Холокост, ГУЛАГ, лагеря смерти в Китае и Камбодже, опыт Питешти в Румынии Чаушеску или еврейский погром в польской Едвабне**. Однако для Стайнера это и проблема герменевтики и филологии, искажение и постепенное исчезновение наук, которые раньше принято было называть гуманитарными, то есть «человечными». «Неужели я боролся с ветряными мельницами?» — с горестью вопрошает Стайнер в книге «Реальное присутствие».*

* См.: *Ierunca Virgil*. Pitesti, laboratoire concentrationnaire, 1949–1952. Paris, 1996 (*Иерунка Вирджил*. Питешти, концентрационная лаборатория, 1949–1952). Эксперименты по «промывке мозгов» в этой румынской тюрьме, где палачи и жертвы жили рядом, возможно, воспроизводятся сегодня в более широком масштабе в китайской провинции Синьцзян.

** См.: *Gross Jan Tomasz*. Les voisins. 10 juillet 1941. Un massacre de Juifs en Pologne. Paris, 2002 (*Гросс Ян Томаш*. Соседи. 10 июля 1941 г. Уничтожение евреев в Польше). О еврейском погроме в июле 1941 г. в этой польской Едвабне польскими крестьянами, без участия немцев. Книга вызвала бурю споров в Польше. Президент Польши Александр Квасьневский официально принес извинение еврейскому народу за это преступление.

Действительно, его донкихотские сражения кажутся иногда смешными. Он пытается привести нас в Идеальный город, новую Утопию, которая стала бы *Городом первоначального*, то есть подлинного, Слова, исходного текста (*Ur-Text*). Это Утопия *творческого акта*, очищенного от толкований, от бесконечных комментариев, а главное — от мутной трясины университетской и школьной продукции. Реальное присутствие (плоти и крови Христа) в Евхаристии было предметом бесчисленных дебатов и причиной религиозных войн. Теоретически именно этот догмат до сих пор разделяет католичество и протестантизм, хотя самих верующих это мало заботит. В этом вопросе Стайнер был фундаменталистом. Он хотел возродить «труды и дни» человечества, освободить «грамматику», данную Богом, от грамматики Деррида и других риториков. Текст прошлого должен был стать у него текстом настоящего.

Стайнер словно хотел уподобиться новому гамельнскому дудочнику, чтобы вывести всех университетских крыс из *города толкований* и привести их в *Город первоначального слова*. С толкованиями об искусстве в том идеальном Городе будет покончено. Там одни творцы смогут говорить о творцах; Веласкес продолжит жить в Пикассо, Пьеро делла Франческа в Сезанне, Гойя в Мане, Энгр в Дали, Вергилий в Данте, Данте и Вергилий в Мильтоне, Гомер, Вергилий, Данте и Мильтон в Паунде... Жизнь искусством — это не педантические цитаты и еще меньше модная «интертекстуальность», нет! Это помещение всех творцов в один план абсолютного существования, без хронологии, без комментариев и без контекста, это *олимпийская Ухрония*.

Не будучи музыковедом, Стайнер часто возвращался к мысли о том, что музыка является наилучшим примером мистического «реального присутствия», и в этом он удивительно близок к тому, что писал великий музыкальный критик Борис де Шлёцер в своем эссе «Введение в И.С. Баха» (1947 год), рассуждая о прелюдии до мажор из «Хорошо темперированного клавира»: «Строго говоря, музыка не имеет смысла, она сама *является* смыслом». Это значит, что какая бы то ни было критика или толкование не имеют смысла. Требуется почти невозможное внимание, постижение конца в начале и начала в конце, чтобы осознать это реальное при-

существование*. Эта прелюдия существует вне времени, хотя ее исполнение требует определенного времени; искусство — это «победа над дисконтинуумом». В каком-то смысле это делает невозможным любую его оценку...

Этот парадокс невозможности эстетического суждения является обертоном всего творчества Джорджа Стайнера. А жанр его работ, которым он владел с таким совершенством, можно определить как *чтение текстов*, расшифровка (или прокламация) этого смысла — тотального, реального, присутствующего, подобно Богу в Евхаристии, но не *поддающегося краткому изложению* (он вспоминает Шумана, который в ответ на просьбу разъяснить сложный этюд сел за рояль и исполнил его целиком; он мог бы вспомнить Толстого, который на вопрос о смысле романа «Анна Каренина» заявил, что ответ займет много времени, так как для этого ему придется перечитать весь роман с начала до конца). С университетом, журналистикой, радио, телевидением, которые только и делают, что бесконечно толкуют и нарушают принцип невозможности оценки, — и с самим собой — Стайнер боролся неустанно, от книги к книге.

Отомстил ли ему университет? Во втором предисловии к монографии «После Вавилона» он дает нам понять, что да. Стайнер сообщает, что эта книга была написана в то время, когда его «все больше исключали из университетского сообщества», но добавляет при этом, что это было для него скорее благом. «Некоторая степень отверженности, вынужденной изоляции может быть одним из условий продуктивной работы». Изоляция Стайнера была весьма относительной! Но маргинальность была для него условием духовного приключения. Ведь и великие иудейские пророки все как один были отверженными...

Ни один Пиррон, пишет Стайнер, не применял свой скептицизм к языку, который служил ему для выражения этого скептицизма. Еще действовал «союз между словом и миром», но в конце XIX века он распался. Состоялась крайне редкая в истории западной цивилизации подлинная революция

* Осознать это реальное присутствие пытались Томас Элиот в своих «Четырех квартетах» и затем Анна Ахматова в своей «Поэме без героя», в которой она напрямую отсылает нас к Элиоту.

сознания, которая определила само понятие «модернизм»^{*}. Революция началась с Малларме, который заменил «реальное присутствие» на «реальное отсутствие». Речь тут идет не только о поэтике. Стайнер, опираясь на Витгенштейна и его «Трактат» (1921 г.), видит в этом «реальном отсутствии» отказ от иудейско-эллинистического определения человека как существа, «обладающего императивом слова, существа, которое *должно говорить*, чтобы реализовать свою человечность». Выступая в Левенском университете, Стайнер произнес похвалу Языку, как самому простому, повседневному, так и самому семантически сгущенному, языку досократиков, и закончил выступление похвалой Молчанию — Кьеркегору, который называл себя *молчаливым*, протестуя против нашествия шума, *noise*. До Стайнера это нашествие осуждали советские писатели-деревенщики Валентин Распутин и Виктор Астафьев. Но ему самому вряд ли понравилось бы это сравнение с Распутиным. Солженицына он тоже не любил, но нам не избежать еще одного парадокса: крайне либеральный Стайнер был не так далек от самых консервативных противников «прометейской» стороны марксизма. Его встревоженный призыв создать «внутреннее пространство», вернуться в «дом самих себя», сближает его с мыслителями, которых он сам называл логократами.

В монографии «После Вавилона» (1975 г.) он впервые заинтересовался вопросом-обвинением об опустошении мира — то есть хайдеггеровской темой, которую он развивал во всех своих последующих книгах и, разумеется, в «Мартине Хайдеггере». Это привело его и к воспеванию мыслителей, которые на шахматной доске французской интеллигенции имеют весьма сомнительную репутацию: Жозефа де Местра и Пьера Бутана, который был учеником Шарля Морраса и автором «Онтологии секрета». Вместе с ним Стайнер опубликовал «Диалог» о мифе об Антигоне и о жертвоприношении Авраама. О том, как лингвист Соссюр за век до него был полностью оспорен и отвергнут де Местром, одним из редких «пастырей слова». Другими словами, Стайнер изобличал упадок смысла, как самые ярые традиционалисты изобличали упадок веры...

^{*} *Steiner George. Réelles présences. Paris, 1991 (Стайнер Джордж. Реальное присутствие). P. 121.*

«Катастрофа Вавилона» — загадка тысяч языков, исчезновение которых невозможно объяснить никакой дарвиновской теорией, — беспокоила Стайнера больше всего. Спасением для него могло стать только прямое овладение, немедленное осознание текста и Смысла. К этой титанической попытке он нас призывает — как мы помним, Титаны хотели взобраться на небо и стать богами. Каждое прочтение текста становится, таким образом, такой же изнурительной задачей, как перевод «Илиады» на эскимосский язык или фулу. Мой взгляд на картину Сезанна, мое прослушивание ноктюрна Шопена должны уподобиться титанической попытке захватить небо.

Это почти безумное требование очевидно не учитывает канонов эстетики и может раздавить читателя Стайнера, как оно зачастую раздавливало его слушателя. Однако Стайнер не отрицал канонов, он посвятил им не одну главу, показал, что Гомер или Исаия создали полное описание жестов и эмоций человеческого существа... Шедевры — это произведения, которые заключают в себе все войны, составляющие человечество: то есть сумму войн между мужчиной и женщиной, между животным и человеком, между молодостью и старостью, между болезнью и здоровьем, личностью и общиной, людьми и богами.

Перевод, точка отсчета всех размышлений Стайнера, не может быть предметом иного дискурса, кроме как дискурса об «опыте переводчика». Он полностью отвергал бесчисленные коллоквиумы, диссертации, симпозиумы, посвященные *науке перевода*. Он считал, что «теорий перевода» не существует, есть только «аннотированные описания процесса перевода». Исходя из этого он мог лишь сурово опровергать Ноама Хомского, возглавлявшего в то время исследования в рамках так называемой «трансформационной порождающей грамматики». Аксиома Хомского о глубинных универсальных и врожденных структурах человеческого мозга противоречила глубинным убеждениям Стайнера и не оставляла места множественности языков и гетерогенности космографий, которые они представляют*.

* Steiner George. Language and Silence. London, 1967 (*Стайнер Джордж. Язык и молчание*). Р. 30.

Как настоящий талмудист, Стайнер рассматривал как одно целое одновременно и возвращение к единству Слова, и его *противоположность* — разрушение единого языка. Он цитировал Кафку и его последние незаконченные рассказы. Вавилонское смешение было необходимо для человека, но Кафка добавляет: «Все мы роем вавилонскую яму», — намекая на то, что даже первая башня была не столько устремлением к Богу, сколько бегством от Его всевидящего Ока. Кафка видел в башне и ее руинах «поразительный ракурс» тяжелой доли человека.

Вавилонская яма — это метафора, которую удивительным образом использовал советский писатель Андрей Платонов в рассказе «Котлован». Конец рытья котлована или конец возведения Вавилонской башни приводит к началу четвертого Евангелия: «Иоанн говорит нам, что в начале было Слово. Но он не дает нам точных указаний относительно того, каким будет конец». Будет ли это наступление окончательного Слова или окончательное разрушение Слова?

Подобно тому как каппадокийские монахи удалялись от мира, наш мир удалился от Слова и, следовательно, утратил Смысл. Стайнер очерчивает историю этой утраты. Лейбниц и Ньютон ввели в мир динамический язык, Спиноза и затем Витгенштейн задержали *уход Слова*, попытавшись, в своих *Трактатах* связать его с математической логикой, но ничего не вышло, «смерть Слова» остается фактом. Впрочем, не достаточно ли забыть всего одну букву, чтобы мир разрушился, как говорят талмудисты?

Стайнер показывает, как в качестве компенсации «смерти Бога» появились три мифологии, выполняющие ту же функцию: Маркс, Фрейд и Леви-Стросс. Из этих троих ближе всех ему был Леви-Стросс: во-первых, из-за полярностей, которые, по мнению этого антрополога, структурируют противоречия человека, во-вторых, из-за того, что он изобличал уничтожение этносов, вызванное колониализмом. «Столкнувшись с этими тенями остатков рая, западный человек принялся уничтожать их»*. Как людей, так и языки. Стайнер разделял пророческий гнев антрополога, не без иронии от-

* Steiner George. *Nostalgie de l'absolu*. Paris, 2003 (*Стайнер Джордж. Ностальгия по абсолюту*). Р. 51.

мечая при этом, что, по определению, антрополог разрушает коренную общину, в которой он поселяется для ее изучения.

Генетическая связь между Марксом, Фрейдом и Леви-Строссом — тремя субститутами Бога, если можно так выразиться, — это, разумеется, их еврейство. Хотя Стайнер не был их приверженцем, он, казалось, всегда гордился тем, что они вышли из иудаизма. Будучи сыном венских евреев, получив образование во Франции и затем в США, Стайнер чувствовал свою близость феномену поиска истины, появившемуся в Восточном Средиземноморье, унаследованному Грецией к концу VII века до нашей эры и перешедшему затем в западную культуру, но сейчас уступившему жажде войны, — Стайнер писал это в 1974 году, до окончания холодной войны, но — увы! — это суждение не устарело и сегодня. В это же самое время и Солженицын предостерегал изнеженный Запад, что коммунизм может одержать победу. Оба ошиблись: падение коммунизма для обоих стало неожиданностью. Но сегодняшние войны, гибридные или локальные, например на Донбассе или в Мали, возможно, указывают на их правоту.

Стайнер позиционировал себя не как еврей, а как еврейский эллин. Но в одном из своих романов он, по всей очевидности, обращается именно к евреям. В романе «Транспортировка А.Г. в Сан-Кристобаль» (А.Г., то есть Адольфа Гитлера), вдохновленном поимкой Эйхмана в Бразилии израильским «коммандос», рассказывается о поимке Гитлера, скрывавшегося в экваториальных лесах Бразилии. Над головами пойманного и его стражников пролетают вертолеты захвативших власть полковников, которые охраняют нацистов, спрятавшихся в их стране. Очевидно, что военный отряд скоро будет обнаружен, но командир хочет судить своего пленника по закону. Он предлагает ему адвоката по назначению из числа сопровождающих его людей. Гитлер отказывается — он будет защищать себя сам. Сцена суда среди тропической растительности и удушающей жары весьма театральна. Это самое удачное изобретение в художественном творчестве Стайнера. Речь Гитлера опирается на единственный аргумент: свою доктрину нацизма и систему аргументов он позаимствовал у избранного еврейского народа. Роман был переработан в театральную пьесу, показ которой состоялся в Лондоне и вызвал грандиозный скандал, почти мятеж.

Молодые евреи пытались прервать спектакль, потребовалось вмешательство конной полиции. До публикации романа Стайнер дал мне прочесть свой текст, и я обеспечил его перевод и публикацию в издательстве «Âge d'homme». На следующий же день он рассказал мне о лондонском «восстании». Никогда еще я не видел его таким возбужденным, счастливым оттого, что его текст оказал на публику такое воздействие... Слово и Дело смешались воедино, как он и мечтал. Это было временное выздоровление от атавистической меланхолии, поразившей Запад, электрическая дуга, квантовый переход, потрясший изношенную цивилизацию и пробудивший в ней огонь жизни. Меланхолия или тоскливость мысли, для которой он установил «десять возможных причин»*, связанная, по мнению Шеллинга, с нашей конечностью, является тем темным фоном, на котором пишется человеческая мысль. «Тени, падающие между мыслью и действием, не поддаются инвентаризации»...

Исаия, Сократ, Иисус Назарянин — драматургия Стайнера всегда двойственная, греческо-иудейская, иудейско-христианская. Это Антигона, отвергающая закон, и множественные Антигоны, ставшие ее двойниками. Антигона Софокла подобна молнии, остальные — раскатам грома. Здесь также проявляется умение Стайнера драматизировать, усиливать эффект. О стихах 441–581 «Антигоны» Софокла он пишет: «Я не знаю ни одного другого светского или религиозного художественного текста, которому удалось бы настолько суммировать все войны». Вот отрывок из ответа Антигоны на вопрос Креона: «Как же могла закон ты преступить?»

Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопредстольница богов.
А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Создание человека, мог низвергнуть
Неписанный, незблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня

* *Steiner George. Dix raisons (possibles) à la tristesse de pensée. Paris, 2005 (Стайнер Джордж. Десять (возможных) причин тоскливости мысли), двуязычное издание.*

Был ими к жизни призван, не вчера:
 Живет он вечно, и никто не знает,
 С каких он пор явился меж людей.
 Вот за него ответить я боялась
 Когда-нибудь пред Божиим судом,
 А смертного не страшен мне приказ.
 Умру я, знаю. Смерти не избегнуть,
 Хотя б и не грозил ты. Если жизнь
 Я раньше срока кончу — лишь спасибо
 Тебе скажу. Кто в горе беспросветном
 Живет, как я, тому отрадой смерть *.

Креон и Антигона противостоят друг другу как мужчина и женщина, старость и молодость, принятие реальности и отказ ее принимать. Один видит потребности живых, другая — потребности умерших. Они подобны двум половинам враждующего мира. Если бы человечество все потеряло, кроме 150 стихов этой ключевой сцены, оно спасло бы основное — основные характеристики истории человечества. «Во всяком случае, западной истории». Оговорка Стайнера свидетельствует, что он не уверен в «Универсальном» западного человека, но, так сказать, добровольно и сознательно остается в этом ареале.

Этому основополагающему тексту Софокла соответствует текст из книги Бытия: жертвоприношение Исаака. Стайнер делает его отправной точкой своих поисков Абсолюта и сопоставляет его с Холокостом. *Как умолчать?*** Вопрос касается невозможного: как Авраам мог поверить, что Бог действительно хочет, чтобы он принес в жертву своего сына Исаака? Была ли это забава Бога? И в чем тогда заслуга Авраама? В этом грандиозном тексте, перекликающемся с книгой Иова, вопросы теснятся один за другим. Это как бы талмудическое нагромождение *вопросов без ответов* или список вопросов, отменяющих друг друга. Возможно, Бог хотел дать возможность сатане раскаяться, злу перестать быть злом? Возможно, Бог хотел принести в жертву Самого Себя, как

* Перевод Ф.Ф. Зелинского. М.: Наука, 1990. (Серия «Литературные памятники»).

** *Steiner George. A Conversation piece. 1983 (Стайнер Джордж. Как умолчать?).* Французское издание вышло в 1987 г.

Он и сделал это, по вере христиан? Да, но тогда этот Бог — не наш Бог...

Подарив мне экземпляр книги, Джордж подписал ее так: «Для Жоржа Нива, тихий крик из глубины моей души». *Тихий крик*, но из глубины *моей души*. Долгий путь до земли Мория, долгий страх Исаака (который описал в своей великолепной элегии «Исаак и Авраам» поэт Иосиф Бродский), слова, вырванные страхом из уст Авраама. Весь этот *тихий крик*, который хотел бы вырваться наружу, но, как в кошмаре, застревает в горле... Василий Гроссман незабываемо описал в одной главе «Жизни и судьбы», как Софья Осиповна и маленький Давид, которого она схватила за руку и тут же усыновила, заходят в газовую камеру Биркенау, оборудованную под душ. Это ворота в ад и в то же время дорога в рай. Вопрос *как умолчать?* вводит нас в этот рай и ад одновременно. И завершается танцем перед Ковчегом, Ковчегом Завета и печью Освенцима.

«Восходящие градусы воздуха. / Все круче. / Огромней. Выше Мории. / — Танцуй, Мириам, танцуй, дул вентилятор под потолком. / — Теперь барана нет, и купина горит. / У танцоров широко раскрыты рты. / Так что рой наполняет их легкие. / И гудит для них медленная и бесформенная песня золы».

Отвечая на вопросы после выхода в свет «Реальных присутствий», Стайнер называл себя философом, но философом «одержимым», в то время как настоящий философ должен удерживаться от крика. Смирение и гордость этих слов отлично характеризуют «мастера чтения», каковым он себя мыслил. Смирение *критика*, публично оскорбляющего критику. Гордость *одержимого*, подобно пифиям или пророкам. Бог присутствует в слове «нет», которое Антигона и все мученики противопоставляют человеку-палачу и всем его сообщникам, то есть равнодушным людям. Не испытывал ли Джордж Стайнер соблазн ходить *около церковных стен*, подобно Василию Розанову, автору «Апокалипсиса нашего времени» (1919)? На вопрос Франсуа Эвальда он ответил: «Сказать слово *Бог* — значит сказать *нет* тому, что мы сделали с человеком и с жизнью».

Нет человеку, который разрушил Творение, создал Освенцим и позволил Полу Поту закопать живыми сто тысяч

мужчин, женщин и детей в лесах Камбоджи. Это всего лишь «говорение одного слова», но из чего изваян человек? — из умения *сказать*, из пепла хоть одного слова... Парадоксы, противоречия между смирением, пусть притворным, и гордостью, пусть ради самозащиты, были смирительной рубашкой мыслителя Стайнера, для которого неполноценность мысли была доказательством ее существования. «Надо цепляться ногтями за стену, пытаться вскарабкаться, падая вниз и начиная заново, пока нога не упрется в скалу». Как Самсон, он готов был погребать себя под этой скалой.

Перевод с французского Екатерины Пичугиной

ЖОРЖ НИВА

Живопись и вода в творчестве Александра Сокурова

Это огромное полотно, семь метров на пять, и его невозможно свернуть, так как лак на поверхности хрупкий, поэтому поедет оно специальным транспортом. Оно покидает Лувр, который эвакуирует его директор, Жак Жожар, — по крайней мере, полотна и статуи будут закамуфлированы. «Плот “Медузы”» — картина молодого и пламенного мастера Жерико — представляет эпизод, случившийся в 1816 году, вскоре после падения Наполеона. Фрегат «Медуза», отправившийся из Рошфора в Сенегал, потерпел крушение в буре, он кренится, и люди, чуть не потонувшие в нем, перебираются в шлюпку, которая тащит за собой огромный, наспех сколоченный плот. Капитан обрубает швартовые концы, и плот неделями будет дрейфовать по морю, люди на нем будут умирать, будут поедать друг друга. Для написания картины Жерико рисовал руки и головы, привезенные из госпиталя Сальпетриер. Мишле видел в нем спасителя человечества.

В странном фильме Сокурова «Франкофония», снятом о Лувре в период немецкой оккупации Парижа, директор француз Жак Жожар и Вольф Меттерних, посланный Гитлером для особого сопровождения ценностей для «новой Европы», будут разглядывать картину в узком и мрачном, без света, коридоре одного провинциального замка, куда ее эвакуировали специальным транспортом*. И вот мы, вместе с Сокуровым, по воле случая оказываемся в этой страшной, убийственной ночи, созерцая ужасающий плот, на котором

* Вдохновившись фильмом Сокурова, молодой прозаик Жоссе-лин Гийуа написал прекрасный роман «Лувр», в котором рассказ об эвакуации музея ведется по личным дневниковым записям трех женщин — супруги и двух любовниц Жожара, прежней и новой. «Нужно перевезти “Плот “Медузы”” Теодора Жерико, 35 м² полотна, изображающего трупы, которое нельзя свернуть. Жак пытается найти фургоны попросторнее...»

человеческое уродство предлагается для обозрения, как товар в лавке мясника.

Все органично связано в творчестве Сокурова, и его фильмы перекликаются, выстраиваются парами, тетралогиями или музыкальными «вариациями». «Франкофония» является, конечно, ответом на «Русский ковчег»: после Эрмитажа — Лувр. Эрмитаж — это настоящий дом Сокурова, и его «Русский ковчег» — непрерывный план на полтора часа — показывает и музей Екатерины Великой, задумавшей собрать в одном месте всю возможную живопись и скульптуру со всей Европы и саму русскую историю. Лувр, находящийся в открытом Париже, пострадал меньше, чем Эрмитаж в осажденном и голодном Ленинграде. Возможно, это вопрос чести?

Сокуров любит руки так же, как лица: руки Солженицына, руки художника, которого так любила Екатерина, — Юбера Робера. Эти руки держат кисточку и палитру. И его собственные руки тоже здесь — как руки слепого, они поглаживают миниатюрную картину «Площадь Святой Марии» Питера Санредама, хранящуюся в Роттердаме, в самом конце «Элегии дороги». Ибо Сокуров проводит нас сквозь всю Европу, вводит внутрь картин, отправляет в плавание с кораблями.

Во «Франкофонии» Сокуров беседует по скайпу с капитаном грузового судна, везущего контейнеры с живописью: судно попало в бурю и терпит крушение, оно уже собирается сбросить часть контейнеров с картинами в море, так же как и плот Жерико, они потонут у капитана Дерка.

И так же, как плот, фильм дрейфует по океану образов; Марианна с полотна Делакруа танцует в покинутом Лувре, Наполеон вместе с ней бродит среди отсутствующих полотен, которые изображали его владыкой мира. Слава проходит, а музей остается? Во всяком случае, речь идет не о воображаемом музее, как его представлял Мальро; музей, спасаемый Жожаром, а также тот, который эвакуировали из Ленинграда, — реальные музеи, с лаком, рамами и скрипучим паркетом. Звуковая дорожка бежит параллельно фильму, слова не совпадают с действием. В Париже на одной улице встречаются смерть и беззаботность; в Ленинграде Эрмитаж неузнаваем: больничные помещения и противобомбовое убежище, рамы остались, а полотна уехали. Блокада сделала из города плот, на котором умирают сотнями тысяч. Эрмитаж

спасен, но какой ценою! Такой высокой, что ее невозможно будет назвать вслух (антропофагия свирепствовала там, как и на плоту). Вопрос чести?

XX век заснул от боли. «Не спи, Чехов! Просыпайся!» — звучит голос Сокурова в самом начале фильма. Этому писателю Сокуров посвятил один из своих самых странных фильмов — «Камень». В нем Чехов умирает на фоне моря, в нем Чехов возвращается как призрак в то, что когда-то было его музеем. Возможно, музею лучше удастся сопротивляться смерти, чем хрупкому человеку... Почему Чехов? Да ведь не он ли является самой добротой, минимализмом пафоса и максимализмом сострадания? Урок, звучащий в сокуровском мире, близком к *arte poevero*, исчезнувшем в океане, в дожде, в капле — и всегда наполненном состраданием.

Приехав в Москву, маленький мальчик из степи (Сокуров вырос в Туркмении) удивлялся огромному «количеству свободной свежей воды, никому не принадлежащей». И когда Сокуров пишет (ибо он — «еще и писатель»), он делает это из «центра океана». На своем «плоту “Медузы”». Со своей одинокой шлюпки. Перед лицом волны, которая покрывает все.

*Перевод с французского Анастасии Маркидоновой,
под редакцией Натальи Ликвинцевой*

Размышления об убийстве учителя, убитого за то, что он был учитель

Мы не знаем, из чего сделан Другой. Из страха, смятения, любви, ненависти, крика о помощи. Ибо кричать о помощи можно и посредством ненависти. Мы не знаем, или больше не знаем, какова наша территория. Республика? Но ведь это не территория, это идеал, рывок, как и свобода. Нужно ее потерять, чтобы суметь ее понять. Кто не пользуется свободой, теряет ее. Кто не пользуется республикой, теряет ее. Кто не пользуется Францией, больше не знает, что это такое — Франция.

Если прислушаться к семи куплетам нашего национального гимна, «Марсельезы», некоторые слова могут нас шокировать: например, о «нечистой крови», которая должна пролиться. Чтобы понять их, нужно вновь пережить порыв солдат армии Рейна в сражении при Вальми, столь поразивший Гёте. Но как их понять в спокойные, мирные времена, если не искаженно?

Отвечать на просьбы о помощи стало трудно. Достаточно ли нажать на экран, когда наш банк online предлагает нам добавить нашу лепту на «благое дело»? Как помочь молодым сирийцам или афганцам, которым удалось нелегально пересечь границу между Италией и долиной Ройя после больше чем года опасностей и испытаний? Один наш замечательный соотечественник, живущий высоко над Ройей, помог им и упорно продолжал помогать. Его несколько раз судили. И, наконец, пришло прекрасное решение французского Государственного совета, признавшего право на оказание помощи этим беженцам «во имя братства». За последние угнетающие годы это не только замечательная законодательная инновация, но и в целом одна из тех редких новостей, которую мы приветствовали с великой радостью. Признать, что братство может законно толкнуть на совершение незаконного поступка!

Но сегодня, после убийства преподавателя в Конфлан-Сент-Онорин, проблема — иная, и она вписывается в длинную череду. От нее леденеет сердце. Это продолжение

страшных событий в школах и на наших улицах — после еврейской школы в Тулузе, после теракта в редакции сатирического журнала *Charlie-Hebdo*, после новой резни в Батаклане и кошерном магазине в Париже, после убийств в парижской префектуре полиции, то есть *святая святых* наших охранительных органов. После присоединения нескольких тысяч французов к Халифату в Сирии и Ираке, где Халифат обезглавливал своих западных заложников, а палач был «кореным» французом, обратившимся в ислам... Теперь — очередь за школьным учителем географии и истории, который ведь и сам носитель гражданской культуры, то есть учителем, ставшимся как можно лучше преподавать этику Республики.

Та этика, которую преподавал Самуил Пати и которую более-менее преподают повсюду в школах французской Республики, за последнее поколение успела сильно измениться: равенство мужчин и женщин, брак для всех (исчезновение понятия отец-мать из семейных документов), вскоре узаконят право женщин на искусственное зачатие ребенка. И конечно, право на богохульство, но тут ничего нового, оно входит в свободу печати с 1881 года. Однако с тем изменением, что теперь наше общество с мусульманской религией, второй во Франции по числу верующих, включает в себя миллионы французов-мусульман, среди которых малая, но не ничтожная часть новообращенных. (Факт, который нужно еще проанализировать и понять.) Она с трудом понимает само это право, которое к тому же, из-за социальных сетей, теперь получило большую огласку.

Кем был этот русский молодой 18-летний человек, совершивший преступление? (Русский, поскольку чеченцы являются гражданами Российской Федерации.) Получил ли он среднее школьное образование, ведь он жил во Франции с шести лет, то есть он тоже плод нашей школы? Были ли у него уроки гражданского воспитания, на которых преподают право на карикатуру? Объяснили ли ему, что карикатура может быть сделана на кого угодно, включая Иисуса Христа, Богородицу или сестру Эммануэль? Он не был учеником Самуила Пати — но у него были свои учителя. Откуда у него эта ярость при виде карикатуры на Магомета, изображенного в виде голого человека, увиденного с задницы? (Образ непристойный, спору нет — но карикатура на сестру Эммануэль была намного одиознее

и глупее.) Эта ярость в молодом ученике, вышедшем из нашей школьной системы, — проблема сама по себе. Не говоря о реакции группы возмущенных родителей и, наверное, исламистов, которые его толкнули к этому безумному убийству. Органам правосудия предстоит разобраться, кто сыграл какую роль. Какой подействовал психический механизм «радикализации», *заражения*, применяя словарь Гюстава Ле Бона, автора «Психологии толпы» (1891). Для «дерадикализации» нужно понимать радикализацию — включая эту слепую жестокость. Правосудию предстоит разобраться в этом механизме не для того, чтобы объяснить его нам, а для того, чтобы определить роль соучастников. Да, оно действует неторопливо, но в этой неторопливости есть и осторожность того, кто держит Весы правосудия, — а не только нехватка средств, о которой часто пишут.

Как не вспомнить о всех кровавых драмах, разыгравшихся в школах нашего мира за последние двадцать лет! В частности, трагедию Беслана, города в Северной Осетии, где захваченную террористами школу штурмовали русские военные и где в 2004 году погибло 186 школьников с их учителями и учительницами. А сколько было убийств в школах в Америке? (Каким бы «мотивом» ни прикрывался фанатик в каждом случае.)

Однако здесь мишенью стал один-единственный учитель, и это отличительная черта нового теракта. С этой точки зрения прав был президент Макрон, когда решил отдать дань Самуилу Пати во дворе Сорбонны, то есть в университете Сорбонны, на месте Коллегии, учрежденной Робером де Сорбон в 1257 году, рядом с могилой Ришелье, перед статуями Гюго и Пастера, — то есть как бы перед всем прошлым французской науки и французского образования. Огромная когорта преподавателей виртуально собралась в этом дворе, чтобы преодолеть смятение, страх, неуверенность.

Однако вскоре возникнут и другие вопросы. Так ли хорош подход нашей школы к феномену религии и к конкретным религиям — особенно к самой активной сегодня, к исламу? Во Франции господствует неписанное соглашение: оставайтесь в вашем частном пространстве, там вы совершенно свободны. А государство время от времени вас слушает, но слышать вас вовсе не обязано.

Но религия — это не частное пространство, как принято повторять во Франции. Это пространство человека. Вера

в Бога не является исключительно личным актом и не связана с государством. Евреям для совершения службы нужно собрать не менее десяти мужчин. Ритуал любой религии объединяет людей. Французский специалист по исламу Жиль Кепель говорит, что мы перешли от «джихадизма заговора» к «джихадизму атмосферы». Бороться «с атмосферой» — задача не только префектуры полиции, это дело всего общества, его системы образования, его концепции толерантности и его диалога с религиями.

Последняя книга Барбары Кассен «Счастье, зуб его сладкий для смерти» — необычная философская автобиография. Заглавие заимствовано у Артюра Рембо, самого провокационного поэта до сегодняшнего дня. Помимо многих других поразительных аспектов, книга Барбары Кассен молниеносно подходит к тем вопросам, которые остро ставит убийство преподавателя Самуила Пати. Кассен принимала участие в южноафриканской комиссии «Истина и примирение» архиепископа Десмонда Туту, ей выпал жребий участвовать в суде присяжных, судившем (весьма плохо, по ее свидетельству) двух черных, обвиняемых в изнасиловании двух австрийских туристов. То есть она изнутри знает проблему насилия, ответственности и прощения. Но главное в другом: ее «философская автобиография» (Бердяев пользовался словом «интеллектуальная биография»; по-моему, здесь впервые появляется выражение «философская биография») совершенно по-новому определяет, что такое Универсальное, понятие, к которому мы так часто обращаемся. Универсальное, пишет она, это всегда *что-то* Универсальное, оно либо мое, либо моего социального класса, моего образования, моей страны, «моей» Европы... Во Франции существуют несколько различных понятий Универсального, однако не всегда открыто выраженных. Единственное правило, в демократии, — это правило законов и уголовного кодекса. Это — не Универсальное, это — закон. В школах надо учить, что такое закон, как он меняется и почему. Но нужно говорить и об Универсальном, хотя это сложнее и скорее это дело философов. К тому же в этой школе должны учиться и участвовать ученики от семи до семидесяти семи лет...

*Авторизованный перевод с французского
Натальи Ликвинцевой*

ДМИТРИЙ СТРОЦЕВ

Беларусь опрокинута*

Белорусская медитация

терпение

время работает на нас

единый ритм страны

вдох

выдох

вдох выдох

с драконом говорить нельзя

на языке насилия

на его языке

только психиатр

не убивать

только долгая жизнь

* Мы задумали эту публикацию, когда переживали за жизнь и судьбу поэта и друга, представителя «Вестника» в Минске Дмитрия Строцева, 21 октября 2020 г. похищенного на улицах Минска. Ему на голову надели мешок, и родственники только на следующий день узнали, что он арестован, обнаружив его имя в тюремных списках. После 13 суток ареста Дмитрий вышел на свободу, с благодарностью к своим сокамерникам и с новыми стихами. Его еще неоконченный цикл «Беларусь опрокинута» стал своеобразным поэтическим дневником белорусского мирного протеста. Мы публикуем отдельные стихотворения из этого цикла. — *Редакция.*

на ферме
на свиноферме

где цмок у себя
как дома

говорить с людьми

с чиновниками
с военными
с врачами

с людьми

говорить между собой
искать общий язык

новый

с доверием и надеждой
с любовью

дышать полной грудью
одной грудью

всей страной

вход выдох

вдох
выдох

время работает на нас

терпение

05.06.2020

В Минске кровь

велосипедист-эпилептик
ворвался
в автозак

откуда
его бережно вынесли на руках
солдаты внутренних войск

и передали
подоспевшим
врачам скорой помощи

08.08.2020

памяти Александра Тарайковского *

не майдан
без щитов и касок

без страха

живые мишени
в тире
АГЛ

11.08.2020

* Убитый в одну из первых ночей протеста из огнестрельного оружия.

Женщины в белом

ева

ты
уже победила

пусть
в одной
отдельновзятой

стране

13.08.2020

*

мы с женой
не революционеры
беспартийные и безоружные

в нашем доме поселился дракон
бронированный и плотоядный

больше всего он любит наших детей
они уже избиты как китайская собака
и освежеваны

мы дико устали их прятать
у нас больше нет потайных углов

что нам делать
миролюбцы
драконофилы

13.08.2020

*

иерархи
изнасилованные
милицейской дубинкой до разрыва матки
на таком семейном синодальном фото
из Окрестина

иерархи
смирненно укрывающие черные гематомы
в льющиеся шелка праздничных облачений

тихо сложившие перебитые кисти рук на коленях

единой глоткой
куда заколочена по рукоять милицейская дубинка
отечески возвещаете

нам
телу Христову
Церкви, алчущей и жаждущей правды

покоритесь извергу и прекратите рыпаться, чада
вы не понимаете, что делаете

мы
иерархи
в тонком сне и келейной молитве
видели яйца дракона, а это невероятно красиво

это ярче, чем свет
это крепче, чем смысл
это чище, чем совесть
это выше, чем Бог

и это уж точно намного дороже, чем боль

мы
тело Христово
Церковь, плачущая и безутешная
отвечаем

вы потеряли голос и утратили облик
мы вас больше не слышим, не видим, не знаем
иерархи

19.08.2020

*

как удивительно
все же привести на площадь подругу

утром главный вояка страны возопил

пусть будет геноцид своего народа
сначала солдаты выстрелят вверх
а потом откроют огонь на поражение

взявшись за руки пройти по проспекту
как в последний раз
и вдруг на площади задышать
свободно

ключи у соседей
у собаки вода и запас сухарей на сутки

пройти через двор
где беспечная падает тень

выйти на улицу
где святая бредёт повседневность

может эти двое из всех
движутся в наше безумие
на расстрел

соскочить
ещё ничего не поздно
тошнота паническая атака
конечно ты можешь всегда повернуть
назад

глаза и глаза и глаза
шеф усё пропало мы победим
шеф усё пропало мы победим

кто и когда превращает
первобытный животный страх
в свободу и счастье

кто эти двадцать человек
что так раздражают диктатора
почему от них рябит в глазах

эвакуация лукашенко из дворца
началась прямо в эти минуты

лукашенко покидает дворец
прямо в эти секунды

нет дракон опять возвращается
с автоматом в клешне

шеф усё пропало мы победим

мы дико устали
мы победим

23.08.2020

Плачь сердце плачь

к университету
подкатили автобусы
без номеров

из автобусов
вывалили гопники
без лиц

короче
мы не будем
снимать маски
не будем ничего объяснять

и не будем цыркаться с вами
профессоры кислых щей

мы пришли за детьми

мы будем
винтить и ломать студентов
в университетских аудиториях
и коридорах

это наш шанс
телесно потно кроваво
прикоснуться к высшему
образованию

плачь сердце плачь

04.09.2020

*

в минском
дворе
рок

мы
ждем
перемен

в минском
дворе
крик

мама
беги
ОМОН

06.09.2020

Так побеждаем

победа
складывается
из едва различимых
гомеопатических жестов

как собираются
минские стотысячные марши

из дворовых капель
уличных ручейков

в людской океан

10.09.2020

Хор моего народа

это не массовое мероприятие

несанкционированные
мольбы и стоны истязаемых
энкэвэдэшной шпаной
кэгэбешной и эмвэдэшной мразью
в пыточных рувэдэ и тюрем

это не массовое мероприятие

предсмертные хрипы
повешенных в лесопарках
закопанных заживо
гопотой из омона

это не массовое мероприятие

это разорванная матка моей страны
хор родовой травмы моего народа

10–18.09.2020

*

беларусь опрокинута
пробегающим взводом
по земле растекается
кровь

24.09.2020

Чудо

выходили из дома
растекались по улицам
водой

воду били-колотили
заливали водой
вода прибывала

недобитые
недомытые
сквозь игольное ушко
перелитые
возвращались домой

те
кто были вчера водой
сегодня уже вино

05.10.2020

Стихи в стакане

на стенках
стакана
в автозаке

иероглифы
пальцами

алоречивы
как

ногтевАя
расцарапанная
адопись

на стенах
газовых камер
в Освенциме

23.10.2020

Хлеб

Сергею Масловскому

я видел
подушку из хлеба

в пыточной
на Окрестина

что ещё сказать
о чудовищах
убивающих тело

Боже
посети истязаемых

скорченных
на бетонной постели

положивших под голову
хлебы причастия

07.11.2020

*

пчелы уверены
говорит Толстой
что они для себя собирают мед

а на деле
они опыляют сад

белорусы думают
говорит Христос
что они собирают свой край

а на деле
собой исцеляют мир

13.11.2020

РИКАРДО ГУИРАЛЬДЕС

Мистические стихотворения

Имя Рикардо Гуиральдеса (1886–1927), в отличие от имени Хорхе Луиса Борхеса, вряд ли о чем-то говорит широкому российскому читателю, даже любящему латиноамериканскую литературу. Как и иностранному читателю, интересующемуся русской культурой, скорее всего, мало известны имена В.А. Жуковского или К.Н. Батюшкова, хотя без них, конечно, невозможно было бы становление гения А.С. Пушкина. В этом плане Рикардо Гуиральдеса можно сравнить с ближайшими предшественниками Пушкина: он был одним из тех, кто подготовил аргентинскую литературу к появлению в ней Борхеса и даже помогал ему в начале его литературного пути. Сам Борхес с теплотой вспоминал Гуиральдеса в своих «Автобиографических заметках»^{*}, а также посвятил его памяти сонет (сборник «Хвала тьме», 1969):

Забвенью не подвластно благородство;
оно первейшим было проявленьем
его сердечности, приметой верной
его души, как светлый полдень, ясной.
Я не забуду также и живое
изящное лицо, и безмятежность,
и славы отсветы, и отблеск смерти,
и руку, что гитару вопрошала.
Как в сновиденье зеркала чистейшем
(реальность — ты, я — только отраженье),
я вижу, как беседуешь ты с нами
на улице Кинтана. Здесь ты, мертвый.
И лошадей заря — безмерность поля
прошедшего — теперь твоя, Рикардо.

^{*} Борхес Х.Л. Автобиографические заметки / Пер. Е. Лысенко // Борхес Х.Л. Собрание сочинений. В 4 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 544.

Рикардо Гуиральдес родился 13 февраля 1886 года в богатой аристократической семье в Буэнос-Айресе. В 1887 году его семья переехала на четыре года в Париж. После возвращения в Аргентину в 1890 году семья жила либо в Буэнос-Айресе, либо в родовом имении Ла Портенья в городе Сан-Антонио-де-Ареко, где юный Рикардо познакомился с традициями гаучо — пастухов-скотоводов, обитателей аргентинской пампы, которых он впоследствии воспел в своем знаменитом романе «Дон Сегундо Сомбра»* (1926) — одном из важнейших произведений аргентинской литературы.

Рикардо Гуиральдес, сформировавшийся как писатель и поэт в начале XX столетия, вдохновленный западноевропейским авангардом, стремился в своих стихах и прозе найти новые выразительные средства. При этом он не был сторонником идеи «искусства ради искусства»: его творчество — своеобразный сплав двух основных направлений аргентинской литературы конца XIX — начала XX века: латиноамериканского модернизма, тяготевшего к универсализму и эстетизму, и противостоящего ему костюмбризму (от исп. *costumbre* — нрав, обычай), для которого характерно стремление к отображению национального колорита и к описанию природы и быта простых людей.

Произведения Гуиральдеса во многом повлияли на следующее поколение аргентинских авторов, к которому принадлежали, помимо Борхеса, Николас Оливари, Леопольдо Маречаль, Рауль Гонсалес Туньон и другие. Затронутые Гуиральдесом темы и его открытия в области поэтики стали отправной точкой для их творческих поисков. Так, в некоторых стихотворениях в прозе из его первой книги

* Роман переведен на русский язык В.В. Крыловой: *Гуиральдес Р. Дон Сегундо Сомбра*. М., 1960. Подробнее о нем см.: *Кутейщикова В.Н. «Дон Сегундо Сомбра» Рикардо Гуиральдеса и эволюция образа гаучо в литературе Ла-Платы // Кутейщикова В.Н. Роман Латинской Америки в XX веке*. М., 1964. С. 147–183.

«Стеклянный колокольчик»^{*} (1915) угадываются черты прозаических миниатюр Борхеса. А то, как он использовал в своих стихах метафору, предвещало ультраизм — авангардистское направление, которое рассматривало метафору как самодовлеющую художественную ценность.

Ниже приводится перевод «Мистических стихотворений» Рикардо Гуиральдеса — цикла стихотворений в прозе, написанного им в 1920-е годы и опубликованного уже после смерти писателя его женой Аделиной дель Карриль в 1928 году.

Павел Алешин

* * *

24 декабря 1926 года.

Сегодня 1926 лет, как Ты родился.

Иначе говоря, сегодня человечество пробудилось для Тебя.

Ибо нужно было, чтобы Ты родился в определенный момент, Ты, рожденный в начале начал!

Ты пришел в страдающем теле, подобном нашему, чтобы быть еще более явным, в крови и страдании.

И тело Твое тогда было таким маленьким, что нельзя было узнать о Тебе ничего, только — о приказе удостоить Тебя нести освобождающий крест.

Сегодня Ты родился, и это оставило огромный след Света на мире.

Этот день — благо для нас, и мы чувствуем, что что-то вроде божественного импульса зажглось и трепещет в нем.

Сегодня все лучше.

И мы чувствуем, как Ты приходишь в сегодняшний мир шагами, отдаленными течением лет, и эта даль возвращает Тебя к нашему чувству, еще большим ребенком и еще более — нашим.

1926 лет с того момента, как мир обрел непередаваемое счастье знать Тебя.

^{*} См. мои переводы из этой книги: Рикардо Гуиральдес. Стихи из книги «Стеклянный колокольчик» / Пер. с исп. и вступл. Павла Алешина // Иностранная литература. 2020. № 5. С. 239–251.

* * *

Единицы сопровождали Тебя в Твоих страстях.

Маленький Иерусалим, кишачий тряпками и спорами, продолжал разжевывать крохи своих мыслей и ничего не знал о вечности, чтобы прийти, не знал о Твоем превращении в человека.

Маленький Иерусалим, беспокойный, как сыпь, и жалкий, и грязный, разлегся своими улицами.

— Я дам тебе три за двадцать.

— Нет, я тебе дам двадцать за четыре.

— Ты разоряешь меня!

— Ты обкрадываешь меня!

Твое спокойствие даже не касалось куполов его храмов.

Так Ты прошел по нему и пришел к нам.

* * *

Ты держал руки раскрытыми, и в груди Твоей был заключен весь мир.

Звезды все-таки зажигались, несмотря на тяжесть Твоих страданий, уменьшенных до человеческого роста.

И Слово было повсюду. И те вокруг, кто не понимали Тебя, были лишь ничтожным обрамлением незнающей и эгоистичной плоти.

В конце Ты в последний раз раскрыл объятья, чтобы пролететь над Своим человеческим образом.

И темно-темной думой были исполнены вещи, и люди боялись.

Три дня Ты ждал, чтобы явить Себя.

* * *

Мое тело знает боль от ран и боль от наслаждений.

Мое сердце знает свои обманы и бессилие других.

Мой разум падал столько раз, что предпочитает стоять на коленях.

Я обнажен, как существо, страдающее оттого, что обнаружило себя беззащитно связанным с жизнью.

Пусть мои воздетые руки станут могучей молитвой, что возносит просящего!

Пусть на мое одиночество упадет осколок просветления, как на поле падает луч благородной зари!

Вера

Я потерял себя.

Порой я с нежностью беру в руки воспоминания и долго ищу мое детство, мою веру, мою силу. Я вижу их там, за непроходимой прозрачностью лет, отмечая с презрением мое нынешнее состояние и удивляясь его постоянству, подобному постоянству компаса.

Я потерял себя, когда искал себя в глубине, словно вместо того, чтобы жить, я умер.

Я протягиваю руки вперед, и все — впереди. Как знать?

Я надеюсь.

Громкий голос однажды мне скажет: Иди!

И после того я с открытым лицом поползу на коленях по полю ран, неся в горле глоток

Победы.

И прекращение мук предварит серп моей смерти приветствием, которым колосья пшеницы вместе встречают жницу.

Я потерял себя, но я надеюсь.

Господи, я вздымаю к Тебе руки.

Стыд человеческий терзает мою плоть.

Мне кажется, что слова вражды, слова, причиняющие боль, были сказаны при моем соучастии.

Вина каждого — наша общая вина. Как же можно не мучиться ею? Мне нужно научиться:

Сопротивлению страданиям, что даны мне Твоей рукой.

Непобедимому спокойствию перед тем, что меня принижает.

И вместо того, чтобы судить других, очищать себя от собственных нечистот.

И если я вздымаю к Тебе руки, а сам творю низменные дела, то пусть вовеки я буду предан забвению.

Бесконечность

Господи, я пишу под Твоею защитой.

Уста мои столь ничтожны, что в них умяется Твоя любовь к творениям, что пребывают в Тебе, не умаяя Тебя.

Твое слово во мне уменьшается, а я благодаря Тебе возрастаю.

Бедное творение Твое, я страдаю, пытаюсь превзойти самого себя, и душа моя бредет среди слов, как слепой, исполненный света.

Дай мне заповеди Твои, чтобы душа моя росла, пока не заслужит право по имени называть Тебя.

Перевод с испанского Павла Алешина

В МИРЕ КНИГ

Жатва огненного духа

Мать Мария (Скобцова, Кузьмина-Караваева Е.Ю.). Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки. Москва: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2019. 808 с. Составление Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой, примеч. Н.В. Ликвинцевой при участии Л.В. Крошкиной.

Второй том собрания сочинений матери Марии (Скобцовой), озаглавленный «Россия и эмиграция» и вышедший в 2019 году, отделяют от первого долгих семь лет. И это отнюдь не удивительно — собрать и подготовить такой том, предполагающий серьезную исследовательскую проработку источников, — поистине дело многолетнего кропотливого труда. Составителям тома, профессору Страсбургского университета Татьяне Викторовой, научному сотруднику Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына Наталье Ликвинцевой и недавно ушедшему от нас профессору Никите Алексеевичу Струве, удалось из отдельных мозаичных элементов собрать цельное панно творчества Елизаветы Юрьевны до принятия монашества — во вторую половину 20-х и в начале 30-х годов. В подготовке тома были использованы материалы Бахметьевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке, архивов издательства YMCA-Press и РСХД, личных архивов Е.Д. Клепининой-Аржаковской, о. С. Гаккеля, Н.А. Струве. Перед нами более чем 800-страничный том, примерно треть объема которого составляет, как и подобает

научному изданию, научный аппарат — хроника жизни и творчества, библиография, подробнейшие примечания, которые более уместно назвать комментарием, составленные Н.В. Ликвинцевой (существенный вклад внесла в них и Л.В. Крошкина, принявшая участие в подготовке и комментировании «Жатвы Духа»), именной указатель, ценнейшие и уникальные фотоматериалы. Вышедший том со всей убедительностью доказывает — масштаб личности монахини Марии определяется отнюдь не только ее жертвенной, мученической кончиной в газовой камере лагеря Равенсбрюк. Это самостоятельный и самобытный деятель русской культуры, выступающий на правах равного собеседником и совопросником таких мэтров русской религиозно-философской эмиграции, как Н.А. Бердяев, прот. С. Булгаков, прот. В. Зеньковский, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун, В.Н. Ильин.

Что открывает нам этот очередной том сочинений матери Марии? Особый, мало кому удававшийся без ущерба для литературного вкуса жанр житийных очерков, представленный в четырех выпусках «Жатвы Духа» (только два из них увидели свет при жизни автора — напрашивается сравнение с «Апокалипсисом нашего времени» В.В. Розанова, который писался для таких же небольших брошюр и тоже был выпущен не весь, хотя религиозный посыл этих текстов весьма различен, если не диаметрально противоположен). Известные историкам русской мысли мини-монографии, посвященные А.С. Хомякову, В.С. Соловьеву, Ф.М. Достоевскому, совсем по-новому выглядят в обрамлении масштабного и по своему уникального историософского полотна «Мыслители», в котором беседу ведут вершители умов золотого века русской культуры — П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, где автор, с одной стороны, стремится максимально точно передать мысль каждого из них о прошлом, настоящем и будущем России, используя почти дословные цитаты из их сочинений и писем (и здесь нужно особо отметить труд комментаторов, которым удалось атрибутировать источники), но с другой — допускает сознательные анахронизмы. Так, Герцену дано знать о том, чем закончились его «призывы к топору», и оценивать роль Ленина в истории России. Жанровое своеобразие этого текста во многом сродни диалогам одного из мыслителей «основного

руса» русской мысли — отца Сергия Булгакова («На пиру богов» и «У стен Херсониса»). Нельзя исключить, что первый текст Елизавета Юрьевна могла знать: «современные диалоги» «На пиру богов» вошли в состав сборника «Из глубины», тираж которого был уничтожен в России в 1918 году в разгар «военного коммунизма», но они издавались отдельной брошюрой в 1918 году в Киеве и в 1921 году в Софии. Опубликованные в том же году — философские, историософские, богословские и публицистические — приоткрывают нам одну из особенностей мыслительного стиля матери Марии, поэта и художника слова, — чуткое внимание к поэтике языка, умение извлечь работающую метафору, которая часто связана с пространством, носит топологический характер. «Основное русло» для каждого знатока и любителя русской мысли свое; надо отметить, что для матери Марии в него не попадают ни представители левой интеллигенции, ни консерваторы и «подмораживатели» России в духе К.П. Победоносцева или Константина Леонтьева. К «основному руслу» принадлежат мыслители, обращавшиеся к проблеме соотносительности Бога и мира, утверждая Богопричастность человека и даже — миропричастность Бога (очевидно, что Бог не может стать частью мира, но Он не оставляет человека даже в минуты самых страшных испытаний, как покажет после исповеднический путь матери Марии).

К наиболее интересным и неожиданным разделам тома нужно отнести публицистику матери Марии, ее статьи, написанные для эсеровской газеты «Дни» (многие из них увидели свет впервые, по архиву издания), для «Вестника РСХД», а также данные в приложении выступления на собраниях газеты «Дни». Здесь показательным является еще одно «топологическое» заглавие статьи — «По обе стороны». Дело в том, что мать Мария не принимала христианство в виде того «бытового исповедничества», о котором говорили евразийцы. «Превратиться в семипудовую купчиху» — это не про нее. Вера, сводящаяся к ее внешним атрибутам, — великопостным говениям и чаю с просфорой — ей претила. Многие вспоминают, какой скандал вызывало, когда она отправлялась вместо литургии на рынок, чтобы накормить обитателей «Шаталовой пустыни» (так отец Сергей Булгаков называл ее приют на улице Лурмель), или пренебрегала постным меню,

питая голодных и обездоленных, нищих и опустившихся на дно братьев и сестер русской эмиграции. Христианство воспринималось ею как религия кенозиса и трагедии, правда Христова виделась ей в милости по отношению к падшим, заблудшим, гонимым, казнимым. И как откликается речь Владимира Соловьева «О ходе русского просвещения», в которой он призвал царя не казнить цареубийц, в ее статье «Два события», где речь идет о публичной казни в Париже двух польских разбойников. Не может христианин испытывать моральное удовлетворение, глядя на казнь даже явных преступников. Нужно иметь мужество открыто выступить против несовместимости христианства и смертной казни, указав на противоречие смертной казни самому духу учения Христа, а ведь мы встречаем в эмиграции и противоположные примеры — проповедь смертной казни как ограничения любви в книге И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» или переданные в «Русской идеологии» архиепископом Серафимом Соболевым мысли о том, что за пропаганду атеистических воззрений и кощунство следует лишать жизни.

Реальность эмигрантской жизни можно и нужно изучать по публицистике матери Марии. Из нее можно узнать не только о докладах Н.А. Бердяева на заседаниях религиозно-философской академии, первых номерах «Пути» или о первых актах Свято-Сергиевского богословского института, но и о том, как жили русские беженцы в отдаленных провинциях Франции, трудившиеся на заводах или на фермах, каким был быт в студенческих общежитиях, как устраивались казачьи корпуса, пытаясь сохранить свой уклад и свою веру (эмигрантский путь матери Марии прошел через Белую Церковь в Сербии, где собирались казачьи и кадетские корпуса). Избыточный пафос афоризма, приписываемого Зинаиде Гиппиус, «Мы здесь не в изгнании, мы — в послании», явно не был присущ матери Марии. Она была далека от того, чтобы видеть в эмиграции своего рода Ноев ковчег, на котором спаслось избранное племя, чтобы рассуждать о высоких материях религиозной философии. «Эмиграция — это завод и кабак». И Россию Сталина она парадоксально, но верно видит страной победившего идеализма (в любой осуществленной утопии есть черты платоновского государства!), где ради идеи могут переливать колокола на медь, пусть это

в шесть раз превышает рыночную стоимость обыкновенной меди. Она видит пробуждающуюся жизнь в молодежных лагерях РСХД (в годы немецкой оккупации ее путь на Голгофу пройдет через превращенные в концлагерные бараки помещения молодежного лагеря в Компьене), но и в комсомоле ей тоже небезразличны некоторые струйки живой жизни, проблески человеческих чувств, пробивающиеся сквозь толщу марксистско-ленинской идеологии («Комсомольский быт», «Прошлое и настоящее комсомола»).

В постсоветскую эпоху в курсах философии российских университетов появился такой раздел: «Философия белой эмиграции». Такое название выглядит несомненным парадоксом, потому что далеко не вся эмиграция была белой. Мать Марию с ее эсеровским прошлым и симпатией к христианскому социализму можно отнести тогда уж скорее к «розовой эмиграции», учитывая, что именно розовый цвет в спектре политических партий и течений усвоен социализму. В советском строительстве она, как и Бердяев, будет видеть выразившую себя в искаженном и превращенном виде мессианскую стихию русского народа, что тоже явно никак не подпадает под идеологию «белого движения», пришедшего в конце концов к тому, чтобы подобно Ивану Шмелеву и Мережковскому благословлять «канцлера Хитлера» на крестовый поход против безбожных большевиков. Трагичность истории не мешает, однако, уповать на мессианский исход истории, и никто не может отнять у человека право верить в будущность своей родины, если эта вера тем более оплачена ценой жизни своих детей и, наконец, своей собственной жизнью. Особенно яркой и словно обращенной к потомкам является статья 1928 года «Герань и Иван Калита», текст которой был вплетен в извечные споры о национальном вопросе. Что заставило «не империалистку и не шовинистку», уроженку окраинного города Империи Риги, выступить в защиту великорусской нации и Все-России против национализма малых народов — ответить на этот вопрос можно, только подробно рассмотрев ее идейную и политическую эволюцию. Но заметим, что и здесь она придерживается «основного русла»: борцом с национализмом и идеологом национального самоотречения был чтимый ею Владимир Соловьев. Однако, говоря о центробежных тенденциях местных и местечковых

национализмов, Елизавета Юрьевна остро почувствовала ту опасность, которая будет подстерегать Россию, когда власть большевиков падет, — опасность, которая не исчезла и сейчас. Искусственный отрыв Украины от той цивилизационной общности, к которой она принадлежала как минимум последние 300 лет, в результате «революции достоинства» и та роль, которую в этих событиях сыграли крайне националистические силы, тому подтверждение. Но и у России как она есть сегодня сильны мультикультуральные тенденции, мешающие «многонациональному народу» превратиться в единую гражданскую нацию, включающую в себя людей разных национальностей и вероисповеданий. Мать Мария вспоминает афоризм, услышанный ею в Тифлисе в годы Гражданской войны, в эвакуации, в молодой Грузинской Республике: «шуба от северного ветра», которая должна укрывать «оранжерею своей собственной, нежно взлелеянной и любовно охраняемой маленькой герани». Сегодня эта метафора может прочитываться как отнюдь не пустая угроза распада России на самостийные регионы (разумеется, эта опасность не так сильна, как в 90-е годы, после падения советской государственности, но все же). Стремление регионов избежать «гнета» федерального центра камуфлируется под видом сохранения национальной культуры, отказаться от христианской миссии (речь не идет только о небольших народах, достаточно вспомнить о набирающем обороты славянском «родоверии», деятельности новых религиозных движений, под видом возрождения традиционных ценностей совершающих пропаганду язычества и нью-эйджа). Причем эта самая «герань» не чужда и русскому национализму, уступающему в силу той самой «всемирной отзывчивости» русского человека, отмеченной Достоевским в «Пушкинской речи», многим другим «цветениям герани», но все же стремящемуся вычислить русскую этничность математически по крови и гаплогруппам и подобрать русским соответствующие их этнокультурной самобытности артефакты — матрешки, кокошники, самовары и пр.

Если оценить творческий облик Елизаветы Юрьевны Скобцовой, которой скоро будет суждено быть нареченной монахиней Марией, то можно вспомнить одно слово, которое встречается зачастую в ее текстах и свидетельствах о ней, — «огненность». На это указывает и автор предисло-

вия Н. Ликвинцева, отмечая преподобномученицу Марию как проповедницу «огненного христианства», не имеющего ничего общего с поверхностным благочестием». Евангельский образ огненного крещения встречается и в стихах матери Марии, издание которых — дело будущих томов собрания сочинений. «Трудное и огненное делание», «огненная взвихренность», в которой находится Россия, «огненная мечта», которая вызывает образ будущего, «обновленная и огненная Церковь», которая выстояла в годину революции и вышла из ее пожара. Читая сегодня статьи Е.Ю. Скобцовой, написанные 100 лет назад, не оставляет ощущение, что мы находимся теперь в каком-то ином измерении, сменился дискурс, и то пространство русской религиозной философии от Чадаева и Хомякова до Бердяева и Булгакова, в котором живет и мысль самой матери Марии, куда-то ушло и как будто списано в архив. Споры о «призвании России» в глобализирующемся мире цифровой культуры должны быть переведены нами на современный, понятный сегодняшнему, особенно молодому, человеку язык. Иначе нас ожидает опасность впасть в архаику, которой всегда боялась мать Мария, или в ненужный пафос, на котором сегодня ведется апология «традиционных ценностей». Но одного хотелось бы — той самой «огненности», о которой говорит и думает мать Мария. Без нее живая вера во Христа и живое предание Церкви превращаются в «гражданскую религию» — религию «традиционных ценностей», которая заимствует у христианства лишь некоторые внешние атрибуты и трансформированные догматы, например веру в коллективное бессмертие, на которое может надеяться ее адепт. Иконой такой религии будет не Христос, а взрыв танка, не Спас Нерукотворный, а лик Сталина на красном знамени. Да и сами традиционные ценности в результате селективного отбора превратятся в комбинированное меню, где их вариативность будет зависеть от вкусов заказчика и политических технологий. Поэтому обращение к такому типу святости, который открывает нам «жатва духа» матери Марии и подобных ей людей ее эпохи (можно вспомнить, например, недавнюю канонизацию в Германской епархии Русской Зарубежной Церкви св. Александра Мюнхенского — Александра Шмореля, антифашиста, врача, участника молодежного движения сопротивления «Белая роза», гильо-

тинированного нацистами в 1943 году), может стать для нас исцеляющим и отрезвляющим уроком, противоядием от превращения религии в еще один инструмент «духа века сего».

АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ

Неудобное прошлое — откуда?

Николай Энгле. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020. 576 с.

«Неудобное прошлое» — в таком названии слышится и провокация, и приглашение. И уже в силу этого сочетания поэтичных книга обречена на успех. Обращенная к российскому читателю, она раздвигает тесные границы русских споров и выводит его на простор «великих кладбищ под луной» (Ж. Бернанос), разбросанных по планете. «Неудобное прошлое» есть у многих, не только у России и Германии, но и у Испании, ЮАР, Японии, Аргентины, даже у Польши, а в наши дни уже и у Беларуси, да у кого его, в сущности, нет? В этом клубе стран с тяжелым багажом тревожащих, болезненных, разбуженных воспоминаний Российская Федерация может и не чувствовать себя уж совсем одинокой. Что отличает ее на сегодняшний день от остальных держав с их комплексом вины, это повышенная озабоченность, как бы той самой виной не воспользовались «враги», не украли ее у нас для своей подрывной работы.

Все мягко сказанные «неудобства» в прошлом возникали, как правило, при поиске и наказании врагов. Не будь тех, которых надо было тогда уничтожить, не было бы и ран, которые саднят сегодня. Не будь сегодня насильственного вытеснения горьких воспоминаний, то и у будущего будет меньше неудобных проблем. Ибо лечение тех ран неотделимо не только от знания того, кто их нанес, но и того, почему это произошло, от понимания, какому именно Молоху было принесено столько человеческих жизней. Другими словами, в роли чьих «врагов» оказались все эти расстрелянные, посаженные, умученные как наши, так и ненаши соотечественники.

Автор книги приводит недавно прошумевшую, можно сказать, героическую, историю Дениса Карагодина, который решил, отважился восстановить всю цепочку соучастников в убийстве его прадеда. Лишь одного своего родственника. От самого Сталина и Политбюро до шофера, сидевшего за

рулем машины, которая везла его на допрос, до машинистки, которая перепечатывала документы НКВД. Великое множество людей, оказывается, принимало участие в одном этом убийстве, но если палачи с верхнего этажа едва ли слышали о томском крестьянине Степане Ивановиче Карагодине, то на нижнем, где его убивали физически, там, как всегда, лишь выполняли приказ. Приказ же состоял в том, чтобы, сочинив дело о шпионаже, скажем, в пользу японской разведки, вынести приговор, затем за эту кому-то понадобившуюся выдумку казнить ни в чем не повинного человека. Одна из внучек или правнучек исполнителей тех приказов откликнулась на его исследование покаянным письмом, которое самим Денисом было тотчас принято.

Цепочка, выстроенная Денисом Карагодиным, сложилась из конкретных лиц и биографий, но за ними, как и за миллионами подобных дел, проглядывает контур, костяк, ребра системы. Система обрастала мышцами, нервами, мозгом, где каждый выполнял свою работу. Работа мозга состояла не только в том, чтобы приказывать убивать, но и находить юридические, морально-идеологические основания для убийства. Но для чего все это понадобилось? И вот тут, при исследовании причин, обнаруживается серьезное, прямо скажем, радикальное отличие СССР от других стран с подобным же преступным багажом за плечами. Различие состояло в выборе и определении врагов.

В Японии, Аргентине, ЮАР, Германии, Испании... — оставляю многоточие для многих других стран с постыдным прошлым — томский крестьянин Степан Иванович Карагодин, скорее всего, никогда не оказался бы шпионом и врагом народа. Даже при возможном участии в гражданской войне на стороне белых его могли бы расстрелять в качестве солдата враждебной армии. На то она, увы, и война. Можно представить его гибель и даже как заложника, но едва ли в роли лояльного гражданина со списком фантастических злодеяний, выдуманных с начала и до конца по заранее готовой разнарядке, а затем тиражированных на миллионы подобных случаев, выстроившихся в миллионы цепочек. Если же свести террор к массовому уничтожению врага, то в большинстве упомянутых здесь стран это был открытый, декларированный, пусть даже только подозреваемый враг.

Представитель низшей расы, как в Германии или ЮАР, противник на поле боя или ему явно сочувствующий, как в Испании, или просто безликая масса населения оккупированной страны, в отношении которого допускалось все. То есть это был тот унаследованный от всех предыдущих кровавых тысячелетий нечеловек, который мог подлежать истреблению, унижению, порабощению. В СССР он становился участником некой невидимой, подпольной войны, тем врагом, которого надо было изобрести, выловить, уничтожить. «Был бы человек, а дело найдется», как говорили сталинские следователи.

А человек, он всегда под рукой. Делом же становился тот необъявленный ведущийся процесс против всего, даже лояльнейшего, населения страны, который запускался сверху. С вершин Политбюро? Не только. Он исходил прежде всего из недр той коллективной одержимости, которая идеологию будущего счастья превратила в аппарат насилия. Насилие действовало через ложь, которая могла быть не только тотальной, но и по-своему ошеломляющей. Как сказал С.С. Аверинцев, Гитлер уничтожал евреев как народ, не скрывая ненависти к ним; Сталин собирался и уже начал уничтожать евреев как их лучший друг, спасая от народного гнева.

Конечно, всякое убийство есть убийство, но, говоря о нашем набрякшем от крови наследии, нельзя и забыть о стоявших за ним мотивах. Именно этих мотивов автор нашей, уверенно можно сказать, великолепной книги старается касаться, почти не прикасаясь. Он выстраивает среднюю линию между «либеральной» и «патриотической» моделью истолкования страшного прошлого, избегая противостояния между ними и не употребляя слишком политизированных терминов. Его послание, как говорят, message — в примирении, что, безусловно, необходимо для живущих ныне наследников жертв и палачей. Но глубинного примирения можно достичь лишь тогда, когда и те и другие наследники поймут, что вина в массовых убийствах, не снимая ответственности с отдельных лиц, выходит за ее пределы. Даже и самого Сталина, о котором все ныне коллективно забыли, что он был не царем, не просто самодержцем, но прежде всего Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), и вся его политика и террор осуществлялись от имени той самой ВКП(б). За террором стояло Великое Оправдание в виде фантома единства партии

и народа, облака светлого будущего, кошмара о проклятом прошлом, призрака вездесущего врага. А призраку надо было питаться кровью живых людей. Того же Степана Ивановича Карагодина, которого, чтобы принести в жертву мифу, потребовалось прежде загримировать в чудовище, вышедшее из идеологического бреда.

Автор не хочет уходить в эти дебри, и, возможно, он и прав; это размыло бы его книгу, имеющую четкие очертания и мирный дух. Но нельзя неудобное прошлое свести только к памяти о жертвах, к подсчету трупов. Даже только к покаянию и восстановлению имен, хотя именно с них надо всегда начинать. Когда-нибудь нужно будет ответить на прямой и простой вопрос: почему? На вопрос о том, что, собственно, случилось во вчерашней России и не может ли оно случиться в России сегодняшней или завтрашней? Той России, которая все еще официально, институционально воздает честь «жертвам незаконных репрессий» и делает все, чтобы эти жертвы как можно меньше напоминали о себе. Достаточно вспомнить дело Юрия Дмитриева или «Мемориал», почти задушенный, загнанный в угол под видом чучела иностранного агента. Ибо сегодня как раз Россия стоит перед искушением, да что там — уже сползает в производство единой государственной всеобщезобязательной идеологии с единым лидером во главе, которая, иногда даже безведомо для тех, кто ее создает, превращается в монстра. И начинает пожирать людей.

Прот. Владимир Зелинский

ХРОНИКА

Выставка икон из России в Париже

11 января 2020 году в Париже состоялось открытие выставки современной иконы «За жизнь мира», организованной совместно Бернардинским колледжем и содружеством в поддержку современного христианского искусства «Артос» (Москва). Прекрасный готический зал сакристии Бернардинского колледжа оказался очень подходящим для размещения небольшой, но весьма представительной выставки икон. В экспозицию вошло около 40 произведений иконописцев из России, Франции, Беларуси, Украины, Финляндии и Израиля. Причем на выставке были представлены не только иконы, написанные в традиционной технике темперы на доске, но и резные, и керамические иконы, а также иконы, написанные на досках от ящиков для снарядов (эти иконы написали украинские иконописцы София Атлантова и Алексей Клименко).

Открывая выставку, директор колледжа Юбер дю Мениль подчеркнул, что выставка икон в этом зале устраивается впервые. И первый опыт оказался весьма удачным, потому что выставка показывает, что древние традиции сегодня живы. Это очень созвучно Бернардинскому колледжу, старейшему учебному заведению Парижа, основанному в XIII веке, пережившему период разрушения и восстановленному десять лет назад благодаря инициативе кардинала Люстиже. Русская икона также переживала период гонений и разрушений, но сегодня она возрождается, что ярко демонстрирует данная выставка.

На церемонии открытия выступили кураторы выставки: с французской стороны — Антуан Аржаковский, с русской —

Сергей Чапнин. Аржаковский отметил, что сегодня икона является не только произведением церковным, но она ярко свидетельствует миру о христианских ценностях, и в качестве примера он привел представленные на выставке произведения украинских иконописцев, которые, взяв предметы войны (ящики для снарядов), превратили их в иконы — оружие мира и молитвы. Но и традиционные образы также свидетельствуют об актуальности веры, которая жива, несмотря ни на какие катаклизмы прошедшего столетия: гонения, войны, геноциды. Сергей Чапнин в своем выступлении отметил, что икона — это прежде всего свидетельство красоты, а Красота — это одно из имен Божиих, по утверждению святых отцов. И сегодняшний мир нуждается в таком свидетельстве, потому красота противостоит безобразию насилия, войны, лжи и пр. Красота не просто улаживает наш взор, она — целительна.

Идея сделать выставку современной иконы в Париже давно была в планах содружества «Артос», но до сих пор не находились партнеры. В этом нам виделся большой смысл: это не просто желание продемонстрировать достижения российских иконописцев и рассказать о возрождении иконописной традиции на постсоветском пространстве. В этом было большее: нам хотелось отдать долг иконописцам русского зарубежья, без творчества которых возрождение иконописи не могло произойти. Парижской школе здесь принадлежит особая роль, поскольку она не только сохранила иконописную традицию, но и развивала ее в те страшные годы, когда в Советском Союзе безбожная власть уничтожала церковь и о церковном искусстве говорить было совершенно невозможно. Открытие уже в поздние советские годы наследия русской эмиграции, безусловно, оказало большое влияние на многих: не только на иконописцев, но и на богословов, мыслителей, да и на простых людей, искавших веры и духовных оснований жизни. Знакомясь с творчеством инока Григория (Круга), сестры Иоанны (Рейтлингер), матери Марии (Скобцовой), Леонида Успенского, многие иконописцы открывали для себя возможность нового творчества и свободы внутри древней традиции и канона. Книга Л.А. Успенского «Богословие иконы Православной Церкви» стала учебным пособием для всех иконописных школ в России, Беларуси,

Украине. Труды о. Сергия Булгакова, Павла Евдокимова, Владимира Лосского по богословию иконы также остаются основополагающими для сегодняшней России.

XX век был временем испытаний для всего мира, но трагедия, произошедшая в России, пока глубоко еще не осознана, раны не утешены, покаяние не принесено. Наверное, для этого нужно время. Но что-то все же незримо совершается в сознании людей. Некогда разделенная на две части Россия сегодня восстанавливает разорванные связи. Подвиг новомучеников, пострадавших за веру, становится тем огнем, который растапливает беспамятство и равнодушие людей.

Если вернуться к выставке «За жизнь мира», то хочется отметить, что на ней были представлены иконы, подтверждающие верность сказанных мною слов. Это иконы святой преподобномученицы Марии Парижской — матери Марии (Скобцовой), причисленной к лику святых Константинопольским патриархатом в 2004 году. Одна икона написана Ольгой Платоновой, живущей во Франции, другая — Юлией

Ульяновой из Обнинска (Россия). Личность матери Марии и ее подвиг хорошо известны в России, и ее почитание началось, можно сказать, задолго до канонизации, хотя официальные церковные круги до сих пор осторожно относятся к этому. Тем не менее в храмах России можно встретить иконы матери Марии, и одна из них как раз и приехала на выставку в Париж.

Икона Юлии Ульяновой интересна тем, что на ней изображен лик святой преподобномученицы, а внизу расположены три житийных клейма: «Мать Мария кормит бедных в столовой на Лурмель», «Свящ. Димитрий Клепинин и Юра Скобцов выдают справ-

ки о крещении евреем» и «Крещение Ильи Фондаминского в концлагере». Таким образом, на этой иконе отражены все четыре причисленных к лику святых парижских мученика: мать Мария, о. Димитрий Клепинин, Юрий Скобцов и Илья Фондаминский.

Надо сказать, что эта оригинальная авторская разработка иконографии матери Марии нашла широкий отклик у посетителей выставки. Эту икону отмечали практически все. Но еще более удивительно то, что эту икону взять в Париж разрешил священник того храма, для которого она была написана. Священник увидел большой смысл в том, чтобы этот образ побывал там, где жила и совершала свои подвиги мать Мария, с тем чтобы икона освящалась если не на мощах святой (их, как известно, развеял ветер вокруг Равенсбрюка), то в городе, где до сих пор ощущается ее присутствие.

На выставке было представлено немало образов, которые оказались интересны не только русским и православным, для которых икона всегда представляет особую ценность, но и французам, многие из которых вообще впервые увидели современные иконы. И, судя по книге отзывов и устным репликам, для многих выставка стала откровением. Кто-то отмечал смелость современных иконописцев, их свободу и творческий подход. Кому-то оказались интересны керамические или резные иконы — эти техники нечасто используются для создания священных образов. Кто-то увидел знакомые мотивы, например экологические, в иконах преподобных, которые были близки к природе и своей любовью возвращали ей райское состояние. И практически все отмечали, что современная икона очень разнообразна и что современные мастера не только копируют древние образцы, но и стремятся найти язык, способный адекватно передать веру сегодняшних людей.

Ирина Языкова

Вечера в парижском культурном центре им. А.И. Солженицына

«Невидимки»: вечер, посвященный Анастасии Дуровой (1908–1999)

24 февраля 2020 года в парижском культурном центре имени Александра Солженицына в цикле встреч о личностях, связанных с духовным возрождением в СССР в 1960–1980-е годы, состоялся вечер, посвященный Анастасии Дуровой.

Гостеприимная книжная лавочка, заполненная книгами от пола до потолка, с трудом вмещала в себя необъятное количество посетителей, пришедших послушать об удивительной личности Анастасии Дуровой, с которой многие были знакомы лично или хотя бы слышали о ней.

Ася родилась в России в 1908 году. Безоблачное детство прошло в Луге, затем в Киеве. Ей было 11 лет, когда ее мать, следуя за мужем, офицером Генерального Штаба союзников в Париже, переехала жить во Францию вместе с детьми. Она вспоминает, что и сама была рада покинуть Россию после нескольких лет, проведенных на полях сражений, и большевистских поборов и вымогательств. Так Ася оказалась во Франции, где и прожила почти всю жизнь, до своего неожиданного возвращения в Россию в 1964 году.

Первым выступал брат Бертран (Jeuffrain) из бенедиктинского монастыря оливетанцев в Мениль-Сен-Лу. В последние годы жизни Ася была тесно связана с этой небольшой общиной, которая во все времена помогала России. Брат Бертран рассказал о духовном пути Аси, основываясь на ее собственных словах из дневников и писем, иллюстрируя их фотографиями. О главном воспоминании детства Ася сказала гораздо позднее. Ей было четыре года, когда ее мать,

ожидавшая рождения второго ребенка, внезапно отправилась на роды. Ася осталась совершенно одна. «Во время вечерней молитвы внезапно я почувствовала твердую уверенность Присутствия, мягкого и сильного. Я поняла, что это был Он — Бог, неизмеримо личный и неизмеримо реальный. Я чувствовала себя частью Его. Я начала беседу, без слов, в молчании, с Богом, открывшимся моей душе. С тех пор это общение никогда не прерывалось».

После приезда во Францию отец записал старшую дочь в школу для девочек Сент-Мари-де-Нейи. Это была новая, современная школа с высоким уровнем обучения. Ее основательница, Мадам Даниелу, принимала русских девушек, сочувственно относясь к трагедии русской диаспоры. Ася вспоминает о годах, проведенных в колледже, как о счастливой поре своей жизни, но ее православному восприятию чужда часовня Святой Марии, «уродливая и холодная»; не любит она и католические обряды.

Однако однажды, во время необычной церемонии первого причастия одноклассницы, вспоминает Ася, «я вдруг почувствовала, что меня наполнило, захлынуло, как волной, Божиим Присутствием. Я не могла сдержать слез, и что-то преобразилось во мне. Я поняла, что Христос хотел дать мне Себя через евхаристию, однако я не смогу причащаться Ему так часто, как Он бы хотел, если не приму католическую веру».

Ася была принята в лоно Католической церкви в марте 1923 года. Она не сказала об этом родителям, зная, как это их огорчит. В 1924 году отец узнал и не разговаривал с дочерью в течение двух лет. Молчание было прервано только на Пасху 1926 года.

Ася всегда говорила, что она черпает из двух источников — православного Востока и католического Запада. В тот момент, когда Господь дал ей сильнейшую жажду ежедневного причастия, это желание, в церковном контексте той эпохи, было неосуществимо без принятия католической веры. При этом ее православная вера осталась нетронутой, и она пронесла через всю свою жизнь глубокое, пророческое чувство внутреннего единства.

С ранней молодости Ася была готова посвятить себя служению России, чувствуя в этом призыв Божий. Но как его реализовать? Апостольская миссия общины Святого Франсуа-

Ксавье представляется ей идеальным местом. После беседы с Мадам Даниелу, в возрасте 21 года, Ася вступает в нее и получает там многогранное образование.

Годы в общине Святого Франсуа-Ксавье

«На Пасху 1945 года, — вспоминает Ася, — отец Жан Даниелу пришел к нам, чтобы рассказать об экуменическом движении, в особенности о Ламбере Бодуэне и аббатстве Шевтони, которое он создал как место встречи христиан различных конфессий. Мне посчастливилось провести там пасхальное триденствие и присутствовать на прекрасных службах на славянском языке.

Мадам Даниелу посоветовала мне войти в экуменический круг св. Иоанна Крестителя, основанного отцом Иоанном Даниелу, и участвовать в работе группы “Россия”. Это позволило мне глубже понять проблемы России советского и, в частности, сталинского периода. Кроме того, я подружилась с Изабеллой Эзмайн, которая двадцать лет спустя предложила мою кандидатуру на должность в посольстве Франции в Москве.

В этот же период я встретила отца Бернара Дюпир, который был недавно рукоположен католическим священником по восточному обряду и собирался основать студенческий дом Дёзурс (“Два Медведя”) для ознакомления студентов с русской культурой. Когда отец Бернар предложил своей группе “Культура и дружба” посетить Россию, я поняла, что я должна поехать с ними. Поездка состоялась в августе 1959 года и стала поворотным моментом в моей жизни. Настало время оттепели, границы понемногу открывались. Приближалась эпоха моего нового обретения моей родины».

Остановимся на некоторых значительных моментах этого путешествия.

В Ленинграде Асе удастся найти могилу своего деда по материнской линии, генерала Свирина. Она не может сдержать слез: сколько страданий! сколько разлук! Она посещает квартиру, где умирала, от голода и холода, жена генерала во время страшной блокады Ленинграда. Ее похоронили в общей могиле. Во время этой поездки Асе удастся также повстречаться с Борисом Пастернаком и передать ему гонорар за «Доктора Живаго», опубликованного во Франции. Он упоминает о все

более тяжелых преследованиях, которым подвергается он сам и его друзья. Ему предлагали уехать, но он хочет остаться, чтобы сохранить связь с культурным и духовным наследием своего народа. Но писать в этих условиях невозможно.

Двумя годами позже в Москве состоялась, в рамках ВДНХ, выставка французских достижений. Ася оказалась среди переводчиков. Так она познакомилась с Андреем Синявским, преподавателем московского университета: он подтверждает ее подозрения о той реальной опасности, которой подвергается каждый, выразивший несогласие со сталинским режимом.

В 1964 году наступает долгожданный момент. Анастасии Дуровой предложили место во Французском посольстве в Москве. Ей предстоит работа по связи между советскими властями и служащими Французского посольства по разным вопросам.

«Во мне была уверенность, что Бог хотел, чтобы я стала в самом сердце России тем местом, тем свободным инструментом, через который становится возможным Его присутствие и сияет Его свет».

23 апреля 1964 года, заверившись поддержкой и молитвой сестер общины Св. Франсуа-Ксавье, Анастасия уезжает в Москву.

Верующая в Москве 1960–1970 годов

Во второй половине вечера профессор Ив Аман, работавший культурным атташе во Французском посольстве в Москве с 1964 по 1977 год, друг Анастасии Дуровой, осветил ее замечательную роль в судьбе многих диссидентов, с которыми ее свели обстоятельства. Многим из них она помогла — реальной или моральной поддержкой, в частности, снабжая их духовной литературой. Она была, например, одной из «невидимок» Александра Солженицына, помогавших ему передать и опубликовать свои произведения на Западе*.

Анастасия Дурова встречалась с молодыми советскими интеллектуалами, которые освободились от влияния марксистско-ленинской идеологии и находились в духовном поис-

* См. материалы «Вестника РХД» на эту тему, в частности, предыдущий номер, в котором опубликованы отрывки из дневника А.Б. Дуровой, посвященные ее деятельности невидимки в годы работы во Французском посольстве в СССР. — *Редакция.*

ке. В самом начале своего пребывания в СССР ее пригласили присутствовать на подпольном крещении, которое совершал отец Дмитрий Дудко. Жаклина Грюнвальд, студентка-французка, которая приехала в Москву на лингвистическую стажировку, познакомила ее с Евгением Барабановым, одним из первых духовных чад отца Александра Меня. Благодаря ему Анастасия познакомилась и с самим отцом Александром. Уже в ходе первой встречи отец Александр передал ей реальную картину религиозной жизни в России: уничтожение Церкви, религиозное невежество, неустойчивость духовного горения, отсутствие книг. Анастасия передала ему привезенные с собой книги, и впоследствии, в каждый новый приезд, она привозила с собой целую библиотеку, пересылая книги и через дипломатическую почту. Эти книги стали духовной и моральной поддержкой для многих.

Отец Александр познакомил ее и со своими сочинениями, «изданными» в самиздате. Анастасия загорелась идеей издать их по-настоящему. Во время одной из своих поездок во Францию она рассказала об этом одной из подруг, Ирине Познофф, русской католической эмигрантке, которая основала в Брюсселе небольшое издательство «Жизнь с Богом». Сначала Ирина издавала брошюры религиозного содержания для лагерей советских беженцев в Европе после Второй мировой войны. Предложение Анастасии стало началом тесного и плодотворного сотрудничества отца Александра и издательства «Жизнь с Богом», в результате которого были изданы все его книги, а также книги по его рекомендациям.

Во время своего пребывания в России Ася также познакомилась с Надеждой Мандельштам, окружением Александра Солженицына, отцом Борисом Старком... Всех она поддерживала дружбой, молитвой, гостеприимством. Ей удалось избежать «предложений» КГБ, она всегда оставалась твердой и осторожной. Бог ее хранил.

После 1977 года Ася тоже очень часто ездила в Москву, где у нее осталось много верных друзей.

Будем надеяться, что когда-то выйдет полное собрание ее дневников.

БЛАНДИНА-Д. БЕРЖЕ
(Община Св. Франсуа-Ксавье)

(Перевод с французского Анастасии Маркидоновой)

IN MEMORIAM

Николай Греков (11 января 1943 – 10 октября 2019)

10 октября 2019 года внезапно скончался Николай Николаевич Греков, старейший член Русского студенческого христианского движения, казначей многих русских эмигрантских организаций — Русского студенческого христианского движения, Дворянского союза и т.д., многолетний староста прихода Преподобного Серафима Саровского в Париже, а также долгие годы председатель общества Друзей издательства «Имка-Пресс».

Николай Греков родился в 1943 году в семье инженера-геолога из донского дворянства, в которой получил двойное, французское и русское, образование. Получив медицинскую специальность и став врачом, Николай Греков в то же время посвящал себя общественному и особенно церковному служению в кругах русской эмиграции в Париже. Церковное сознание сложилось у него, кроме участия в приходской жизни, также благодаря членству в Русском студенческом христианском движении, съезды и кружки которого воспитали не одно поколение церковных деятелей. Со свойственной ему аккуратностью Николай Греков посчитал нужным пойти дальше и систематизировать почерпнутые знания, поступив в Богословский институт преподобного Сергия в Париже, где он закончил полный курс обучения со степенью бакалавра богословия. Сознательное, активное христианство в духе Русского студенческого христианского движения, идеалам которого он оставался верным всю свою жизнь, лучше всего

характеризует его личность, так же как и врожденные благородство и скромность, делавшие особенно ценным его вклад в общую работу. Николай Греков являл собой редкое сочетание верности с духовной свободой и открытостью, беззлобия и кротости с твердостью и принципиальностью. Несмотря на отталкивание от всякого вида споров и конфликтов, которыми столь богата общественная жизнь эмиграции, Николай Греков неизменно занимал четкую, принципиальную позицию в кризисные моменты и не жалел сил и времени для поддержки того, что считал правым делом. Так, он был одним из тех, кто в трудные годы церковной смуты начала 2000-х твердо выступил на стороне архиепископа Гавриила за сохранение единства Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе, защищая наднациональный характер Православной церкви против ревнителей русскости. Не менее твердую позицию верности Архиепископии он занял, когда Константинопольский патриархат потребовал осенью 2018 года упразднения и роспуска Архиепископии в одностороннем порядке. С уходом Николая Грекова уходит в вечность еще одна частица высокой церковной культуры, порожденной русской эмиграцией, наследие которой является совместным достоянием России и местного православия во Франции и в Западной Европе. Вечная память!

Даниил Струве

Светлой памяти о. Бориса Бобринского (1925–2020)

Принимаюсь писать об о. Борисе, и волна внутреннего тепла ложится на сердце. Она исходит уже от его имени. Встреч с ним у меня было не очень много, и все они относятся к 1990-м годам или к началу 2000-х. Но эти встречи, особенно ранние, были решающими, ибо помогли тогда мне выбрать свой дальнейший церковный путь. И мой выбор — в сторону русскости, соединившейся со вселенскостью, — был сделан отчасти благодаря тому явлению зримой Церкви, которая отразилась, как бы высветилась в личности о. Бориса. Я увидел тот образ священника, который, может быть, не сознавая этого, всегда искал. Он слагался из укорененности в православной традиции, духовной, догматической, литургической, в союзе с открытостью, умением понять другого, вниманием к его дарам (то, что сейчас пародируется в слове «экуменизм»), но главное — со спонтанной пастырской любовью к каждому, кого он, о. Борис, встречал. И разумеется, отсутствием в нем всякого авторитаризма. Словно та бывшая, непреходящая Россия, живая когда-то и оставившая после себя саднящее ощущение пустоты, вышла ко мне навстречу из давно прошедшего и улыбнулась. Это была улыбка о. Бориса.

Такое ощущение спонтанно коснулось меня при первой же встрече в крипте собора на рю Дарю, где о. Борис был настоятелем в основном русского, но франкоязычного прихода. Потом, много позднее, он приглашал к сослужению и меня. Но до того было немало встреч, бесед и несколько исповедей. «Вы движетесь к священству», — сказал он мне в то время, когда видимым образом я еще стоял на месте и размышлял, не двигаясь. В это начавшееся движение незаметно влился молитвенный уголок в квартире о. Бориса — сначала близ Булонского леса, затем на улице Манэн в 19-м районе — рядом со Свято-Сергиевским подворьем, где он много лет подряд свободным голосованием выбирался деканом; в него вписалась и лампада перед большим образом преп. Серафима Саровского; его согрела приветливость супруги о. Бориса Елены Юрьевны и даже молчаливое присутствие дочери

покойного Льва Зандера с ее болезнью Дауна, нашедшей кров в их доме. Собственные взрослые дети этой семьи давно разъехались по разным городам и странам.

Работа нашей памяти определяется тихими извещениями, идущими из глубины, и ее сигналы говорят о поразительной гармонии, состоявшейся в о. Борисе. Она слагалась из безупречной интеллигентности и потомственной родовитости, так легко, естественно проявившихся в его пастырстве. Ибо священство — я понял это как раз тогда — вовсе не растворяет без остатка все прочие дарования, напластования культуры и семейные гены, оно может включать их в себя, освящать их по-новому.

Мне довелось редактировать перевод его книги «Le Mystère de la Trinité» («Тайна Пресвятой Троицы»), вышедшей в 2005 году в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Это классическое изложение православной догматики, которое, по признанию о. Бориса, было лишь первой из четырех частей прочитанного им на Подворье курса. В этой книге, по-моему, нет того, что называется «парижским богословием»: есть богословие троическое, пронизанное христоцентризмом и литургическим ритмом, наполнявшим его мысль. Богослужение понималось, переживалось и совершалось им перед ликом Христа, чьи отражения или отблески можно разглядеть повсюду, если настроить на него наше зрение. Надеюсь, что тот курс будет опубликован полностью, в особенности заключительная его часть, посвященная православной экклезиологии, столь актуальной сегодня.

В 2000 году, когда богословский факультет Фрибургского университета в Швейцарии присвоил о. Борису звание доктора богословия *honoris causa*, он в виде дружеского жеста прислал мне тетрадку со своей библиографией. Конечно, это совсем не то сочинение, которое читают, как книгу, с начала и до конца, но я решил прочесть все, вдумываясь, вживаясь в названия его публикаций. Начиная с первой статьи 1951 года, вышедшей в переводе на шведский, «Христос и Его служения», до последней по-английски: «Несколько мыслей о литургической пневматологии». Их было несколько сотен, 95% из них написаны по-французски, и все они служили посланиями, которые православное Предание посылало как

растущему Православию на Западе, так и читателям и собеседникам, принадлежащим к иной вере, иной культуре.

Собранные вместе за полвека, эти работы словно окружали собой ту незримую, невидимую, недоступную мысли реальность, которая называется Тайной Христовой. Тайна распахивается в Откровении, Откровение же требует постоянных усилий веры, разума, познания, ответной любви, освящающей человека. «Все бо являемое свет есть», по славянскому слову апостола Павла. Тогда я понял, и знаю теперь, что вся жизнь протопресвитера Бориса Бобринского была причастна такому свету.

Прот. Владимир Зелинский

Отец Рене Маришаль (1929–2020)

6 апреля 2020 года в Лионе на 91-м году жизни умер отец Рене Маришаль, S.J. Столько доброго с ним связано. Вспоминаю и ощущаю волну благодарности, участия, симпатии, такта, исходящую от его присутствия в моей жизни. В нем было то соединение веры и культуры, юмора и преданности делу, легкости нрава и трудолюбия, которое бывает таким органичным на Западе. В 1989–1991 годах мы с семьей целыми неделями жили в центре Сен-Жорж, обители Святого Георгия, поражающий змия образ которого был написан на фронтоне византийской часовни, общинной их церковки. Центр находился в Медоне, столь памятном многим русским, 3-я остановка на поезде от вокзала Монпарнас в Париже, и руководил им тогда, скорее нес его на себе, о. Рене Маришаль.

Там среди прочих отцов-иезуитов, каждый из которых был особо колоритной личностью, жил о. Франсуа Руло (1919–2017); хрупкий, тонкий, тихий, почти застенчивый, он был хранитель, можно сказать, ангел-хранитель располагавшейся в подвалах Сен-Жоржа Славянской библиотеки, основанной в 1856 году еще о. Иваном Гагариным. Это была одна из самых больших русских религиозных библиотек в Европе. Она не просто хранилась, но еще и постоянно собиралась, на свой лад даже продолжалась и питала собой издаваемый отцами Франсуа и Рене, вместе с бывшим петербуржцем Александром Мосиным, альманах «Символ». «Символ» — знак встречи двух друзей, христианского Востока и христианского Запада, встречи, которая все еще остается чаемой. Сам о. Рене Маришаль был символом и воплощенным чаением этой встречи.

Теперь журнал переселился в Россию и издается в Москве.

В Медоне поблизости жил Жан Лалуа (Jean Laloy), известный интеллектуал, дипломат, в 1950-е годы министр, вдобавок пианист и композитор, большой друг России и потому недруг СССР, которых, в отличие от многих, он умел различать очень четко. И разумеется, духовный собрат Сен-

Жоржа. Он говорил по-русски, после войны был даже переводчиком де Голля и жадно интересовался христианским возрождением в России. Он решил издать собственный альманах «Les Quatre Fleuves» в двух тетрадах: одной посвященной католической Польше, другой — православной России. «Les Quatre Fleuves» — те самые «четыре потока, что вытекали из Эдема», — теперь брали свое начало в Медоне. Жан Лалуа, о котором я, разумеется, тогда не слышал, в 1980-м году через общего друга Ива Амана просил меня написать работу об этом возрождении. Правду сказать, совершенно не собирался этого делать, сам термин вызывал у меня вопрос, но вот попросили, и я, взявшись писать, довольно пространно о том написал. Ив Аман и медонские отцы перевели этот текст на французский, опубликовали в «Les Quatre Fleuves» и, когда я впервые оказался там в декабре 1988 года, мне этот альманах вручили. Так Сен-Жорж стал для меня местом рождения тех «Четырех рек»; в потоке одной из них я оказался.

По-русски же эта большая статья, названная «Приходящие в Церковь», стала небольшой книжкой, изданной затем в Париже в издательстве «La Presse Libre», которым руководила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти. Книжка эта неожиданно соединила мое имя с западными радиоголосами, со всяким политическим шумом, так что в конце концов даже круто повернула мою судьбу. Но это уже совсем другая история.

В Сен-Жорже среди прочих там жил о. Эгон Зендлер (он требовал, чтобы его называли о. Игорем), немец, вернувшийся с Восточного фронта и ставший талантливым иконописцем и основателем школы иконописи в том же Медоне... Им был расписан и храм святого Георгия. А стена медонской столовой была украшена его образом русской снежной ностальгической деревни. Для бывшего солдата вермахта карьера мало сказать что неординарная.

В этом доме, особняке XVII века, царила какая-то стыдливая влюбленность в Россию, но сосредотачивалась она и исходила от о. Рене. О. Борис Бобринский, 25 февраля 2020 года отметивший свое 95-летие, который меня с семьей туда рекомендовал, любил называть себя воспитанником Сен-Жоржа. Там говорили по-русски, кто лучше, кто хуже, по крайней мере старались. Но все тогда сосредотачивалось в о. Рене,

не только щедро гостеприимном для нас, русских, но и для множества французов, ливанцев и всяких не совсем понятных людей, собиравшихся как бы погреться «на огонек» русской культуры. То, что русские всегда ругали иезуитов, и это даже стало частью национальной традиции и психологии, о. Марिशаль воспринимал почти как должное, нисколько не обижаясь и принимая всех. Как не обижался он и на то, что мы ходили в православный зарубежный приход на соседней улице в Медоне, хотя византийская литургия служилась и у них, а в храме св. Георгия было пусто.

Там были лекции, встречи, семинары (на одном из них, помню, выступал Владимир Максимов), но экономическим стержнем Сен-Жоржа были просто курсы русского языка, а также школа иконописи, руководимая о. Игорем. Потом широко разлилась перестройка, перелившаяся затем в демократию, влившуюся в «свободную Россию», и Медон в качестве Центра по изучению русского языка и культуры перестал быть особенно нужным, хотя преподавали там вполне профессионально, и все потенциальные курсанты-русисты устремились на Восток. Сен-Жорж стал тонуть, постепенно погружаясь в кризис, и средств спасти его не было. Помню, о. Марिशаль даже просил меня позвонить генералу ордена и объяснить ему, как важен Сен-Жорж для русской культуры, русской памяти, очаг которой чудесным образом сохранился именно здесь, под Парижем, и потому он ни в коем случае не должен погибнуть. Генерал выслушал внимательно, не прерывая, не споря, но потом вежливо и аргументированно изложил, что денег содержать Сен-Жорж ни у кого нет, держаться нечем и не за что, а Сен-Жорж все равно придется продать. Там до последнего оставался о. Рене, остальные стали разъезжаться, кто-то умер, о. Алексей Стрычек переселился в Сибирь, но все остававшиеся без крова, отчасти благодаря о. Марिशалю, нашли для себя какую-то крышу. А знаменитая славянская библиотека отправилась в Лион. Был там такой симпатичнейший православный старичок, все звали его дядя Коля, Николай Иванович Гоголев, из второй эмиграции, рядом с которым 70- и 80-летние обитатели этого гнезда казались молодыми людьми, всегда окруженный шутками да прибаутками и сам их из себя источавший. Кажется, он завершил свою жизнь, когда Сен-Жорж еще держался на воде.

Сам о. Рене Маришаль оказался потом в старческом доме иезуитов под Лионом, который я все собирался посетить, но не сложилось. Последний мой звонок был на 90-летие, о. Рене был бодр, приветлив, звал в гости. Вспоминали Москву, когда я был еще невыездным, общих старых друзей. Очень дружеский был разговор.

В этом тепле, которым всегда веяло от о. Рене, у меня есть два уголка, два небольших события, к которым я люблю возвращаться. Первое событие случилось в 1989 году, когда он позвал ближайшего (и по сей день) моего друга о. Михаила Аксёнова-Меерсона, и тот, перемахнув океан из Нью-Йорка, встретил меня в коридоре общежития Сен-Жоржа. В 1972 году, когда мы расставались с ним в Шереметьеве, это было навсегда. А в 1989-м, когда встретились и обнялись, это было небывалое счастье. О. Рене стоял рядом, смеяся и празднуя вместе с нами.

Второй раз случился через десять лет ровно. 5 сентября 1999 года я был рукоположен во иереи архиепископом Сергием (Коноваловым) в соборе Александра Невского в Париже. После литургии мы вернулись с женой и сыном в ставший родным и еще дышавший Медон (денег на гостиницы у меня, понятно, никогда не было). Вошли под арку со знаменитой надписью «Potager du Dauphin», то есть «Огород наследника», парк, разбитый еще в 1681 году при Короле-Солнце. И войдя, тотчас увидели ждавшего нас о. Рене. Подойдя ко мне, сложив по-православному руки, широченно улыбаясь, он произнес: «Благословите, батюшка!» Я подумал: это шутка такая? Кто из нас тут батюшка? Нет, всерьез. Единственное, что я знал твердо, — что делается это правой рукой. И благословил.

Впервые в жизни.

Ныне сердцем благословляю вновь.

6.04.2020.

Прот. Владимир Зелинский

Памяти Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020)

Никак не могу представить, что его больше нет.

Да и уверен, не только я, а десятки, если не сотни людей, хоть как-то связанные с изучением наследия русского зарубежья и удивительной поэзии Марины Цветаевой.

Инженер-электрик, автор многих изобретений всесоюзного, как тогда говорили, масштаба, он еще в 1960-е годы вдруг познал, если вспомнить слова Лермонтова, «одну, но пламенную страсть» — стал собирать материалы, связанные с именем Марины Ивановны Цветаевой. Вместе с незабвенной Анной Александровной Саакянц он еще тогда всеми силами старался пробивать наследие великого поэта (Цветаева ненавидела слово «поэтесса») сквозь чугунные шлюзы советской цензуры.

Он встречался с людьми, записывал их воспоминания, добывал книги и автографы. В собственной квартире создал первый домашний музей Цветаевой и устраивал цветаевские чтения. Конечно, времена были не сталинские, но занятие было малоподходящим для тех лет и не всегда безопасным.

Его увлеченность, эрудиция, какая-то вдохновенная преданность своему делу не могли не привлекать людей. Кроме таланта исследователя, у него был и другой дар — светлой души.

С первыми дуновениями перестройки Лев Абрамович посвятил себя исполнению своей мечты. Он стал готовить собрание сочинений Марины Цветаевой, книги ее писем, библиографические указатели, сборники воспоминаний о ней — об одной из самых гениальных женщин, когда-либо рождавшихся на российской земле. И продолжал по крупицам собирать ее наследие.

Работая в Доме-музее Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, а потом в Музее Цветаевой в подмосковном Болшево, Мнухин провел множество семинаров, конференций, творческих встреч. Таков был напор его энергии, что ему удавались самые, казалось бы, безнадежные начинания.

Бродский однажды сказал, что Цветаева писала каждое слово, как последнее. Текстологическая работа над ее текстами — дело необычайно трудное. И масштаб работы просто огром-

ный, немыслимый. И тем не менее Лев Абрамович откомментировал тысячи цветаевских строк. И всегда, в любой публикации он был необыкновенно тщателен и точен. Надо сказать, что и Никита Алексеевич Струве не раз и с удовольствием предоставлял Мнухину страницы нашего журнала для публикаций.

Читатели «Вестника РХД» со стажем хорошо помнят газету «Русская мысль», выходившую в Париже. Лев Абрамович почти в каждом номере публиковал эссе или заметки, связанные с персоналиями русского зарубежья — писателями, поэтами, художниками. Изучение творчества и жизни Марины Ивановны вывело его на новую орбиту — всеобъемлющего исследования истории культуры русской эмиграции. И особенно жизни российских изгнанников во Франции.

Он создал коллектив единомышленников, который несколько лет под его руководством работал в библиотеках России, Франции, Сербии, США. Результатом стали четыре тома поистине эпохального труда «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни во Франции. 1920–1940». Огромное полотно юбилейных вечеров, встреч, театральных и кинопремьер, концертов, которые за двадцать лет эмиграция «первой волны» провела на французской земле, как какой-то град Китеж, было развернуто перед исследователями. И стал понятен весь масштаб русского присутствия и его вклад в европейскую культуру.

Но Лев Абрамович никогда не умел останавливаться. Не прекращая работу над цветаевскими сюжетами, он опять вдохновил группу своих товарищей на новый труд — биографический словарь «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 гг.». И этот трехтомник увидел свет. Сотни судеб были спасены от забвения.

Он часто бывал в Париже, с удовольствием принимал участие в конференциях и международных форумах. Невзирая на невероятный объем работы, старался всегда поддерживать научные серьезные начинания. И сам он был (как не хочется писать это слово), как магнит, который притягивал к себе. И трудно сказать, что мы больше ценили в нем — невероятный талант исследователя или талант друга.

Прощай, наш дорогой Лев Абрамович, Лёвушка. Светлая тебе память.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВ

Рыцарь нашего времени: Дмитрий Иванович Вышнеградский (1924–2020)

24 июня скончался Дмитрий Иванович Вышнеградский, внук художника Александра Николаевича Бенуа, сын композитора Ивана Александровича Вышнеградского, ученика А.Н. Скрябина, ставшего в эмиграции проводником его идей во французской культурной среде.

Дмитрий Иванович, необычайно чуткий к генеалогии своего рода — и в целом к истории русской эмиграции (он говорил об ощущении себя «в доме предков»), — на протяжении всей своей жизни много и увлеченно писал об огромной семье Бенуа и о судьбах русских эмигрантов разных поколений.

Мы познакомились в связи с проектом издания парижских дневников А.Н. Бенуа в УМСА-Press — идея, чрезвычайно понравившаяся Дмитрию Ивановичу, для которого ИМКА (издавшая в разные годы книги об искусстве Василия Кандинского, Николая Евреинова, Сергея Лифаря, с которой сотрудничали, из ближайшего окружения его деда, Мстислав Добужинский, Дмитрий Стеллецкий, Юрий Анненков) олицетворяла ту деятельность по передаче наследия русской эмиграции, к которой, начиная с 1940-х годов, он был причастен сам.

Я пришла к нему по адресу 6, rue de Plumet в XV округе Парижа. Совпадения начались с улицы: искомый дом 6 оказался почти напротив дома, в котором проживал Борис Федорович Шлецер, другой известный посредник русской культуры

в эмиграции, связавший ее писателей — с Андре Жидом и редакцией «Nouvelle Revue Française», музыкантов — с «Revue Musicale» и «Ménestrel», в которых он сам публиковал яркие исследования на французском языке о музыке А.Н. Скрябина и И.А. Вышнеградского, о художественном даре своего друга А.Н. Бенуа. Но главным совпадением было исключительное взаимопонимание, почти родство, какое, думаю, испытал каждый собеседник Дмитрия Ивановича, разговор с которым сразу выходил на главное, слова обретали подлинный смысл и вес. Таким главным стало для нас обсуждение издания находящихся у него на хранении заветных тетрадок Александра Николаевича Бенуа, в которых тот шаг за шагом описывает отъезд семьи 15 августа 1924 года из Гатчины, последующее устройство в Париже, встречи с Артуром Оннегером, Яковом Шифриным, капризы Иды Рубинштейн... Каждая новая встреча обростала новыми штрихами к портрету знаменитого деда, о котором Дмитрий Иванович был готов рассказывать часами, начиная с детских воспоминаний (14-летнему юноше вверено приготовление красок для создания декорации к «Жанне д'Арк на костре») до прощания с Александром Николаевичем 9 февраля 1960 года на кладбище Batignolle, собравшего весь культурный Париж. Могила, вспоминал Дмитрий Иванович, сейчас стала местом паломничества художников и любителей русского искусства в Париже.

Расшифровка дневников (подобных ребусу — настолько тяжело читаем почерк А.Н.) превратилась в увлекательное занятие, каждая встреча сопровождалась новыми открытиями: Дмитрий Иванович был рад находкам и предположениям и охотно делился семейными воспоминаниями и принятыми в семье сокращениями имен и прозвищами (так, его бабушка, Анна Карловна Бенуа, в дневниках появляется Акицей, дядя Николай Александрович — Кокой, мать Елена Александровна — Лелей...). Как весело смеялся Дмитрий Иванович, когда в одном из зачитанных мною свежерасшифрованных фрагментов от 30 августа 1924 года о подрастающем у «легкомысленной» Лели «прелестном, занятом младенце», должен был распознать... самого себя.

Дмитрий Иванович родился 19 февраля 1924 года в Париже в семье, где искусство органично вплеталось в жизнь. Мать — художница-сценограф, отец — композитор, дядя —

главный декоратор Королевской оперы в Риме, не говоря об именитом деде, в мастерской которого на rue Auguste Vitu Дмитрий Иванович встречался, пусть и мимоходом, со многими европейскими знаменитостями. Сам он выбрал юридический факультет Парижского университета и работал в качестве юриста в обществе социальной безопасности шахтеров. Он защищал Париж... и от исчезновения трамваев в 40-е годы, когда было решено таким образом облегчить автомобильное движение; и горячо приветствовал реставрацию трамвайных путей в начале 90-х, заботясь об экологии. Однако он остается и сыном своего отца: поездка в Америку в конце 1950-х годов (где он знакомится с выдающимися композиторами эпохи Кристианом Г. Вольфом и Джоном Кейджем) выливается в исследование блюза, написание истории традиционной музыки африканского и американского народов в США и последующего переиздания старых пластинок этой музыки.

Любовь к литературе и прекрасное знание русских и европейских классиков составляла неизменный фон его рассказов. В семье наизусть цитировали басни Лафонтена и Крылова (имена персонажей которых составили часть домашних «прозвищ», где среди внуков были и Стрекозы, и Муравьи). Имя Гюго возникало в наших беседах чаще других: название его улицы, Plumet, переносило его в действие «Отверженных»; «Искусство быть дедом» цитировалось в связи с Александром Николаевичем Бенуа, который, по его словам, в совершенстве владел и этим искусством, всегда находя время для внука и общаясь с ним на равных.

Но о том же говорили на похоронах 28 июня его собственные благодарные внуки — Александр, Констанция, Камелия, Роман, Родо и Амалия, — каждый из которых рос, окруженный теплотой его любви.

Боль от утраты велика. Ее не умяляют слова о долгой, полноценной, необычайно плодотворной жизни. Ушел еще один рыцарь прекрасной — почти неправдоподобной эпохи, которая вместе с тем благодаря ему воспринимается как реальный опыт жизни, как длящееся стояние на высотах духа, которое было явлено и в последние часы перед уходом. «Он был словно на царственном ложе», — вспоминает дочь Ма-

рия. Пытался оградить близких от мучений, справиться со смертью самостоятельно.

Эта жизнь — и непрерывное творческое напряжение, явленное в его книгах и статьях, посвященных семье Бенуа и истории эмиграции, где творческая биография Александра Николаевича представлена в его связях с Морисом Дени, Морисом Равелем, Полем Клоделем; где его очерки о жизни русских эмигрантов XV округа освещают общежитие матери Марии (Скобцовой) на ул. Лурмель, жизнь прихода преп. Серафима Саровского на ул. Лекурб... Член парижского историко-археологического общества, участник «Русских дней», организованных мэрией XV округа, он был неутомим и неисощим — мы планируем публикацию в «Вестнике» его отдельных материалов, опубликованных «Société historique et archéologique du XV arrondissement de Paris».

Светлая, вечная память человеку, пронесшему через все бури XX века благородство и красоту души; сохранившему, в 96-летнем возрасте, твердую память, ясный ум, лучистые глаза и добрую улыбку, которой он щедро делился с каждым, и которая возвращалась к нему — и к другим — от просветленного ею собеседника.

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Отец Петр Скорер (1942–2020)

Почитаю за честь и смиренно пользуюсь возможностью поделиться с вами воспоминаниями о человеке, чье присутствие было неизменным и радостным в течение всей моей сознательной жизни. Приход, в котором служил Петр, — родной мне приход, я всегда посещала его, когда гостила в Девоне у родных и друзей. Поездки в Девон неизменно включали посещение дома Петра и Ирины, а позднее мы обычно у них останавливались.

Позвольте мне начать с картины, которая хранится в моей памяти более сорока лет. Митрополит Антоний — в гостях в Северном Девоне в домашней церкви отца Джона Марка, где о. Петр служил в то время. После всенощной все собираются к столу, хотя дети (и собаки) нередко разгуливают туда-сюда, в том числе и под столом. Епископ сидит во главе, словно отец, окруженный детьми, как заметил один из младших сыновей о. Петра. Митрополит Антоний Сурожский и Петр обмениваются забавными байками. И о. Петр рассказывает басни о планах празднования дня рождения (возможно, 90-го?) его представительной бабушки Татьяны Сергеевны Франк, которую он взял на свое попечение в конце ее жизни. Мне кажется, что митрополит Антоний весьма ценил такие редкие случаи, когда он мог спокойно отдохнуть в непринужденной обстановке, среди старинных друзей, которые не возносили его на пьедестал.

Во время своего служения дьяконом и недолгое время (после рукоположения и до смерти) священником о. Петр воплощал собой четкое представление митрополита Антония о том, каким должен быть служитель Церкви. Ему был чужд любой намек на клерикализм, на помпезность как в богослужении, так и в общении с людьми. Не думаю, что он когда-нибудь давал кому-либо почувствовать, что в присутствии духовенства нужно вести себя «наилучшим образом». В нашей епархии мы обыкновенно думали об о. Петре как об образце диаконского звания — все-таки на памяти большинства из нас он был дьяконом! Но было нечто более важное: дьяконские

образы Христа в Библии (Лк 22: 27) — «*Я посреди вас, как служащий*» (по-гречески: *os o diakonon*), — мне представляется, действительно воплощают в себе суть того, кем был о. Петр. Существовала неразрывная связь между его служебной ролью — приносить Богу молитвы за людей — и его неустанным, ненавязчивым, смиренным служением в многообразных практических делах. Мне кажется, порой мы, христиане, настолько благоговеем перед требовательным идеалом любви к нашему ближнему, что просто не замечаем представляющиеся случаи послужить кому-то, кому требуется чашка чая и полчаса теплого внимания, — вовсе не надо отдавать за него жизнь! Петр не совершал такой ошибки, он как будто понимал (не знаю, насколько сознательно), что любовь Божию можно передать через простые выражения дружбы. Даже в чем-то совершенно обыденном. Подъезжая к станции «Эксетера», я часто улыбаюсь, вспоминая, как однажды Петр отвез нас на станцию, и покупка билетов затянулась. Мы выбежали на платформу в последний момент — Петр стоял одной ногой на подножке: попробовал бы поезд отойти без нас! И оглядывался на нас со своей озорной улыбкой. Петру было свойственно создавать атмосферу уважительной неформальности. Важным моментом этого была именно его готовность — как уже упоминалось — делать то, что требуется: он служил архиерейским протодьяконом и он же готовил большие кастрюли еды в детском лагере. Я вспоминаю об этом, глядя на одну из фотографий с нашей свадьбы в храме св. Анны в Эксетере в 1990 году: Петр в углу смотрит с радостным вниманием, стоя среди хора, который состоит главным образом из членов его семьи. «Дайте знать, когда вы будете готовы к выходу, и я позвоню в колокола», — сказал он. То был будний день, и, думаю, после того, как он навел порядок в церкви, он должен был поспешить на свои послеобеденные лекции.

Почти каждое воскресенье после обедни можно было застать Петра совершенно буквально «*пекущимся о столах*» (см. Деян 6: 2) в своем доме или в саду под раскидистой березой, которую они с Ириной посадили сразу после приезда в дом. Среди такого множества людей (и собак), разгуливающих туда-сюда, я никогда не видела его нетерпеливым: он всегда был добродушным, любезным, внимательным ко всем.

О. Петр обладал редким даром оживлять любую компанию, он был великолепным рассказчиком и актером, — но его озорное остроумие сочеталось с состраданием. И часто, уходя после долгого полудня или вечера, после еды и питья, смеха и не особенно благочестивых разговоров, человек вдруг осознавал, что это тоже было действие причастия, отзвук Божьей любви.

Здесь мне хочется остановить внимание на неизмеримом вкладе Петра в Девонский приход. Он был рукоположен в диякона, чтобы помогать и сослужить отцу Джону Марку; и благодаря этой пятидесятилетней замечательной дружбе и сотрудничеству сохранялась жизнь прихода с двумя церквями, расположенными на расстоянии 80 километров друг от друга и без штатных священнослужителей. Но кроме того, создавалось ядро для прихода как своего рода большой семьи. Петр привнес во вновь образованный приход понимание того, что собираться на службы и учить вере недостаточно.

В весьма расцерковленном обществе и детям, и взрослым особенно трудно возрастать в семью, укорененную в православии, без общины, без пространства, где вера является нормой, единой ценностью. Я никогда не слышала о. Петра говорящим об «оцерковлении» жизни, но именно это он осуществлял на деле. В общине, где так много людей не были воспитаны в православии, о. Петр и его семья были несравненным примером того, как можно объединить в себе веру и жизнь. Примером образа жизни, в котором культурные традиции — например, как отмечались церковные торжества — могут выражать радость спасения, распространяющуюся на каждую сторону семейного быта. О. Петр чувствовал себя совершенно как дома как в русской, так и в английской культуре. Церковная традиция, в которой он вырос, была, разумеется, русской, но, поскольку с его стороны в этом не было никакого принуждения, — и еще меньше национализма — она вдохновляла окружающих его людей заново открывать для себя традиции наиболее близких им культур как выражение их веры. И конечно, прежде всего возрождая те особенности местной английской культуры, которые стремительно растворяются в простонародных преданиях, будь то память о местночтимых святых или обычаи, изначально связанные с церковным годом.

Во время похорон о. Петра его 90-летний собрат отец Никанор выразил переживания многих из нас, когда просто сказал: «Я потерял прекрасного друга». Что касается меня, я только начинаю осознавать все, чему эта прекрасная дружба меня научила.

ЭЛИЗАБЕТ ФЕОКРИТОВА

Перевод с английского Татьяны Юдиной

под редакцией Веры Ерохиной и Елены Майданович

Дань памяти
Ирине Александровне Антоновой
(20 марта 1922 – 30 ноября 2020)

30 ноября 2016 года в московском Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина открылась удивительная выставка, посвященная Андре Мальро и его «Воображаемому музею». В ее организации приняли участие около десятка российских музейных хранителей под эгидой президента ГМИИ им. Пушкина Ирины Александровны Антоновой.

В феврале 1968 года, когда она была уже директором музея, Ирина А. Антонова встретила в Москве с министром культуры Франции Мальро, который приехал в Россию для того, чтобы получить права на экспонирование картин Матисса из Пушкинского музея и Эрмитажа для парижской выставки, посвященной столетию со дня рождения художника.

Ирина Александровна Антонова скончалась 30 ноября 2020 года. Мне хотелось бы воздать должное этой великой женщине, с которой мне посчастливилось совместно подготовить выставку «Голоса воображаемого музея Андре Мальро» и участвовать в подготовительных этапах монтажа. Ее профессионализм и ее авторитет всегда производили очень сильное впечатление.

Она родилась в 1922 году, начала свою работу в Пушкинском музее изобразительных искусств в 1945 году, стала его директором в 1961-м и оставалась им вплоть до 2003-го — года ее назначения президентом музея. Она обладала неиссякаемой энергией и по-прежнему каждое утро появлялась в музее в своем замечательном кабинете, где она встречалась со

своими сотрудниками и посетителями. Там мы неоднократно пересекались с ней.

Набросаю лишь несколько штрихов к ее длительной и блестящей карьере: она организовала выставку, посвященную Борису Пастернаку, в 1989 году, Марселю Прусту — в 2001 году, Солженицыну — в 2013 году, и конечно же, выставку «Голоса воображаемого музея Андре Мальро», представленную в «ее» музее с 1 декабря 2016-го по 12 февраля 2017 года и привлекущую внимание более 150 тысяч посетителей.

В предшествующие месяцы, в возрасте около 95 лет, Ирина Антонова, не поддаваясь усталости, совершила несколько путешествий по Франции и Европе для переговоров с иностранными коллегами об экспонировании произведений, которые проиллюстрировали бы отдельные страницы «Голосов безмолвия»*. В частности, я вспоминаю наш визит в парижский музей d'Orsay**, где тогдашний президент, Ги Кожеваль (Guy Cogeval), обратился к ней в присутствии многочисленных свидетелей: «Госпожа Антонова, я так преисполнен восхищения перед вами, что готов предоставить для экспонирования в вашем музее «Олимпию», нашу «Джоконду», если президент Республики даст свое согласие». Согласие было дано, обещание — выполнено, и «Олимпия» Эдуарда Мане была представлена в Пушкинском музее в период с 19 апреля по 17 июля 2016 года. Я вспоминаю также о посещении музея Jacquemart-Andre***. Ирина

* «Voix du silence» — книга А. Мальро о предназначении искусства, изданная в 1951 г. в издательстве «Галлимар». «За каждым шедевром мечется или ропщет укрошенная судьба. Голос художника черпает свою силу в том, что, рожденный одиночеством, он скликает к себе всю вселенную, чтобы навязать ей человеческие интонации; великие искусства прошлого доносят до нас непобедимый внутренний голос исчезнувших цивилизаций, поправший смерть», — поясняет Мальро таинственное заглавие книги (Голоса безмолвия // Зеркало лимба. М.: Прогресс, 1989. С. 252).

** Один из крупнейших музеев Европы, расположенный на левом берегу Сены в помещении бывшего парижского вокала Orsay. Известен главным образом своими коллекциями живописи импрессионистов и постимпрессионистов.

*** Парижский музей частных коллекционеров (158, boulevard Haussmann; ныне — под эгидой Института Франции), где регулярно организуются выставки шедевров европейского искусства.

Александровна с трудом поднималась по ступеням огромной лестницы, чтобы вернуться в зал ранней живописи. На мой вопрос: «Вы не устали?» — она ответила: «Чтобы смотреть картины? Никогда!»

Для выставки «Мальро» ей удалось получить из Лувра «Апостола Фому с копьем» Жоржа де Латура, «Портрет Луи Мариа де Ситюэ Мартинез» Франческо Гойи; из музея d'Orsay — «Жоржа Клемансо» Эдуарда Мане и «Паясницу Ша-У-Као» Анри де Тулуз-Лотрека; из центра Жоржа Помпиду — «Джаз-банд» Жана Дюбюффе (принадлежащего Мальро); из музея современного искусства La Ville de Pairs — «Крещение Господне» и «Унижение Христа» Жоржа Руо; из музея Родена — великолепную «Голову Бальзака» из бронзы. Помимо этого — «Крестьянский завтрак» Веласкеса, полученный из музея в Будапеште; «Гигант», долгое время считавшийся произведением Гойи; «Христос в доме Марты и Марии» Веласкеса и «Дама, играющая на вирджиналии» Вермеера из Лондонской национальной галереи.

Внушающая робость и привлекательная, Ирина А. Антонова жила искусством, вдохновленная неиссякаемой любовью к искусству. Она знала много языков, в совершенстве владела французским и, будучи любительницей музыки, основала в 1981 году, совместно с пианистом Святославом Рихтером, музыкальный фестиваль «Декабрьские вечера». Отныне он ежегодно устраивается в Пушкинском музее в первых числах декабря.

Мир ей и покой!

ФРАНСУА ДЕ СЕН-ШЕРОН,
профессор Сорбонны,
куратор выставки «Голоса воображаемого музея Андре
Мальро» (Москва, 2016–2017)

(перевод с французского и примеч. Татьяны Викторовой)

К 30-летию кончины отца Кирилла Фотиева (1928–1990)

В утро праздника Успения Божией Матери, 28 августа 1990 г., скончался в Мюнхене о. Кирилл Фотиев. В январе у него обнаружился рак легких, а начатая в марте химиотерапия позволила ему в конце концов избежать болей, и скончался он тихо, причастившись Святых Таин за какие-то часы до своей кончины, в предсмертной борьбе организма, но явно просветленный верой и реальностью таинства.

Хотя о. Кирилл был, по широте интересов и некоторому стилю жизни, внешне человеком весьма светским, его сердце, несомненно, принадлежало всецело Церкви Христовой. Эта любовь расцвела в нем, когда в возрасте 21 года он поступил студентом в Православный богословский институт в Париже и прикоснулся к живой богословской традиции старых русских духовных академий в лице ее профессоров А.В. Карташова, епископа Кассиана (Безобразова), протоиерея Василия Зеньковского, протоиерея Николая Афанасьева, архимандрита Киприана (Керна) и других. От них-то как раз о. Кирилл и научился знанию и любви к миру духовно-материальному, который Бог так возлюбил, что послал Сына Своего Единородного, чтобы этим мир спасен был. Ставши священником, в этом напряжении между возлюбленной, но грешной землей и властным и святым зовом неба, о. Кирилл и прожил свою, увы, слишком короткую жизнь. Действенно и страстно он любил Италию Ренессанса и Францию Просвещения, любил он Пушкина и поэтов, писателей и мыслителей Серебряного века, читал все и интересовался всем в мире мысли и искусства, ведь он свободно читал и писал на пяти европейских языках; но в последнем итоге, безоговорочно и трепетно, он прислушивался к светлой евхаристической вести о Царстве Божьем и к пророческим прозрениям апостола Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос!» Некоторая светлая печаль всегда была ключом к жизни о. Кирилла.

Как человек о. Кирилл был несколько неприспособленным к практической жизни, даже порой застенчивым

и потому и резким: дураков и лицемеров он нелегко терпел вокруг себя. Но зато к друзьям, а таковым мог стать каждый, в ком струя жизни бьет, — к друзьям он был бесконечно ласков, верен, терпелив, отзывчив, щедр. И многие к нему тянулись, разгадывая в нем незаурядную способность глубины мысли и чувства, совета и дружеского разговора. Многие могли ему довериться затаенными своими мыслями и делами. Тут о. Кирилл оказывался истинным пастырем. В этой своей человечности о. Кирилл преодолевал порой бурный, природный эстетизм, так как экзистенциально христианство веде не делится без остатка в земной культуре.

Последнее — о любви к Родине. Родившись в Москве, но рано потеряв мать, маленький Кирилл был отправлен жить в Прибалтику, с полного согласия отца, который поручил его судьбу сестре покойной матери, Наталье Сергеевне, которую он горячо полюбил и в попечении которой вырос. Кровная связь с Родиной им ощущалась всю жизнь: о ней он думал, ее он изучал и любил. В своей профессиональной работе последних лет в радиовещании он старался воплотить заветы самого любимого из своих наставников, Антона Владимировича Карташёва, завещавшего своим ученикам «этюды» о «воссоздании Святой Руси».

Пусть Россия не забудет верного своего сына, который, с тревогой в сердце, но со светлым умом и с духовным дерзновением прожил жизнь, служа ей на путях святости и неколебимой веры в Христову Церковь.

Прот. Михаил Фортунато
31 августа 1990 г., Мюнхен

Коротко об авторах

Алешин Павел (Москва). Поэт, переводчик, искусствовед.

Зелинский Владимир, протоиерей (Брешия, Италия). Настоятель церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Брешии, писатель, богослов.

Козырев Алексей Павлович (Москва). Кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова, и.о. декана философского факультета и заместитель декана философского факультета МГУ по научной работе.

Малахов Виктор Аронович (Киев). Философ, доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Киево-Могилянской академии, главный научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Украины.

Нива Жорж (Женева, Швейцария). Французский историк литературы, славист, профессор Женевского университета, автор книг и статей об Александре Солженицыне, русской литературе, России и Европе.

Никё Мишель (Франция). Филолог-славист, профессор *emeritus* университета Кана в Нормандии, автор многочисленных работ по русской литературе XIX–XX вв.

Строцев Дмитрий Юльевич (Минск, Белоруссия). Поэт, по профессии архитектор, издатель, представитель «Вестника РХД» в Минске.

Феокритова Элизабет (Кембридж, Великобритания). Богослов, научный сотрудник и доцент Кембриджского православного института христианских исследований.

Фортунато Михаил, протоиерей (Франция). Выпускник парижского Свято-Сергиевского православного богословского института, долгие годы был регентом хора в кафедральном соборе Успения Божией Матери в Лондоне; в настоящее время во Франции, на покое.

Языкова Ирина Константиновна (Москва). Искусствовед, автор книг и статей по иконописи в России и в русской эмиграции. Куратор ряда выставок по русской иконе. Автор журналов «Страницы: богословие, культура, образование», «Истина и Жизнь» и «Дорога вместе», соредактор альманаха «Дары».

Erratum: исправление к № 211

В предыдущем номере в публикации разделов книги прот. Сергия Булгакова «Prolegomena к богословию жертвы» на с. 11, 5-я строка сверху, вместо ошибочно напечатанного «...Мексики перед завоеванием ее Монголами» следует читать: «...Мексики перед завоеванием ее Испанией».

Мы приносим свои извинения читателям за ошибку в расшифровке.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Prolegomena к богословию жертвы (продолжение) — <i>Прот. Сергей Булгаков (публ. Н. Струве, Т. Викторовой, Н. Ликвинцевой)</i>	5
Мысли о Церкви (Беседа третья) — <i>Митрополит Антоний Суворожский (пер. и публ. Елены Майданович)</i>	20
Свет, с которым светло (отклик на книгу В.К. Зелинского «Священное ремесло») — <i>Виктор Малахов</i>	28

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Записки из зоны вируса — <i>Свящ. Владимир Зелинский.</i>	46
Анкета «Вестника» о церковной жизни и богослужениях в эпоху пандемии — <i>Отвечают протопр. Иоанн Гейт, Ольга Седакова, свящ. Георгий Кочетков, Юстина Панина, прот. Майкл Плекон, Юлия Балакишина, Дмитрий Строщев, архим. Савва (Мажуко), Виктор Адександров</i>	68

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Две статьи матери Марии (Скобцовой) о монашестве и аскетизме (публ. Т. Викторовой и Н. Ликвинцевой; <i>предисл. и примеч. Н. Ликвинцевой)</i>	93
Страсть к самоанализу — <i>Мать Мария (Скобцова)</i>	94
Современные задачи аскетизма — <i>Мать Мария (Скобцова)</i>	97

*К 150-летию со дня рождения
И.А. Бунина и П.Б. Струве*

Ответы И.А. Бунина на анкету газеты «Возрождение»	101
---	-----

Заметки писателя. О русском языке — <i>Петр Струве</i>	107
Письмо П.Б. Струве И.А. Бунину в связи с присуждением Нобелевской премии	120
И.А. Бунин. Речь, произнесенная в Белграде 20 ноября и оглашенная в Париже на чествовании И.А. Бунина 29 ноября 1933 г. — <i>Петр Струве</i>	121
Письмо И.А. Бунина П.Б. и Н.А. Струве	126
Письма М.М. Винавера сыну Е.М. Винаверу (публ., предисл. и коммент. Т. Викторовой)	128

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

«Неизреченное»: Мистический опыт Юлии Данзас — <i>Мишель Никё</i>	156
Неизреченное [Часть I] — <i>Юлия Данзас</i> (публ. <i>Мишеля Никё</i>)	171

К 85-летию юбилею *Жоржа Нива*

Француз в России сто двадцать лет спустя после маркиза де Кюстина — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Екатерины Белавиной</i>) . . .	179
Большой Успенский, или Потаповский, переулок: легенда, которая сильнее, чем жизнь — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	195
Скалолазание профессора Стайнера — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Екатерины Пичугиной</i>)	205
Живопись и вода в творчестве Александра Сокурова — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Анастасии Маркидоновой</i>)	220
Размышления об убийстве учителя, убитого за то, что он был учитель — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>) . . .	223
Беларусь опрокинута — <i>Дмитрий Строев</i>	227
Мистические стихотворения — <i>Рикардо Гуцфальдес</i> (пер. и предисл. <i>Павла Алешина</i>)	240

В МИРЕ КНИГ

Жатва огненного духа (второй том Собрания сочинений матери Марии (Скобцовой)). — <i>Алексей Козырев</i>	246
--	-----

Неудобное прошлое — откуда? (Книга Николая Эппле «Неудобное прошлое») — Прот. Владимир Зелинский	254
---	-----

ХРОНИКА

Выставка икон из России в Париже. — Ирина Языкова	258
---	-----

Вечера в парижском культурном центре им. А.И. Солженицына

«Невидимки»: вечер, посвященный Анастасии Дуровой — Бландина-Д. Берже (пер. Анастасии Маркидоновой)	262
--	-----

IN MEMORIAM

Николай Греков (1943–2019) — Даниил Стрuve	267
--	-----

Светлой памяти о. Бориса Бобринского (1925–2020) — Прот. Владимир Зелинский	269
--	-----

Отец Рене Маришаль (1929–2020) — Прот. Владимир Зелинский	272
--	-----

Памяти Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020) — Виктор Леонидов	276
---	-----

Рыцарь нашего времени: Дмитрий Иванович Вышнеградский (1924–2020) — Татьяна Викторова	278
--	-----

Отец Петр Скорер (1942–2020) — Элизабет Феокритова (пер. Татьяны Юдиной)	282
---	-----

Дань памяти Ирине Александровне Антоновой (1922–2020) — Франсуа де Сен-Шерон (пер. и примеч. Татьяны Викторовой)	286
--	-----

К 30-летию кончины отца Кирилла Фотиева (1928–1990) — Прот. Михаил Фортунато	289
---	-----

Коротко об авторах	291
------------------------------	-----

Erratum: исправление к № 211	292
--	-----

TABLES DES MATIÈRES

Éditorial	3
-----------------	---

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

Prolégomènes à une théologie du sacrifice (suite) — <i>archiprêtre Serge Boulgakov (publication de N. Struve, T. Victoroff, N. Likvintseva)</i>	5
Pensées sur l'Église (Troisième entretien) — <i>métropolitaine Antoine de Souroge (traduction et publication d'Hélène Maïdanovitch)</i>	20
Lumière qui éclaire (À propos du livre du p. Vladimir Zéliniski <i>Un saint métier. Portraits philosophiques</i>) — <i>Victor Malakhov</i>	28

LA VIE DE L'ÉGLISE

Notes depuis la zone du virus — <i>archiprêtre Vladimir Zéliniski</i>	46
Enquête du « <i>Messenger</i> » sur la vie liturgique et ecclésiale en période de pandémie — <i>Réponses : archiprêtre Jean Guéit, Olga Sedakova, prêtre Georges Kotchetkov, Justine Panina, archiprêtre Michael Plekon, Yulia Balakchina, Dmitri Strotsev, archimandrite Savva Majuko, Victor Alexandrov</i>	68

HISTOIRE DE L'ÉMIGRATION RUSSE

Passion pour l'autoanalyse. Les buts actuels de l'ascétisme — <i>mère Marie Skobtsov (publication de T. Victoroff et de N. Likvintseva, introduction de N. Likvintseva)</i>	93
<i>150e anniversaire de naissance d'Ivan Bounine et de Pierre Struve</i>	
Réponses d'Ivan Bounine à une enquête du journal « <i>Renaissance</i> »	101
Notes d'un écrivain : Dédié à Ivan Bounine — <i>Pierre Struve</i>	107

Lettre de Pierre Struve à Ivan Bounine (à propos de l'attribution du prix Nobel)	120
Ivan Bounine : discours prononcé à Belgrade et lu à Paris lors de la célébration de Bounine, le 29 novembre 1933 – <i>Pierre Struve</i>	121
Lettre d'Ivan Bounine à Pierre et Nina Struve	126

Lettres de Maxim Vinaver à son fils Eugène Vinaver (<i>publication de T. Victoroff</i>)	128
--	-----

ART ET LITTÉRATURE

« L'Inexprimé » : l'expérience mystique de Julie Danzas – <i>Michel Niqueux</i>	156
L'Inexprimé (première partie) – <i>Julie Danzas</i> (<i>publication de Michel Niqueux</i>)	171

Pour le 85e anniversaire de Georges Nivat

Un Français en Russie : cent vingt ans après le marquis de Custine – <i>Georges Nivat (traduction d'Ekaterina Belavina)</i> ..	179
Rue de l'Assomption, rue Potapov, la légende plus forte que la vie – <i>Georges Nivat (traduction de Natalia Likvintseva)</i>	195
Le mur d'escalade du professeur Steiner – <i>Georges Nivat</i> (<i>traduction d'Ekaterina Pitchouguina</i>)	205
L'art et l'eau dans l'œuvre d'Alexandre Sokourov – <i>Georges Nivat (traduction d'Anastasia Markidonova)</i>	220
Après le meurtre d'un enseignant ès qualité d'enseignant – <i>Georges Nivat (traduction de Natalia Likvintseva)</i>	223

Le Belarus est renversé – <i>Dmitri Strotsev</i>	227
Poèmes mystiques (1928) – <i>Ricardo Güiraldes</i> (<i>traduction et introduction de Paul Aliochin</i>)	240

LE MONDE DES LIVRES

Moisson de l'esprit de feu (à propos du deuxième volume des Œuvres complètes de mère Marie Skobtsov) – <i>Alexis Kozyrev</i>	246
--	-----

D'où vient ce passé incommode ? (à propos du livre de <i>Nicolas Epplé</i> <i>Passé incommode</i>) – <i>archiprêtre Vladimir Zelinski</i>	254
--	-----

CHRONIQUE

Exposition d'icônes de Russie à Paris – <i>Irina Yazykova</i>	258
---	-----

Soirées dans le Centre culturel russe

Alexandre Soljénitsyne à Paris

« Les invisibles » : soirée consacrée à Anastasia Dourov – <i>Blandine Berger</i> (<i>traduction d'Anastasia Markidonova</i>).	262
---	-----

IN MEMORIAM

Nicolas Grékoff (1943–2019) – <i>Daniel Struve</i>	267
--	-----

In memoriam père Boris Bobrinskoy (1925–2020) – <i>archiprêtre Vladimir Zelinski</i>	269
---	-----

Père René Marichal (1929–2020) – <i>archiprêtre Vladimir Zelinski</i>	272
---	-----

In memoriam Lev Mnoukhin (1938–2020) – <i>Victor Léonidov</i>	276
---	-----

Un chevalier de notre temps: Dmitri Wischnegradsky (1924–2020) – <i>Tatiana Victoroff</i>	278
--	-----

Père Pierre Scorer (1942–2020) – <i>Elisabeth Theocritoff</i> (<i>traduction de Tatiana Ioudina</i>)	282
---	-----

In memoriam Irina Antonova – <i>François de Saint-Cheron</i>	286
--	-----

30 ^e anniversaire du décès du père Cyrille Fotiev (1928–1990) – <i>archiprêtre Michel Fortounatto</i>	289
---	-----

Notices biographiques des auteurs	291
---	-----

Erratum du n°211	292
----------------------------	-----

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev
Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

НИДЕРЛАНДЫ

Дмитрий Довгер, дьякон
Drususstraat 34, 2025 BS Haarlem
The Netherlands
Tel. +31 6 23549014
e-mail: ddovger@gmail.com

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan
Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество
Elisabetian sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
Tel. +358 40 734 7549
e-mail: elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Ликвинцева Наталья Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел. +7 (495) 915 10 47
e-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург,
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 66 88
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620041, Екатеринбург,
ул. Уральская, д. 57/2, кв. 171
Тел. +7 965 546 60 75
e-mail: ox0517@gmail.com

Воронеж

Павел Строков, дьякон
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спиридонова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики
428000, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, просп. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbх.ru

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Дмитрий Стротцев

220100, Минск,

ул. Цнянская, д. 23, кв. 55

Тел. + 375 29 771 14 73

e-mail: dstrotsev@gmail.com

Гомель

Свято-Никольский мужской монастырь

Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви

246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4

Тел. деж. + 375 232 95 23 35, тел./факс + 375 232 71 92 92

e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев

Вадим Залевский, изд-во «Дух и литера»

04070, Киев,

ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210

Тел. (044) 416 60 20

e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев

Шполянский Илья Михайлович

54001, Николаев,

ул. Набережная, д. 5, кв. 13

e-mail: laik@ukr.net

Харьков

Филоненко Александр Семенович

61098, Харьков,

Полтавский шлях, д. 188, кв. 77

e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович

700052, Ташкент-52,

ул. Кору-Ниязова, д. 102-а

e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego 9, 01-574, Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ЛАТВИЯ

Vasilijs Mincenko
Hospitalu iela 7 – 30
LV-1013 Riga
Latvia
Tel. +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 212

Подписано в печать 30.12.2020
Формат 60х90 1/16. Печ. л. 19

Издательство «Русский путь»

представляет

готовящуюся к печати книгу

Протопресвитер Александр Шмеман

Основы русской культуры: Беседы, 1970–1971

[предисл. С.А. Шмемана; авт. вступ. ст. М.А. Васильева,
А.А. Тесля; подгот. текста и коммент. М.А. Васильевой]

Цикл радиобесед «Основы русской культуры» (1970–1971) выдающегося церковного деятеля и богослова протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) публикуется полностью впервые. Занимающий особое место в наследии Шмемана радиоцикл охватывает большое историческое пространство, выстраивая панораму русской культуры от эпохи введения христианства в Киевской Руси до XX века. «Основы русской культуры» — светское сочинение Шмемана, плод его культурфилософских построений, притом что идеи священника неизменно пропущены через христианскую метафизику. Беседы представляют попытку анализа многосложных узлов и неразрешимых антиномий русской культуры, приведших к тектоническим социальным сломам в начале XX века, к «революции — как обрыву личной и национальной судьбы» сразу нескольких поколений, к исчезновению «дореволюционной России» как культурной цивилизации, к трагедии русского исхода, частью которого был и сам Александр Шмеман, — родившийся в эмиграции, но осознававший себя «безусловно русским».

Издание сопровождается предисловием сына священника, вступительной статьей, повествующей об эдиционной истории текста и связанных с ней архивных и текстологических разысканиях, а также обширными комментариями. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей русской культуры.